Евг. Чириковъ

Дѣвичьи слёзки

1927

ЕВГ. ЧИРИКОВЪ

ДѢВИЧЬИ СЛЕЗЫ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВОЗРОЖДЕНІЕ“ — „LA RENAISSANCE“
2, rue de Sèze, Paris (9).

«ДѢВИЧЬИ СЛЕЗЫ».

Посвящается русской дѣвушкѣ Валѣ.

... Цѣлый день я бродилъ за городомъ, въ «Борисовой градинѣ». Огромная роща, сперва — культурная, потомъ, на горахъ, напоминающая нашъ родной русскій лѣсъ. Здѣсь можно забыть, что не по родной землѣ ступаетъ нога твоя: тихо, безлюдно, задумчиво; попадается грустная береза, сверкающая бѣлымъ бархатомъ ствола среди изумрудныхъ пихтъ и малахитовыхъ сосенъ. Узенькія тропинки, пропадающія въ зеленыхъ сумеркахъ, манящія своей неизвѣстностью; испуганно взлетающія птицы, запахъ гриба, гніющей листвы и пихты и такая сочная бодрая трава съ мигающими въ ней разноцвѣтными глазами дикихъ цвѣточковъ! Нѣтъ людей... Какъ хорошо, что нѣтъ людей! Я такъ усталъ отъ людей... Никто не говоритъ. Такое кроткое ласковое зеленое безмолвіе!.. Надъ головой только небесная синева и жемчужное неподвижное облако.

Вотъ такъ-же я когда-то бродилъ съ ружьемъ въ родныхъ лѣсахъ русской земли, забывалъ обо всемъ на свѣтѣ и растворялся въ природѣ, чувствуя себя слитымъ во-едино съ этимъ таинственнымъ зеленымъ сумракомъ, съ соснами, березами, птицами, травой, цвѣтами... Какое это счастіе

— забывать о себѣ, не чувствовать себя! Такъ легко это въ юности и такъ трудно въ концѣ путей жизни... Вѣдь, на спинѣ тяжелый коробъ разочарованій, сомнѣній, огорченій, страданій, и какъ трудно скинуть его съ плечъ своихъ... За то, когда это удается, — какъ расправляется душа! Точно увядшій цвѣтокъ, стебель котораго внезапно очутился въ свѣжей холодной водѣ...

Блужданіе по лѣсу дало мнѣ этотъ радостный отдыхъ и, не смотря на дальній путь, я вернулся домой бодрымъ и радостнымъ, точно вернулось невозвратное и не о чемъ больше грустить... Такъ хорошо, свѣтло было на душѣ. Точно тихая музыка, нѣжная, ласковая, изъ Мендельсоновскихъ «пѣсенъ безъ словъ», звучала тамъ, рождая молитвенно-благодарственное настроеніе... Захотѣлось что-то написать. Не знаю еще, что хочется написать, но я сажусь къ столу, ищу бумагу и перо...

Что это? Откуда?.. Въ стаканѣ съ водой — нѣсколько вѣточекъ бѣлоснѣжнаго ландыша!.. Такъ вотъ почему въ комнатѣ неуловимо-тонкій знакомый, но позабытый ароматъ!

Появляется смуглая, сверкающая глазами и бѣлыми зубами, болгарка, хозяйка квартиры, она понимаетъ,но не говоритъ по-русски. Я не говорю по-болгарски и понимаю мало. Поэтому наши съ ней разговоры всегда полны недоразумѣній.

Откуда взялись цвѣты?

Говоритъ про какія-то слезы. «Момини сълзи»! Кто-то приходилъ ко мнѣ и плакалъ. Кто? О чемъ?

Смуглая болгарка смѣется, сверкая глазами и зубами. Начинаетъ объяснять уже жестами. Наконецъ-то понялъ: приходила русская дѣвушка и принесла цвѣты, которые по-болгарски называются — «Дѣвичьи слезы»!...

Дѣвичьи слезы! Дѣвичьи слезы! Изумительное

названіе. Слезы чистой дѣвичьей любви! Такъ идетъ это названіе къ бѣлоснѣжнымъ ароматнымъ колокольчикамъ, растущимъ и прячущимся стыдливо въ лѣсныхъ зеленыхъ сумеркахъ...

— Кто-же эта дѣвушка?

Она сказала, что я ея не знаю. Просила поставить цвѣты на столъ и ушла...

Веселая болгарка кокетливо погрозила мнѣ пальцемъ и вышла изъ комнаты...

Я въ волненіи ходилъ взадъ и впередъ, останавливался и бралъ въ руки стаканъ съ «дѣвичьими слезами», вдыхалъ такой знакомый грустно-радостный ароматъ, уносившій меня въ таинственность родныхъ лѣсовъ, въ невозвратность и неповторимость юности... Вѣдь ландышъ и сирень всегда рождаютъ воспоминанія о золотой порѣ нашей жизни!..

Русская дѣвушка!.. Я не знаю, кто она, какая она, но какъ странно-радостно звучатъ въ душѣ эти два слова: «русская дѣвушка». Мнѣ совсѣмъ не хочется и узнать, кто она и какая, эта русская дѣвушка. Не все-ли мнѣ равно? Мнѣ совсѣмъ не важно это знать. Мнѣ довольно того, что дѣвушка русской родной земли пришла ко мнѣ въ изгнаніи и поставила на мой письменный столъ связочку нѣсколькихъ стеблей бѣло-снѣжнаго, нѣжнаго-нѣжнаго, грустно-радостнаго ландыша!

Вѣроятно, я никогда не узнаю этой дѣвушки и ей вовсе не нужно, чтобы я узналъ, кто она. Я для нея тоже только «русскій писатель», написавшій много о юности, съ ея грустной радостью и радостной грустью, съ первыми чистыми порывами любви, полными ароматной тайны, такъ напоминающей бѣлоснѣжный грустный ландышъ въ тихомъ таинственномъ сумракѣ родного лѣса... такой прекрасный и такой хрупкій цвѣтокъ, быстро умирающій

подъ знойными ласками солнца... Символъ любви недостигнутой, самаго прекраснаго сказочнаго цвѣтка нашей жизни.

Прекрасный бѣлоснѣжный цвѣтокъ! Сколько нѣжной грусти и чистой свѣтлой радости въ твоихъ звенящихъ тонкимъ ароматомъ чашечкахъ! Въ юности ты — источникъ невѣдомыхъ, таинственно-прекрасныхъ ожиданій, на склонѣ жизни — источникъ воспоминаній, обвѣянныхъ сладостной грустью, отъ которой помутнѣвшая душа дѣлается вдругъ свѣтлой и прозрачной, какъ родниковый колодецъ въ лѣсу...

Склоняю сѣдую голову надъ цвѣтами, закрываю глаза и дышу нѣжнымъ грустнымъ ароматомъ ландыша... И чудится мнѣ тихій, ласковый, весенній вечеръ надъ луговой рѣчкой и слышу, какъ въ березовомъ лѣсу, за рѣкой грустно, кукуетъ кукушка. Полулежу въ сочной луговой травѣ, съ красными огоньками гвоздикъ и кашки, съ синими глазами колокольчиковъ, съ бѣло-золотыми вѣнцами ромашекъ, съ мохнатыми паутинными головками одуванчиковъ, рѣжу зубами стволикъ долговязой травинки и слушаю, какъ поетъ кукушка за рѣчкой, какъ въ прибрежной осокѣ и тинѣ квакаютъ лягушки, какъ стрекочатъ въ травѣ кузнецы. Людей нѣтъ. Я — одинъ. Съ своей сладкой тоскою по любимой русской дѣвушкѣ, съ двумя толстыми золотистыми косами за спиною, въ коричневомъ гимназическомъ платьѣ, съ золотымъ обручемъ на головѣ. Этотъ обручъ дѣлаетъ ее похожей на святую... Прекрасная святая дѣвушка! Моя любовь къ тебѣ — святая. Моя любовь къ тебѣ — какъ молитва!.. Нѣтъ, даже не молитва, потому что нѣтъ въ ней докучливыхъ просьбъ о своемъ личномъ благѣ. Вѣдь, мнѣ надо такъ мало: видѣть тебя, слышать твой голосъ, изрѣдка встрѣтить твои ласковые

глаза, коснуться твоей руки, твоей одежды.. Моя любовь къ тебѣ — какъ псаломъ твоей красотѣ и святости!

Даже руку твою поцѣловать кажется мнѣ кощунственной дерзостью и, когда дьяволъ вталкиваетъ мнѣ въ голову эту дерзкую мысль, я загораюсь стыдомъ, пугаюсь и боюсь посмотрѣть въ твои ясные, какъ у ребенка, глаза... Мой грѣхъ предъ тобою только въ недостижимой мечтѣ о томъ, чтобы всегда быть около тебя, чтобы всегда тебя видѣть, слышать, ощущать твою близость и еще... чтобы ты никому не дарила своихъ улыбокъ! О, ты такъ небережливо разбрасываешь эти драгоцѣнности! Ты, кажется, не подозрѣваешь даже, что это безцѣнныя драгоцѣнности, потому что улыбаешься даже стрекозѣ, лягушкѣ, ящерицѣ, муравью... И я не могу у нихъ отнять этихъ улыбокъ и отъ этого готовъ плакать... Можетъ быть, за это я иногда сержусь на тебя... и тогда я опускаю голову и молчу, а ты спрашиваешь, о чемъ я задумался? Развѣ я смѣю признаться тебѣ, что завидую стрекозѣ, лягушкѣ, ящерицѣ, которымъ ты улыбаешься, показывая жемчугъ своихъ зубовъ?..

Ахъ, какъ грустно поетъ кукушка! Она плачетъ о томъ, что вотъ и еще одинъ день проходитъ, а мы — не вмѣстѣ... Опять ты не пріѣхала! А я такъ ждалъ тебя сегодня! Опять буду всю ночь сидѣть на балконѣ лѣсного дома и слушать, какъ поютъ соловьи въ лѣсу... Слушать и думать о тебѣ, только о тебѣ!..

Я никого не хочу видѣть. Мнѣ всѣ мѣшаютъ думать о тебѣ. Иду къ рѣкѣ, перебираюсь въ утломъ ботникѣ на ту сторону рѣчки и брожу въ прохладномъ сумракѣ лѣса. Березы, осины, липа и черемуха. Зеленая тайна! Лѣсъ не мѣшаетъ мнѣ думать только о тебѣ. И я брожу по росистой травѣ мед-

ленно и задумчиво, углубляясь въ зеленую тайну лѣса. Птицы не мѣшаютъ мнѣ своими то радостными, то печальными пѣсенками. Эти пѣсенки — какъ мои мысли о тебѣ: то грустные, то радостные вскрики души отъ твоихъ глазъ, твоихъ улыбокъ, твоего голоса... Все дальше, все дальше въ зеленый сумракъ, подъ шатеръ листвы!.. Здѣсь такъ тихо, что слышно, какъ ползаютъ по прошлогоднимъ сухимъ листьямъ муравьи и жуки... Немного сыро подъ ногами: близко вода... Въ запахъ березы врывается тонкій таинственный ароматъ... Это ландыши! Гдѣ они?.. Боже, какой удивительный запахъ... Пахнетъ счастьемъ! Огромнымъ несбыточнымъ счастьемъ! Только въ сказкахъ бываетъ такое счастье... или во снѣ, когда намъ нѣтъ еще двадцати лѣтъ, какъ теперь мнѣ...

Въ зеленыхъ кочкахъ подъ березами сверкаютъ бѣлоснѣжные, словно фарфоровые, колокольчики съ золотыми точками внутри. Они точно приподнялись на цыпочки и осторожно высматриваютъ, что дѣлается кругомъ въ зеленомъ молчаніи. Столько тайны въ этихъ маленькихъ бѣлыхъ цвѣточкахъ! Хочется наклониться и послушать, о чемъ молчатъ они въ зеленомъ сумракѣ. Они — какъ живые: ихъ страшно и жалко сорвать. Кажется, что какъ только это сдѣлаешь, — раздастся грустный звонъ въ молчаніи лѣса, и бѣлые цвѣты заплачутъ молчаливо капельками дрожащихъ на нихъ росинокъ... Въ нихъ есть святость моей любви къ дѣвушкѣ съ золотистыми косами... Можетъ быть, это — чистыя души прекрасныхъ дѣвушекъ, умершихъ на зарѣ жизни и вернувшихся на землю въ образѣ бѣлоснѣжныхъ, источающихъ ароматъ, цвѣтовъ?.. Такъ страшно рвать ихъ... Но такъ тянетъ сорвать! Зачѣмъ? Развѣ не достаточно посидѣть вотъ такъ, около, склонять голову, любоваться, дышать ихъ

ароматомъ?.. Можетъ быть, завтра пріѣдетъ моя святая дѣвушка съ золотымъ обручемъ на головѣ и тогда мы придемъ сюда вмѣстѣ. Пусть своей рукою святая дѣвушка сорветъ эти святые цвѣты! Пусть она украситъ ими золотой обручъ на своей головѣ... А я упаду передъ ней на колѣни и стану молиться ея красотѣ и ея чистотѣ...

Такъ странно тихо въ зеленомъ сумракѣ. И такъ грустно поетъ кукушка. Она плачетъ о томъ, что я — одинъ... И бѣлые ландыши выглядываютъ изъ травы своими головками, смотрятъ на меня золотистыми точками своихъ глазъ и тоже грустятъ, вздыхая грустнымъ ароматомъ въ запахѣ березъ.

. . . . . .

И снова тихій и ласковый весенній вечеръ. И опять поетъ кукушка въ лѣсу за рѣчкой. Но какая радость! какая радость! — мы вмѣстѣ.., Тихо скользитъ ботникъ по зеркальной рѣчкѣ въ зеленой рамѣ прибрежныхъ черемухъ, камышей, осоки. Я направляю ботникъ къ бѣлымъ лиліямъ и золотымъ кувшинкамъ. Святая дѣвушка съ украшеннымъ бѣлоснѣжными ландышами обручемъ на головѣ, вся въ бѣломъ, сама похожая на огромный ароматный ландышъ, склоняясь въ водѣ, срываетъ водяныя лиліи съ длинными хвостами темно-зеленыхъ стеблей и звонко смѣется... Опять она разбрасываетъ свои улыбки по водѣ, по зеленымъ берегамъ, по камышамъ, гдѣ крутятся изумрудныя стрекозы, разговариваетъ съ лягушкой, перекликается съ кукушкой... Оглянись-же хотя разъ и подари мнѣ хотя одинъ взглядъ и одну улыбку!..

Свѣтлой лунной ночью всѣ мы собрались на балконѣ и слушали соловьевъ, въ разныхъ мѣстахъ по рѣчкѣ славословившихъ счастье любви. Никто не говорилъ. Всѣ молчали. Я стоялъ позади святой дѣвушки, склонившей голову на перила балкона.

Она все еще была въ вѣнкѣ изъ ландышей, источавшихъ грустный ароматъ. Я наклонился, чтобы приблизить свое лицо къ ландышамъ и испить полной грудью ихъ дыханіе. Набѣжалъ вѣтерокъ, шевельнулъ золотую паутину дѣвичьихъ волосъ на головѣ и поласкалъ мои щеки и губы. И я опьянѣлъ отъ ароматовъ чистаго счастія и слезы спрыгнули, какъ роса съ цвѣтовъ, съ рѣсницъ моихъ на руку святой дѣвушки. Она вздрогнула и обернулась. Была на ея лицѣ улыбка, необыкновенная святая улыбка. Она ничего не сказала. Она вздохнула, опустила снова голову на перила балкона и прикрыла лицо рукой. Я отошелъ и издали смотрѣлъ на святую дѣвушку. Лунный свѣтъ игралъ на золотомъ обручѣ, на золотистыхъ прядяхъ ея волосъ, скользилъ по ея прикрытому рукой лицу... А когда она отняла руку, чтобы прижать непослушный локонъ, бьющійся подъ набѣгавшимъ вѣтеркомъ, лунный свѣтъ заглянулъ ей въ глаза и заигралъ на повисшихъ на рѣсницахъ, какъ роса на цвѣтахъ, двухъ крупныхъ, сверкнувшихъ драгоцѣнными камнями, слезинкахъ.

О чемъ мы плакали въ лунный весенній вечеръ подъ нѣжныя соловьиныя пѣсни? И о чемъ я плачу молчаливыми слезами теперь, склонившись надъ ландышами, принесенными мнѣ русской дѣвушкой, которой я не знаю?..

Вѣдь, нашу любовь можно назвать торжествующей: мы всю жизнь прошли рядомъ и теперь наши души рядомъ, онѣ сплелись между собою такъ крѣпко, что ихъ можно разорвать только вмѣстѣ съ нашей жизнью... О чемъ-же я плачу, глупый сѣдой мальчикъ?

Не потому-ли, что въ ароматѣ ландышей для меня осталась только сладкая грусть воспоминаній о святой дѣвушкѣ и святой любви?..

Не знаю, не знаю... Но такъ хочется пить ароматную грусть далекихъ невозвратныхъ воспоминаній...

Софія. 1920.

ЧУДО ВОСКРЕСЕНІЯ.

Въ дни Великой скорби и особенно въ ночь подъ Свѣтлое чудо Воскресенія я давно уже испытывалъ страшную томительную тоску. Теперь эта обычная тоска по потерянномъ Христѣ соединяется съ тоской по родинѣ, и душа скорбитъ смертельно... Точно я дважды потерялъ Христа! И, можетъ быть, еще тяжелѣе отъ того, что мой сожитель по комнатѣ, съ которымъ меня случайно соединило наше общее «бѣженство», приватъ-доцентъ Померанскій, никакой тоски не испытываетъ и все еще переполненъ радостью, что благополучно унесъ голову отъ большевиковъ, и теперь наслаждается «неприкосновенностью личности» на чужбинѣ. Страстная суббота, канунъ Свѣтлаго чуда Воскресенія, а онъ себѣ пишетъ свою диссертацію на тему объ «электронахъ»... Меня раздражаетъ его ученое самодовольство, его приватъ-доцентское всезнаніе... А, можетъ быть, я завидую, что онъ не знаетъ ни тоски по Христѣ, ни тоски по родинѣ?.. Заговариваю съ нимъ о нашей родной веснѣ, о колокольныхъ стонахъ въ Великомъ постѣ, о томъ что на путяхъ жизни мы потеряли радость вѣры въ чудо Воскресенія...

— Дѣло не въ родинѣ и въ потеряхъ, а въ томъ, что для насъ, просвѣщенныхъ людей, нѣтъ и не можетъ быть никакихъ чудесъ на свѣтѣ...

— Должно быть, я мало просвѣщенъ... Я тоскую.

— Вы, хотя и достаточно просвѣщенный человѣкъ, но вы художникъ, жрецъ искусства: вамъ нужны вымыслы, сказки, суевѣрія и чудеса. А вотъ нашему брату — ученому, истина дороже всѣхъ обмановъ!

— Что есть истина? — спросилъ я Померанскаго, какъ нѣкогда спросилъ Христосъ у Пилата. — Вы, гетевскіе Вагнеры, похожи на близорукаго безъ очковъ: видите только то, что у васъ подъ носомъ. Ну, развѣ не чудо — сама тайна художественнаго творчества? такъ называемой, художественной интуиціи?

— Для меня не чудо. «Тщетно, художникъ, ты мнишь, что твореній своихъ ты — создатель»! Вся ваша фантастика, мистика творчества проистекаетъ изъ глубинъ человѣческаго дѣтства, съ его невѣжествомъ, страхами предъ непонятными явленіями природы, жизни и смерти, съ его одухотворенными образами боговъ, злыхъ и добрыхъ духовъ. Именно отсюда и вымыслы, и мистика всѣхъ поэтовъ, писателей, музыкантовъ и вообще всей вашей братіи. Вы всѣ — дѣти вѣры, а мы — знанія. Ваша тоска по чудесамъ — инстинктъ самосохраненія...

— Да, намъ мало вашихъ истинъ! Большинство ихъ таковы: срубилъ дерево, обрубилъ корни и вѣтви, очистилъ отъ коры — вышло бревно. Отсюда истина: дерево есть не что иное, какъ бревно, или что бревно есть — одна изъ формъ видоизмѣненнаго дерева! И вы довольны... Разложили воду и познали, что вода есть соединеніе водорода съ кислородомъ. Опять истина!

— Позвольте! Мы познали самую матерію. Мы ухитрились познать ея единство и даже ея строеніе. Строеніе молекулы! Мы открыли единый законъ земли и неба: кругообразное вращеніе, такъ назы-

ваемыхъ, электроновъ. Свели всѣ тайны мірозданія къ единой силѣ — электричеству!

— А что такое электричество? Вы ничего не можете мнѣ сказать иного, что не было уже сказано. Сила! Для меня это еще меньше понятно, чѣмъ электронъ. Послѣдній, вы говорите, можно видѣть, а Силу? Вы придумываете слова и воображаете, что постигаете тайны. Допускаю: вы, можетъ быть, всѣ элементы приведете къ одному радію, но отъ этого самая тайна-то мірозданія, тайна жизни и смерти — нисколько не пострадаетъ. Вы только разъ навсегда отказались трогать основную тайну и во всемъ дѣлаете только одно: изъ дерева — бревно, воображая, что познаете тайны и чудеса мірозданія!..

Мы замолчали, недовольные другъ другомъ. Не знаю, чѣмъ я казался Померанскому, но мнѣ, въ эту минуту тоски по родинѣ и по вѣрѣ въ чудеса, онъ казался именно тѣмъ «бревномъ», которое получилось послѣ того, какъ у дерева обрубили корни и вѣтви и содрали кору...

Померанскій не любитъ острыхъ разногласій. Онъ нарушаетъ молчаливую паузу столкновенія примиренческимъ компромиссомъ:

— Я съ вами готовъ согласиться, что съ чудесами людямъ жилось и легче и веселѣе, занятнѣе, интереснѣе. Теперь насъ ничѣмъ не удивишь и не растрогаешь. Летаемъ по землѣ, по водѣ и по воздуху. Говоримъ на тысячи верстъ. Можемъ записать голосъ, рѣчь человѣка и потомъ воспроизвести ихъ, то есть какъ-бы воскресить покойника... Земля стала казаться человѣку такой-же маленькой, какъ вотъ эта наша комната...

Часы пробили одиннадцать. Наступилъ послѣдній часъ до Свѣтлаго чуда земли. Мысль неслась чрезъ горы и моря на родину. Тоска все громче стучалась

въ душу. Нѣтъ, я не могу больше оставаться въ одной комнатѣ съ ученымъ человѣкомъ, держащимъ въ рукахъ всѣ тайны земли и неба!..

— Вы куда? Если къ Заутренѣ, то рано еще. Воскреснетъ еще черезъ часъ. Успѣемъ. Я тоже пойду. Привычка свыше намъ дана... по наслѣдственности...

— Душно въ комнатѣ...

— Погодите , вмѣстѣ пойдемъ!

— Нѣтъ. Я — одинъ...

Я наскоро одѣлся и вышелъ. Ночь тихая, темная, затаенная. Чудо уже близко. Оно готово снизойти на землю. Притаились звѣзды и пристально смотрятъ на людей. Городъ безлюденъ. Только изрѣдка въ тишину ночи врываются гулкіе и торопливые шаги одинокихъ прохожихъ. Развѣ у насъ такъ? Нѣтъ! У насъ молчаливое радостное смятеніе на улицахъ. Весь городъ бываетъ въ этотъ часъ на ногахъ. Люди потоками льются во всѣ стороны съ трепетными душами, съ затаенной радостью въ сердцахъ... Купола и кресты храмовъ уже загораются праздничными огоньками.

Здѣсь есть только одна русская церковь. Спѣшу туда... Чѣмъ ближе къ этой церкви, тѣмъ сильнѣе волненіе. У меня такое чувство, точно я возвращаюсь на родину.

Не могу сдерживать шагъ, ноги не слушаются... Въ темнотѣ слышится родная рѣчь, торопливыми стайками тянутся къ церкви русскіе. Все сильнѣе иллюзія родины. Вотъ и я въ церкви... Пробрался въ самый дальній уголокъ, гдѣ потемнѣе, прижался къ стѣнѣ, закрылъ глаза... хочется заплакать, а стыдно, если увидятъ слезы: вѣдь, я уже сѣдой!.. Гулко разносится подъ высокими сводами чтеніе «страстей Господнихъ». Пахнетъ пихтою, ладаномъ и воскомъ. Ходятъ на цыпочкахъ, говорятъ затаен-

нымъ шепотомъ. Быстро заполнилась церковь и застыла въ напряженномъ ожиданіи.

Слушаю монотонное чтеніе дьячка, шорохи шаговъ и благоговѣйные вздохи, закрываю снова глаза и мнѣ чудится, что ничего не случилось, что я не на чужой сторонѣ, а въ любимомъ краю... на милой родинѣ...

Воскресло вдругъ въ моей памяти далекое воспоминаніе о маленькой церкви въ уѣздномъ городкѣ на Волгѣ, куда я пріѣзжалъ гимназистомъ на каникулы, и съ нимъ вмѣстѣ воскресла изъ мертвыхъ цѣлая полоса моей жизни. Возстали изъ мертвыхъ мать и братъ и нетлѣнными предстали предо мною всѣ образы прошлаго, связанные съ этой ушедшей въ вѣчность жизнью... Я увидѣлъ, какъ на яву, городокъ, потонувшій въ садахъ, въ лощинѣ прибрежныхъ волжскихъ горъ, съ его скрипучими деревянными тротуарами, съ каланчей, съ бѣлымъ двухъэтажнымъ домомъ градоправителя-исправника, съ соборомъ и съ красивымъ кладбищемъ въ березовой рощѣ. Боже мой, какъ я любилъ это кладбище съ грустными березами, черезъ которыя поглядывала на городокъ церковь съ синимъ куполомъ! Любилъ и зимой, и особенно ранней весною. Жилъ-былъ старенькій сѣденькій попикъ въ оградѣ этого кладбища, въ старенькомъ деревянномъ домѣ, около самой церкви... Умеръ, конечно, давно этотъ старенькій попикъ, а вотъ сейчасъ тоже воскресъ: я вижу его живымъ, привѣтливымъ, добрымъ. Была у него внучка Маруся... Это она заставила меня полюбить кладбище съ грустными березами...

Пріѣхалъ я въ городокъ на Рождественскіе каникулы и встрѣтилъ на каткѣ дѣвушку. Она не каталась, а только пришла посмотрѣть, какъ катаются. Былъ морозный звонкій день. Ослѣпительно сверкалъ снѣгъ и, какъ стекло, звенѣлъ ледъ

подъ коньками. Я катился вдоль снѣжнаго берега пруда, изъ-за ограды котораго смотрѣла некатающаяся публика, и неожиданно затормозилъ бѣгъ: я увидалъ необыкновенную по красотѣ дѣвушку! Точно чудо, остановило меня ея личико. Никогда въ жизни не видалъ ничего подобнаго... Нельзя было стоять и смотрѣть. Я пробѣгалъ весь кругъ самымъ быстрымъ темпомъ, а, приближаясь къ дѣвушкѣ, уставалъ, поправлялъ коньки, вообще медлилъ и изподтишка любовался необыкновенной красавицей... И все не могъ насытиться. Тянуло снова и снова... Но вотъ приближаюсь къ роковому мѣсту, нѣтъ ея! Сразу потускнѣла радость и сдѣлалось скучно-скучно. Все сразу опостыло. Ушла! Кто она? Какъ ее зовутъ и гдѣ она живетъ? Я торопливо сбросилъ коньки и пошелъ... Можетъ быть, я нагоню эту удивительную дѣвушку съ толстой русой косою?.. Нѣтъ. Не догналъ. Пропала. Каждый день я смотрѣлъ и на каткѣ, и на улицахъ, по которымъ гуляли, ждалъ, не встрѣчу-ли ея? Нѣтъ! Исчезла. Откуда взялась? Куда дѣлась? Городокъ небольшой. Пропасть-то негдѣ. Уже кончались каникулы, когда я совершенно неожиданно встрѣтилъ вдругъ эту таинственную дѣвушку. Было это вечеромъ въ полусумракѣ золотисто-румяной зимней зари. Зашелъ въ лавку, а она уходитъ изъ лавки! Забылъ, *что* собирался купить, а время уходитъ: опять могу потерять. Купилъ что-то подвернувшееся въ глаза и не захотѣлъ ждать «сдачи»:

— Послѣ зайду!.. За вами останется...

И скорѣй въ погоню! Далеко ушла уже. Опоздай нѣсколько секундъ и свернула-бы за уголъ, а тогда опять «прощай»!.. Скрылась за угломъ, я прибавилъ ходу. Быстро идетъ, каблучками по деревяннымъ доскамъ постукиваетъ. Идетъ плавно

и гордо такъ. Даже робость поближе нагнать одолѣваетъ. Иду въ отдаленіи. Куда-же она? Городокъ кончился, а она идетъ.. Идетъ по дорогѣ къ кладбищу... Да, туда. Что-жъ, на кладбище всякій имѣетъ право ходить. Дошелъ до воротъ, увѣнчанныхъ крестомъ, постоялъ въ нерѣшительности, а потомъ перекрестился и вошелъ въ ограду... Ходилъ по дорожкамъ, разсматривалъ памятники, читалъ надписи и поглядывалъ: гдѣ-же она, прекрасная таинственная дѣвушка? Исчезла, какъ привидѣніе! Каждый вечеръ сталъ ходить на кладбище, сидѣлъ на лавочкахъ, около могилъ, и грустилъ. Сладкая грусть точила мнѣ сердце все сильнѣе. И вотъ, наканунѣ своего отъѣзда, когда я въ послѣдній разъ пошелъ прогуляться на кладбище, я, наконецъ, встрѣтился съ ней: идетъ къ воротамъ отъ старенькаго дома...

— Вамъ кого угодно? Священника, вѣроятно?..

— Мнѣ..

Она стоитъ и смотритъ пристально мнѣ въ лицо. Боже мой, какіе глаза! какіе глаза!

— Нѣтъ... Я люблю гулять на кладбищахъ и потому...

— Не боитесь?

— Что вы! Развѣ я мальчикъ?..

— А я думала, что вы къ намъ, къ дѣдушкѣ...

— А вы живите на кладбищѣ?

— Да. Съ мертвыми. И не боюсь. .. Я живу въ городѣ С., а сюда только пріѣзжаю на праздники... Вы тоже, кажется, не здѣшній?

— Да. Я... завтра уѣзжаю, но... въ другой городъ...

Такъ мы познакомились, чтобы разъѣхаться на другой день въ разныя стороны...

Увезла съ собой мое сердце милая дѣвушка съ кладбища!..

Тосковалъ я по ней настойчиво. Стоитъ предъ моими глазами ея лицо, съ удивительными, глазами и не уходитъ! Полюбилъ одиночество: брожу со своей тоской по улицамъ и грустно бунчу: «люблю-ли тебя, — я не знаю, но кажется мнѣ, что люблю»...

Я жилъ въ какомъ-то туманѣ тоски и смутныхъ ожиданій. Ждалъ Пасхальныхъ каникулъ: можетъ быть, удивительная дѣвушка опять пріѣдетъ къ дѣдушкѣ на кладбище и тогда... Я даже не знаю, какъ ее зовутъ! Я только могу называть ее въ своихъ тайныхъ думахъ: «милая, милая!»

И вотъ дотянулась-таки моя тоска до шестой недѣли Великаго поста. Послѣдніе дни прошли въ сборахъ незамѣтно...

Въ городокъ пріѣхалъ позднимъ весеннимъ вечеромъ. Когда прошелъ восторгъ первой встрѣчи съ родными, пошелъ прогуляться по улицамъ, вышелъ въ концу города и долго смотрѣлъ по направленію кладбища, гдѣ мигали два огонька. Можетъ быть, одинъ огонекъ горитъ для моей удивительной милой дѣвушки? А если ея нѣтъ?.. «Люб-лю-ли те-бя, я не знаю, но ка-жется мнѣ, что люблю». И вотъ я снова хожу на кладбище, брожу межъ могилъ въ золотисто-румяныхъ сумеркахъ весеннихъ вечеровъ, слушаю, какъ въ лѣсу за кладбищемъ токуютъ тетерева, какъ пищатъ синички и разная пернатая мелкота въ грустныхъ березахъ, наливающихъ почки, и жду, когда сѣденькій попикъ велитъ ударить къ вечернѣ, чтобы можно было пойти въ кладбищенскую церковь говѣть и... увидать Марусю... Я уже теперь знаю, что она, моя милая, необыкновенная дѣвушка— Маруся!

Гордая Маруся! Не хочетъ понять, что я люблю ее. А, можетъ быть, понимаетъ, но... молчаніемъ своимъ отвергаетъ. Какъ знать?

Всю Страстную смертельно тоскую и скорблю.

Она измѣнилась. Стала серьезной и гордой. Раньше была не такая. Тогда, у воротъ, она такъ ласково разговаривала со мною, а теперь... теперь она совсѣмъ не замѣчаетъ меня. А однажды прошла и не отвѣтила даже на мой поклонъ... Я совсѣмъ для нея не существую...

— Господи! Владыко живота моего!

Она такъ молится!.. У ней необыкновенное лицо, когда она поднимаетъ глаза на икону Божьей Матери, стоя на колѣняхъ...

— Духъ же цѣломудрія, смиреномудрія, терпѣнія
и любве даруй ми, рабу Твоему!..

Когда кончается вечерня, она быстро исчезаетъ, и я остаюсь съ моей тоской и обидой. Брожу по аллеямъ кладбища и жду все чего-то... Слышно, какъ падаетъ капель съ березъ, какъ токуютъ тетерева и какъ гдѣ-то далеко кричатъ журавли... Загорается огонекъ въ церковномъ домѣ, гдѣ живетъ и прячется дѣвушка, по которой тоскуетъ душа моя... Когда совсѣмъ стемнѣетъ, я теряю надежду... на что? Не знаю. Все на что-то надѣюсь и жду чего-то... Медленно иду съ кладбища, посматривая на огонекъ въ занавѣшанномъ окошечкѣ, у воротъ на мгновеніе пріостанавливаюсь и оглядываюсь... А журавли кричатъ!

Однажды удалось-таки столкнуться съ Марусей при выходѣ на паперть:

— Здравствуйте, Марія Константиновна!

Не улыбнулась, не пріостановилась и даже не взглянула. Кивокъ головкой въ землю и мимо. Вышла и проворно пошла по дорожкѣ къ своему домику. Постоялъ: не оглянулась! Нѣтъ, не оглянулась!..

Весна торопится. Звонъ весеннихъ потоковъ не обрывается даже ночью. Воздухъ пропитанъ пряны

ми запахами. Уже цвѣтутъ изподтишка бѣленькіе подснѣжники и голубенькія фіалки. Тетерева немолчно бормочутъ въ лѣсу на утреннихъ и вечернихъ зоряхъ. Въ садахъ за заборами вѣчно птичій гомонъ, оттуда наноситъ запахами гніющей листы и грибовъ... На улицахъ непролазная грязища и бурливыя канавы. Мальчуганы уже открыли навигацію.

— Почему тебѣ вздумалось говѣть въ кладбищенской церкви? Туда на лодкѣ надо плавать... — мимоходомъ спрашиваетъ мать.

— Я люблю кладбище...

Да, я любилъ кладбище. Такъ изумительна весна на кладбищѣ! Точно стоишь у самыхъ истоковъ жизни и смерти. И чувствуешь, что есть какое-то таинственное и огромное Чудо, которое выше жизни и смерти. Ощущаешь въ себѣ вѣчность и безсмертіе. Хорошо теперь на кладбищѣ! Зеленится на могилахъ травка, изъ-подъ гніющей листвы смотритъ голубенькій глазокъ фіалки... весело поютъ птички. По вечерамъ прилетаетъ изъ лѣсу кукушка и грустно плачетъ на березѣ. Приходятъ живые къ мертвымъ, сидятъ на лавочкахъ, или садятъ цвѣты. Звонко и весело раздаются подъ березами, среди крестовъ и памятниковъ, дѣтскіе голоса... Сторожъ очищаетъ могилы и дорожки и мурлыкаетъ пѣсенку. А въ поповомъ домѣ уже выставили зимнія рамы!..

Маруся начала ходить въ голубенькой вуалеткѣ, одѣлась по весеннему и отъ этого сдѣлалась выше, стройнѣе и еще неприступнѣе.

. . . . . .

Никого нѣтъ на свѣтѣ! Всѣ умерли: и сѣденькій попикъ, и моя мать, и брата нѣтъ — убили на войнѣ, и Маруси нѣтъ, она тоже въ могилѣ. А я всѣхъ васъ вижу, всѣхъ васъ слышу и люблю... Встрѣчаю живой взоръ очей, улыбки на вашихъ лицахъ...

Вы живы! Вы воскресли! Мнѣ чудится, что я въ кладбищенской церкви, что это сѣденькій попикъ сверкаетъ праздничной ризою и что вонъ тамъ, налѣво, въ притворѣ, непремѣнно стоитъ Маруся, моя тайно любимая дѣвушка съ золотистой косою, въ бѣломъ платьѣ, вся такая свѣтлая-свѣтлая, чистая и непорочная... Какъ ангелъ! Вотъ она смотритъ прямо въ мои глаза и отъ этого взгляда въ моей душѣ совершаются чудеса, непонятныя и необъяснимыя: мнѣ такъ удивительно радостно, что хочется заплакать...

Ударилъ колоколъ въ вишнѣ надъ головою. Свершилось Свѣтлое чудо Воскресенія. Трепетъ пробѣжалъ по церкви, заколыхалась толпа молящихся. Церковный причтъ въ сверкающихъ ризахъ, съ хоругвями и хоромъ пѣвчихъ, двинулся встрѣтить Христа:

Вос-кре-се-ніе Тво-е, Христе Спа-се!
Ан-ге-ли по-ютъ на небеси...

Ушли. Безчисленные огоньки загорѣлись и побѣжали въ разныя стороны. Я не пошелъ... Я закрылъ глаза и живу съ тѣми, кто умеръ... Я — въ кладбищенской церкви... за Свѣтлой заутреней..

... И другъ друга обы-немъ...
Рцемъ «братіе»! и ненавидящія насъ
Простимъ вся Воскресеніемъ!

Въ старыя времена при этихъ словахъ люди, знакомые и незнакомые, кланялись другъ другу въ поясъ и всѣ лобызались. Теперь — только — знакомые и то не всегда. Вотъ Маруся, навѣрное, откажется похристосоваться... Гдѣ-же она, Маруся? Ушла? Можетъ быть, прикладывается къ Кресту?

Я торопливо перекрестился, вышелъ на паперть и сталъ слѣдить за выходящими изъ церкви, чтобы не пропустить Маруси, моей свѣтлой прекрасной дѣвушки, похожей на святую... Всѣ идутъ съ пас-

хальными огоньками, берегутъ ихъ отъ вѣтра. Радостно перекликаются колокола всѣхъ четырехъ церквей городка и кажется, что ихъ не четыре, а великое множество, потому что эхо лѣса и волжскихъ горъ повторяетъ радостный трезвонъ... Словно вся земля ликуетъ отъ радости! Пасхальные огоньки расползаются отъ церкви и въ темнотѣ кажутся падающими звѣздочками. И на кладбищѣ — огоньки! На нѣкоторыхъ могилахъ — красные или синенькіе: зажгли лампадки... Боже мой, какъ все это удивительно, все полно красоты и тайны! И на землѣ, и на небесахъ. Гдѣ-же моя свѣтлая, моя чистая, моя святая дѣвушка въ бѣломъ?... Идетъ!! Необыкновенная Маруся! Особенная, просвѣтленная, радостно-тихая, съ такими глубокими-глубокими глазами... Въ рукѣ горящая свѣчечка съ золотымъ переплетомъ. Огонекъ свѣчки даетъ отсвѣтъ на ея лицѣ, дрожитъ искорками въ ея бездонныхъ очахъ...

— Христосъ воскресе, Марія Константиновна!

Испугалась, покраснѣла, кашлянула и.. огонекъ погасъ!

— Вотъ что вы надѣлали... Воистину воскресе! Значитъ, скоро умру...

— Христосъ воскресе!

Еще больше смутилась:

— Хорошо, хорошо... потомъ... послѣ... Здѣсь такъ тѣсно...

Вышли съ паперти и медленно пошли по дорожкѣ къ церковному дому. Молчимъ, а идемъ тихо-тихо, чтобы дольше не дойти.

— Я хотѣла отнести огонекъ домой и опять — въ церковь...

— Опять въ церковь?

— Да. Сейчасъ начнется обѣдня...

— Вы простудитесь! Позвольте, я вамъ помогу...

Помогъ Марусѣ надѣть весеннее пальто, которое она несла на рукѣ.

— Неужели вы не устали?

— Немного устала... Посидимъ немножечко... гдѣ-нибудь... тамъ!

И мы пошли по дорогѣ, ведущей вглубь кладбища.

— Вы не боитесь мертвыхъ?

— Нѣтъ. Чего бояться? Всѣ мы будемъ когда-нибудь мертвыми. Я каждое лѣто провожу у дѣдушки и постоянно сижу или брожу на кладбищѣ... Читаю или работаю что-нибудь...

Медленно шли мы межъ могилъ и памятниковъ. Поднялись на горку. Здѣсь, подъ березами, была могила, обнесенная чугунной рѣшеткой.

— Здѣсь моя мама, бабушка... здѣсь-же когда-нибудь буду и я...

— Почему вы... хороните себя заживо...? Христосъ воскресе, а вы все о смерти...

— Огонекъ у меня потухъ... и вы виноваты: испугали меня...

— Предразсудокъ. Не стоитъ придавать значенія такому пустяку.

— Ну, хорошо, не буду придавать. Пойдемте, я покажу вамъ свое любимое мѣстечко. Оттуда видно Волгу. Лѣтомъ я всегда сижу тамъ съ книжкой.

Пошли дальше на взгорье. Тутъ подъ группой березъ была лавочка. Сѣли и притихли... Потомъ стали разсказывать другъ другу про себя и про то, что мы намѣрены дѣлать, когда кончимъ гимназію. Можетъ быть , оба очутимся въ одномъ городѣ: я буду студентомъ, а она — курсисткой. Маруся повеселѣла, оживилась и размечталась.. Неожиданно она оборвала свои мечты:

— Погодите! Что это!

Притихли, стали вслушиваться. Гдѣ-то подъ горой разносился странный шумъ. Точно тяжело-тяжело вздыхала земля. Шорохи, вздохи и вдругъ — звонъ, точно кто-то выбросилъ съ высоты груду стеколъ! Опять! Опять!

— Волга тронулась — таинственно прошептала Маруся и вскочила на ноги.

— Да, да... Волга тронулась... Слава Богу!

Маруся перекрестилась и загорѣлась радостнымъ трепетомъ.

— Идемъ смотрѣть ледоходъ! — сказала она, потянувъ за рукавъ моего пальто.

Маруся рванулась впередъ. Я едва поспѣвалъ за нею.

— Тутъ есть калиточка... прямо на Волгу можно.. Ой! Зацѣпилась!

Я отцѣпилъ Марусино пальто, и она нырнула въ калиточку. . .

— Тронулась! Тронулась! Посмотрите — ползетъ дорога!

Вышли на обрывъ, стояли и слушали, какъ Волга ломала ледяныя цѣпи. Странную радость давалъ намъ ледоходъ, съ его вздохами, ворчаньемъ, глухими ударами трескавшагося на огромномъ протяженіи льда и звономъ бьющагося стекла. Подъ горой уже шла тревога: мелькали огни фонарей, зычно кричали люди. Тамъ зимовала баржа, а на берегу строился дощеникъ. Люди спасали ихъ... Скоро-скоро воскреснетъ матушка-Волга и широко раскинется на луговомъ просторѣ и снова кипучая жизнь воскреснетъ на ея берегахъ и на водныхъ равнинахъ во всей своей красотѣ и силѣ!..

— Отсюда, вѣрно, уже на пароходѣ поѣдемъ! Господи, какъ я рада, какъ я рада!

— Вмѣстѣ поѣдемъ... Хорошо?

Маруся посмотрѣла мнѣ въ глаза и улыбнулась:

— Да, вмѣстѣ...

Но ударилъ церковный колоколъ... и понесся опять радостный трезвонъ, наполнившій ликованіемъ всю землю и наши души...

— Обѣдню-то я и... пропустила! Надо домой... Дѣдушка хватится, безпокоиться станетъ, куда запропала...

Я вздохнулъ и сказалъ:

— Такъ скоро кончилась обѣдня!

Пошли назадъ. Маруся шла впереди, а я шагалъ въ ея слѣды на сырой землѣ и не зналъ, какъ заговорить о своемъ чувствѣ, для котораго не подходило ни одно человѣческое слово... «Господи, помоги мнѣ»!

Поздно: вотъ и крыльцо, въ которое всегда прячется моя радость, оставляя мнѣ тоску...

— Ну, вотъ и пришли... — шепчетъ Маруся и протягиваетъ мнѣ руку.

— Христосъ воскресе, Марья Константиновна!

Бѣлая свѣтлая прекрасная дѣвушка не смутилась, Она прямо въ глаза посмотрѣла мнѣ и сказала:

— Воистину воскресе!

А я не выпускалъ ея руки и говорилъ:

— Вы сказали, — «потомъ, послѣ»...

И тутъ Маруся вспыхнула яркимъ румянцемъ и опустила глаза.

— Потомъ... послѣ... — шептала она, стараясь высвободить свою руку изъ моей.

— Вы обѣщали... Христосъ воскресе!

Маруся вздохнула, оглянулась вокругъ и, преклонивъ голову, прошептала:

— Ну... воистину воскресе!..

Она закрыла глаза и я поцѣловалъ ее въ горячія вздрогнувшія губы... потомъ еще разъ и еще разъ...

— Маруся, милая, прекрасная дѣвушка! О чемъ-же плакать?

Маруся стояла, прижавшись къ двери, съ безвольно опущенными руками, съ запрокинутой головою, и изъ ея сомкнутыхъ глазъ катились крупныя слезы...

— Маруся...

Дѣвушка словно проснулась, встрепенулась вся и скрылась за дверью...

А я долго стоялъ подъ домикомъ и старался мысленно проникнуть въ его комнаты. Вотъ вспыхнуло свѣтомъ занавѣшанное окошечко и мелькнула тѣнь Марусинаго профиля... Гдѣ-то близко пропѣлъ пѣтухъ. Я оторвался отъ свѣтлаго окошка и медленно побрелъ прочь. Походилъ около церкви, потомъ пошелъ вглубь кладбища. Не было силъ уйти въ городъ. Что-то приковывало меня къ царству мертвыхъ, среди которыхъ сіяла радостью жизни жившая въ кладбищенскомъ домѣ бѣлая дѣвушка, которую звали Марусей...

Я направился на горку, подъ березы, гдѣ любитъ сидѣть лѣтомъ Маруся. Долго я слушалъ таинственные шорохи кладбища, вздохи земли и ропотъ ломающей ледяныя цѣпи Волги... Свѣтало. Зарумянились облака надъ лѣсомъ. Заворчали токующіе тетерева. Закричали журавли. Заворковали на церковной колокольнѣ голуби... Кладбище огласилось птичьимъ щебетаніемъ. Верхушки березъ стали золотиться на солнечныхъ лучахъ. Засверкалъ ослѣпительно крестъ на голубомъ куполѣ. Прилетѣла изъ лѣсу кукушка, сѣла на березу и заплакала отъ радости...

. . . . . .

... И сущимъ во гробѣхъ животъ даровалъ!

Кончилась Заутреня и съ нею моя жизнь въ прошломъ. Я вышелъ изъ церкви, полный мистической раздвоенности: ярко ощущалъ *ту жизнь*, жизнь уже пережитую, и, какъ сонъ, восприни-

малъ жизнь *эту*, жизнь настоящаго. Та жизнь казалась реальной и дѣйствительной, а эта галлюцинаціей... Медленно шагалъ я по тихимъ мертвымъ улицамъ чужого спящаго города, продолжая пребывать въ какомъ-то межвременномъ и межпространственномъ состояніи души, какъ вдругъ очнулся и рѣзко почувствовалъ дѣйствительность: до моего слуха коснулся и пробудилъ мое сознаніе знакомый голосъ приватъ-доцента Померанскаго:

— Мы, люди положительнаго знанія, ни въ какія чудеса и сказки не вѣримъ болѣе. Мы вѣримъ только законамъ движенія, тяготѣнія, законамъ тепловой, свѣтовой и электрической энергіи, а въ общемъ, если хотите, вѣримъ только въ одинъ основной законъ міросданія — въ движущійся электронъ!..

Такъ просвѣщалъ кого-то мой ученый сожитель: онъ сопровождалъ даму. Почему разумно вѣрить въ какой-то всемогущій и единый «электронъ» и вмѣстѣ съ тѣмъ отвергать чудо? Почему разумно вѣрить въ какую-то единую силу міросданія и неразумно вѣрить въ Бога?..

— Я видѣлъ, видѣлъ собственными глазами!

— Электронъ?

— Да, да! Электронъ! Это, скажу вамъ, чудо изъ чудесъ! Изумительное зрѣлище! — звучалъ въ темной тишинѣ знакомый голосъ, а я грустно улыбался и думалъ:

— Я сейчасъ видѣлъ глазами души своей еще болѣе изумительное чудо — я видѣлъ живыми свою мать, брата, сѣденькаго попика и... поцѣловалъ воскресшую изъ мертвыхъ прекрасную свѣтлую дѣвушку, которую зовутъ Марусей и которая умерла сорокъ лѣтъ тому назадъ! Я вѣрю въ Свѣтлое чудо Воскресенія!..

Софія. 1920.

БѢЛЫЕ ГРИБЫ.

— Вы спрашиваете, почему я не ѣмъ бѣлыхъ грибовъ, да еще поджаренныхъ на маслѣ и сметанѣ? Это, конечно, очень вкусно... Но для меня живой бѣлый грибъ — святыня души, а жареный... въ маслѣ и сметанѣ... какъ-бы это сказать? Ну, оскорбленіе, кощунство. Не смѣйтесь! Мы живемъ въ тѣсной неразрывной связи со всѣмъ окружающимъ насъ міромъ, и часто какой-нибудь самый обыкновенный предметъ... ну, хотя бы и бѣлый грибъ — бываетъ для насъ какъ бы символомъ самаго драгоцѣннаго событія или воспоминанія, умирающаго только вмѣстѣ съ нами! Именно отсюда и наша привязанность къ вещамъ...

— Такъ вотъ почему у васъ на письменномъ столѣ — этюдъ... эта парочка бѣлыхъ грибовъ! *Поняла.* Значитъ, это не просто грибы, а таинственные грибы?

— Да, это не просто акварель и не просто грибы...

— Ну, а портретъ дѣвушки, который всегда стоитъ рядомъ съ грибами, это — тоже ваша тайна? Эта дѣвушка имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ грибамъ?

— Однако, у васъ чисто женскій нюхъ къ тайнамъ!

— Нюхъ?

— Не обижайтесь! Этотъ женскій инстинктъ очень напоминаетъ чутье охотничьей собаки.

— Довольно оригинальное сравненіе...

— Позвольте, позвольте! Вѣдь, бываютъ такія охотничьи собаки, что просто не налюбуешься ихъ умомъ, красотой и граціей! Вотъ вы и улыбнулись!..

— Не могу на васъ сердиться...

— Нѣтъ, я говорю серьезно. Была у меня такая собака, Джальмой звали, такъ вотъ у ней было, такъ называемое *«верхнее чутье»* — прямо что-то изумительное: — поведетъ мордочкой надъ лугами во всѣ стороны, оглянется и поведетъ прямо на дичь, иногда шаговъ за двѣсти!

— Значитъ, я угадала?.. Но бѣлые грибы — это такъ необычно и прозаично!

— Необычно — пожалуй, но совсѣмъ не прозаично. Живой бѣлый грибъ въ лѣсу на шелковомъ зеленомъ коврикѣ изъ узорчатаго мха — это, ей-Богу, красивѣе розы! Это совсѣмъ не похоже на жареный въ маслѣ и сметанѣ! Вы хотите, чтобы я выпилъ еще вина?

— А вы садитесь сюда, въ кресло и... разскажите мнѣ про тайну съ бѣлыми грибами! Хорошо?

— И любопытство у васъ... тоже чисто женское.

— Хорошо, хорошо. Это давно и всѣмъ извѣстно, что я — женщина, а вотъ лучше — про бѣлые грибы!

— Я боюсь, что при передачѣ улетитъ весь ароматъ этой маленькой исторіи на всю мою большую жизнь. Вы, современные молодые люди, живете совсѣмъ въ иной плоскости, чѣмъ жили мы: вы всѣ во власти позитивизма, матеріализма и практичности, а мы... мы были идеалистами и романтиками во всемъ: въ политикѣ, искусствѣ и въ любви!

— А что лучше?

— И человѣкъ и человѣчество всегда жили и дви-

гались впередъ сказками. «Въ началѣ бе сказка». Все духовное творчество человѣка' вышло изъ сказки. Съ ея-же помощью человѣчество стало познавать Бога. Другихъ путей у него не было. И отъ сказки у человѣка выросли крылья — божественный Духъ человѣка...

— А про науку-то вы и забыли!

— Нѣтъ, не забылъ. Наука обогащаетъ умъ человѣческій, нашъ мозгъ, но не душу... Вы не согласны? Конечно, конечно! Вѣдь, вы именно науку-то и считаете всемогущимъ богомъ человѣчества.

— Вотъ вамъ мое возраженіе: благодаря наукѣ, люди стали летать, какъ птицы! Развѣ это не обогатило человѣческую душу? Развѣ это не дало намъ новыхъ крыльевъ души?

— Нѣтъ. Пока это дало намъ лишь новую возможность истреблять другъ друга. А затѣмъ, до нашихъ аэроплановъ, въ глубокой древности временъ, человѣкъ сочинилъ сказку про Дедала и Икара, которые полетѣли, какъ птицы, на искусственныхъ крыльяхъ. И «ковры-самолеты» тоже появились сперва въ сказкѣ. Я хочу сказать, что божественное вдохновеніе человѣка проистекаетъ изъ вложеннаго въ его душу стремленія питать свою душу прекрасными сказочными фантазіями. Наука, безъ рожденной изъ сказки поэзіи, тускла, педантична и не окрыляетъ, а сушитъ душу. Я знаю образованнѣйшихъ въ научномъ отношеніи людей, душа которыхъ похожа на вяленую воблу, и знаю людей, далекихъ отъ научнаго міровоззрѣнія, душа которыхъ похожа на цвѣтущую сирень!

— Ну, ладно, ладно... Вы забыли про бѣлые грибы!

— Ахъ, да!.. Вамъ надо бы обратиться къ ученому ботанику, а вотъ вы обращаетесь ко мнѣ, писателю... Такъ вотъ про бѣлые грибы...

Кончается іюль. Лѣто на переломѣ. Зной прошелъ, но земля разнѣжилась за лѣто и все еще — какъ молодая купчиха послѣ бани: паръ отъ нея идетъ и вѣничкомъ припахиваетъ. Изъ-за садовыхъ заборовъ съ гвоздями наноситъ яблокомъ: анисомъ, размариномъ, *пудовщиной;* съ огородовъ, надъ которыми лѣниво склонились головы подсолнечниковъ, тянетъ огурцомъ и капустой. Въ лугахъ, уже скошенныхъ, пахнетъ медовыми травами и земляникой. Въ сжатыхъ поляхъ — ржанымъ хлѣбомъ, кашкой и васильками. Въ лѣсу — прѣлымъ листомъ и грибами... Сила земли чуется во всѣхъ этихъ запахахъ и въ молодости отъ нихъ пьянѣешь, какъ отъ вина. И въ тебѣ тоже бурлитъ эта земная сила, ибо и ты «изъ земли родися». А душа твоя? Она изумленно смотритъ во всѣ стороны и все ждетъ чего-то. Что-то должно случиться. Что? Неизвѣстно. Это великая, всемогущая тайна. Точно рыцарь въ полномъ вооруженіи и доспѣхахъ, стоитъ молодая душа на перекресткѣ трехъ дорогъ и ожидаетъ состязанія. Кто-то выѣдетъ навстрѣчу на ратномъ конѣ!..

Вотъ такимъ рыцаремъ чувствовалъ себя и я, когда во дни далекой юности гостилъ въ глухомъ имѣніи у своего холостяка-дяди. Этотъ странный холостякъ безвыѣздно лѣтъ десять прожилъ уже въ деревнѣ, одичалъ, успѣлъ сдѣлаться мизантропомъ и предпочиталъ животныхъ человѣку. «Животное благороднѣе человѣка, особенно женщины!» — говорилъ онъ и женщинъ презиралъ до глубины своей холостячьей души. Кажется, въ молодости онъ пережилъ какой-то неудачный романъ. Только крайняя нужда заставляла его держать въ своей усадьбѣ двухъ бабъ: рябую кухарку Мавру и косую коровницу Пелагею. Никакихъ женщинъ больше не было и потому надеждъ никакихъ въ этой области

даже не предвидѣлось. А, между тѣмъ, я бродилъ въ лунныя ночи по старому заброшенному парку, впивалъ въ себя ароматы травъ и цвѣтовъ, прислушивался къ шелестамъ листвы, къ шепотамъ кустовъ, къ звуку своихъ одинокихъ шаговъ, и все мнѣ чудилось несуразное, невозможное: кто-то долженъ прійти сюда, въ паркъ, кто-то долженъ встрѣтиться со мной вонъ тамъ, въ глубинѣ аллеи, гдѣ сгустился сумракъ ночи, напоенный какой-то тревожной и сладкой тайною. И все мнѣ чудилось, что кто-то шепотомъ зоветъ меня по имени, кто-то идетъ *шурша* легкими ножками по сырому песку дорожки. Силуэты кустовъ превращались въ людей, молодая яблонка — въ дѣвушку. Я садился подъ огромными липами, распростершими свои крыши надъ аллеей, закрывалъ глаза и прислушивался къ вздохамъ, шепотамъ и шорохамъ земли, и вѣтерокъ, игравшій прядью моихъ волосъ, что-то нашептывалъ мнѣ въ ухо... Что? Не знаю. Что-то сказочное. О какихъ-то прекрасныхъ царевнахъ, гдѣ-то заточенныхъ и ждущихъ своихъ освободителей... Очнувшись, я смотрѣлъ въ звѣздное небо чрезъ сѣтку листвы и кого-то спрашивалъ:

— Гдѣ ты? Кто ты? Какъ твое имя?

Типъ пушкинской Татьяны въ наше время еще побѣдно притягивалъ наши юныя души. И въ моей душѣ свилъ себѣ гнѣздо еще во дни гимназическаго бытія. Конечно, *она* должна быть похожей на пушкинскую Татьяну, но вотъ *кто* она и *гдѣ* она? Вопросы, потонувшіе въ невѣдомыхъ пучинахъ сладкой тайны.

Конечно, *она* за тридевять земель, потому что кромѣ рябой Мавры и косой Пелагеи около одичавшаго мизантропа и женоненавистника дяди ничего не предвидится. Оставь всякія надежды! —

говорилъ разумъ. Надѣйся! — шептала окрылен ная силами земли душа...

Однажды за обѣдомъ дядя объявилъ мнѣ:

— Завтра мы ѣдемъ въ Звонкій Боръ за бѣлыми грибами. Маринованный бѣлый грибокъ при рюмочкѣ водки я предпочитаю первому поцѣлую съ любимой дѣвушкой. Если хочешь , — поѣдемъ!

— У всякаго, дядя, свой вкусъ! — отвѣтилъ я довольно сумрачно, а всетаки спросилъ:

— А съ кѣмъ ты... кто собственно поѣдетъ?

— Я, Мавра и Пелагея. Я—за тетеревами, онѣ — за грибами.

— Но, вѣдь, второго ружья не имѣется? Значитъ, ты мнѣ предлагаешь компанію съ Маврой и Пелагеей? Мерси боку!

— Одинъ собирай!.. если презираешь, какъ и я, женщинъ...

— Одному собирать грибы? Занятіе! Скучно быть одному, дядя... всегда одному!

— Вонъ что!.. А я тебѣ скажу, что Адамъ до сотворенія Евы жилъ куда спокойнѣе и пріятнѣе... Какъ хочешь. Оставайся домовничать!

— Да. Останусь.

Рѣшилъ не ѣхать. Никогда до сихъ поръ я не собиралъ грибовъ и занятіе это представлялось мнѣ скучнѣйшимъ, въ родѣ вязанія чулокъ. Хорошо, конечно, побывать въ Звонкомъ Бору, но... не въ такой компаніи. Двѣ дамы: рябая да косая — отнимали послѣднюю радость.

На другой день, утромъ, начались сборы въ Звонкій Боръ. Дядя чистилъ ружье, набивалъ патроны. Мавра съ Пелагеей бѣгали по двору и по лѣстницамъ, переругиваясь на ходу звонкими, крикливыми голосами. Я скептически посматривалъ на эти сборы, и скучая, напѣвалъ:

Мальбрукъ въ походъ собрался...
Подъ нимъ былъ конь-игрень!

— Не поѣдешь?

— Никоимъ образомъ.

Телѣга стояла уже на дворѣ. Обѣ дамы, съ огромными лукошками, сидѣли въ телѣгѣ, свѣся грязныя босыя ноги, — ждали своего повелителя. Но вотъ и Мальбрукъ со своей собакой «Весталкой»...

— Ты, дядя, съ тремя дамами! — подшутилъ я, когда тотъ готовился взять вожжи.

— Какъ? — испуганно спросилъ дядя.

Я не отвѣтилъ. Не стоитъ!

— А, можетъ быть, ты поѣдешь? — еще разъ спросилъ дядя, подбирая вожжи.

И тутъ словно кто-то рѣшилъ за меня: я долженъ ѣхать! Какъ это вышло, почему я внѣзапно перерѣшилъ, — я положительно не умѣю понять. Захотѣлось вдругъ поѣхать, потянуло вдругъ поѣхать, стало страшно, что я могу не поѣхать. Заскрипѣло колесо телѣги и она уже выкатилась за ворота усадьбы, а я опрометью кинулся за шляпой, догналъ телѣгу и на ходу ввалился въ нее, очутившись между двухъ дамъ, рябой и косой, курносой и веснусчатой.

— Что-же это ты, братецъ? — изумленно спросилъ дядя.

— А такъ себѣ...

— А корзинки себѣ не захватилъ?

— Не надо. Я не буду сбирать грибы...

— Что же ты будешь дѣлать?

— Шататься по лѣсу...

Ѣхали долго и все больше лѣсами да перелѣсочками. Было скучно. Передъ глазами болтались грязныя босыя ноги нашихъ дамъ и торчалъ впереди затылокъ дяди и лошадиный крупъ съ побалтывающимся хвостомъ. Гнались оводы и мухи. Жа-

лобно попискивало колесо. На кой чортъ я поѣхалъ? Не соскочить-ли съ телѣги и не вернуться-ли домой? Еще не такъ далеко. Нѣсколько разъ рѣшалъ спрыгнуть и всякій разъ что-то меня удерживало.

— Ну, вотъ и Звонкій Боръ! Недалече ужъ...

Проѣхали огромный лѣсной оврагъ, слѣзли съ телѣги, чтобы помочь лошади вползти на безконечную гору. Снова покатились подъ гору... Пріѣхали... Дѣйствительно, — звонкій боръ! Огромныя, стройныя, гудящія, какъ басовыя струны гитары, сосны! Овраги смѣняются взгорьями, молодой соснячекъ и ельникъ — великанами въ три обхвата. Полянки смѣняются узкимъ коридорчикомъ, чрезъ который едва пролѣзаетъ телѣга. Корни, какъ огромные осьминоги, ползутъ чрезъ дорогу и вскидываютъ телѣгу. Журчитъ, какъ колокольчикъ, вода гдѣ-то подъ горкой. Остановились, выпрягли лошадь, подзакусили и разошлись... Вотъ тутъ-то и свершилось то, что душа моя предчувствовала задолго до поѣздки, и что заставило меня, вопреки собственному желанію, поѣхать за грибами...

Конечно, я держался подальше отъ косой и рябой. Я бродилъ въ мечтательномъ настроеніи по коридорамъ бора, углублялся въ зеленый таинственный сумракъ и, попавъ на едва намѣченную тропку, шелъ себѣ, не размышляя, куда она меня заведетъ. Сперва до меня доносилась перекличка Мавры съ Пелагеей и я, прислушиваясь, старался идти въ противоположную сторону. Но вотъ ненавистныя завыванья бабъ смолкли. Мы далеко другъ отъ друга! Слава Богу! Я очень радъ. Набрелъ на болото съ брусникой. Какъ кораллы, разсыпанные лѣсной дѣвою на зеленомъ мху болота! Кисло, но утоляетъ жажду. Раздается странный шумъ, страшно испугавшій меня своей неожиданностью: выпуг-

нулъ большое тетеревиное семейство. Одинъ изъ молодыхъ-подраненъ: плохо летаетъ и, отставая, присаживается на попутныхъ елкахъ. Взбрело въ голову — поймать. Начинаю гоняться отъ елки къ елкѣ. Забрался въ буреломъ, измучался не меньше охотничьей собаки и, конечно, не поймалъ. Закружился и потерялъ направленіе. Прислушивался, озирался, но зеленое молчаніе смотрѣло на меня со всѣхъ сторонъ. Лѣшій обошелъ! Какъ опредѣлить нашу стоянку? По солнцу? Солнышко успѣло уползти далеко въ сторону и снизилось, такъ что въ этомъ звонкомъ лѣсномъ храмѣ съ колоннами изъ огромныхъ старыхъ сосенъ можно только догадываться, гдѣ солнце, по золотисто-розоватымъ отсвѣтамъ на желтыхъ смолистыхъ колоннахъ храма. Вотъ тропинка... Кажется, что именно по этой тропинкѣ я спускался въ болото. Поднялся: нѣтъ, не она! Мѣсто новое, незнакомое. Усталъ, присѣлъ на повалившуюся лѣтъ десять тому назадъ сосну. Точно мягкимъ зеленымъ коврикомъ прикрылъ кто-то гніющее дерево. Покурилъ. Почувствовалъ, что сижу, если не на муравейникѣ, то поблизости отъ него, — вскочилъ и пошелъ. Озираюсь. Начинаю безпокоиться. Подхожу къ большому оврагу.

— Ау-ой! — прокричалъ я и прислушался. Что такое? эхо или... кто-то отвѣчаетъ?..

— Ау!.. — повторилъ я.

За оврагомъ отвѣчаетъ женскій голосъ. Не Мавра и не Пелагея. Нѣтъ! Очень ужъ мелодичный голосокъ, словно серебряный рожокъ сказочнаго принца. Изумительно и непонятно. Я такъ радъ этой неожиданности: вѣдь, эта неожиданность можетъ помочь мнѣ выбраться изъ заколдованнаго круга моихъ блужданій! Медленно двинулся изъ оврага на гору, поднялъ туда взоръ и изумленно остановился: наверху, подъ сосною, словно изъ-подъ

земли, выросла дѣвушка въ синемъ, съ красной повязкою на головѣ и съ корзиной грибовъ въ опущенной рукѣ. Прямо чудо! Она меня не видитъ: стоитъ, озирается во всѣ стороны и капризно и укоризненно кричитъ:

— Владиміръ! Я цѣлый часъ ищу тебя... Я заплуталась... Будетъ тебѣ дурить!

Чуть не плачетъ, бѣдная. Что мнѣ дѣлать? Я, конечно, не Владиміръ, который ей нуженъ, но промолчать или спрятаться отъ заблудившейся въ лѣсу дѣвушки — да развѣ я могъ такъ поступить? Я вышелъ впередъ, приподнялъ шляпу и кричу:

— Не пугайтесь! Я — не разбойникъ! Я тоже заблудился!

Дѣвушка дернулась, помолчала, потомъ громко спрашиваетъ:

— Не встрѣчали вы господина въ панамѣ? Съ корзинкой?

— Въ панамѣ? Съ корзинкой?

— Ну да, да, въ панамѣ! въ бѣломъ пиджакѣ!

— Нѣтъ, такого не встрѣчалось...

— Что-же я буду дѣлать?! Скажите, гдѣ сѣверъ и гдѣ югъ?

— Гдѣ сѣверъ и гдѣ югъ... Гмъ!.. Какъ вамъ сказать...

Я влѣзъ по крутогорью, приблизился къ заблудившейся незнакомкѣ и остолбенѣлъ отъ восхищенія: сказочная красавица, лѣсная царевна, красная, шапочка на возрастѣ,—словомъ, все что угодно въ этомъ родѣ, но только не обыкновенная смертная дѣвица, какихъ много въ нашемъ сказочномъ «царствѣ-государствѣ»...

Откуда взялась — выросла подъ сосной, какъ сказочный грибъ? Кто она?..

— Разрѣшите сперва познакомиться...

Я назвалъ свое имя. Она недовѣрчиво окинула

меня грустнымъ взоромъ, но руки не протянула: видимо, она боялась меня.

— А вы?

— Я?

Только теперь она сдѣлала шагъ ко мнѣ, протянула руку и чуть-чуть произнесла:

— Я... Милова... Татьяна...авна...

Я поспѣшилъ разсѣять ея боязливость и недовѣріе. Назвалъ хуторъ дяди и самого дядю. Дѣвушка улыбнулась:

— Знаю, слышала..

Еще бы не знать моего дяди! Онъ на всю округу прославился своимъ оригинальничаньемъ.

— А вы... вы изъ далека?

— Мы съ братомъ гостимъ въ селѣ Игумновомъ у своего родственника, у земскаго врача Иванова. Знаете? Пошли съ Владиміромъ за грибами, разошлись, потеряли другъ друга и вотъ теперь часа два уже я блуждаю и...Можетъ быть, вы меня выведите на дорогу въ Игумново? Одна я не выберусь...

— Конечно, я васъ не брошу. Но дѣло въ томъ, что я и самъ-то здѣсь въ первый разъ и... откровенно говоря, тоже заплутался и ищу дорогу...

Прекрасная царевна чуть не заплакала:

— Солнышко скоро сядетъ и потомъ... ночь!

— Что-же вы такъ отчаиваетесь?

— Я такъ устала... Покричите пожалуйста Владиміра!

Она опустила тяжелую корзину съ бѣлыми грибами на землю и села рядомъ съ ней на травкѣ, подобравъ подъ себя ноги. Боже мой, какъ она прекрасна и безпомощна! Я сдѣлалъ изъ рукъ рупоръ и сталъ кричать что было силы:

— Вла-ди-мі-і-іръ!

Звонкій Боръ отвѣчалъ намъ «миръ»,но люди не отзывались.

— Что-жъ дѣлать?.. какъ быть... Боже мой!

— Не отчаивайтесь! Не пропадемъ...

Я подсѣлъ къ дѣвушкѣ. Искоса поглядываемъ другъ на друга, перебрасываемся словами и улыбками. А улыбка у нея... не опишешь. Смуглое личико, съ сѣрыми немного грустными глазами, съ улыбкой расцвѣтало въ такую радость, красоту и ласку, что прямо нѣмѣлъ языкъ отъ восхищенія. Говоришь, а улыбнется—и остановишься: забудешь, о чемъ говорилъ и на чемъ остановился. Ошеломляющая улыбка! Такихъ я больше не встрѣчалъ въ жизни...

— А на вашемъ портретѣ она больше грустная, печальная.

— Развѣ фотографія можетъ передать чудо и тайну улыбки? Здѣсь играютъ роль и глаза, и тѣнь отъ рѣсницъ, и каждая прихотливая ниточка-морщинка, и каждая незамѣтная складочка губъ, и тотъ особый свѣтъ, который излучается изъ глазъ при улыбкѣ... Удивительное чудо — улыбка человѣка! Только улыбкою раскрывается сокровенная сущность души...

— Ну, ну! Дальше!

— Чудо предчувствія, какъ видите, совершилось: въ Звонкомъ Бору, гдѣ было такъ много бѣлыхъ грибовъ, я неожиданно обрѣлъ кладъ своего счастія... или несчастія — какъ на это смотрѣть. Вѣдь, нѣтъ такого счастія, которое не кончалось-бы несчастіемъ! И кто находитъ свое счастіе, тотъ непремѣнно и всегда, вмѣстѣ съ нимъ, поднимаетъ и свое несчастіе!...

— Ну, что вы замолчали? Налить вина?

— Да. Всякое бываетъ въ жизни...

— Ну, а какъ было потомъ, въ лѣсу?

— Потомъ? Потомъ... Какъ разскажешь про сказочную ночь въ лѣсу около костра, гдѣ сидятъ

впервые встрѣтившіеся юноша съ дѣвушкой съ плѣненными душами? Какъ струны, поютъ звонкія сосны, золотясь отсвѣтами костра. Ярко горитъ красная повязка на дѣвичьей головѣ. А вокругъ — мракъ, черная бездна ночи, полной глубокихъ тайнъ, разбуженныхъ сказокъ земли, прилетающихъ, какъ мотыльки на огонь, на *излученіе тяготѣющихъ* другъ къ другу душъ... Небольшой ореолъ вздрагивающаго тревожно свѣта и въ немъ — мы, двое да корзина съ бѣлыми грибами, да радостное смущеніе и таинственно-острое любопытство другъ другомъ, да встрѣчи смущенныхъ глазъ, улыбокъ и тихая бесѣда о загадочномъ и таинственномъ въ мірѣ, что не снилось никакимъ мудрецамъ. Развѣ это не загадочно-таинственно, что случилось съ нами? Развѣ не страшно-таинственно, что ее зовутъ Татьяной, а меня — Евгеніемъ? И развѣ можно понять и объяснить эту странную случайность, заставившую насъ въ одинъ и тотъ-же день поѣхать въ лѣсъ, заблудиться и вотъ здѣсь, около костра, въ глухомъ безлюдномъ лѣсу, сидѣть и улыбаться другъ другу? Встрѣча при такой обстановкѣ и ночь вдвоемъ около одинокаго лѣсного огня — да развѣ это можетъ пройти безслѣдно для юныхъ душъ, окрыленныхъ всѣми сказками земли? Развѣ не явится любовь къ бѣлымъ грибамъ, когда ихъ такъ бережно перекладываетъ тонкая и гибкая рука прекрасной и таинственной дѣвушки, похожей на лѣсную царевну? Всю ночь сидѣли у костра, шепотомъ разговаривали о странномъ и невѣдомомъ въ мірѣ. Предъ разсвѣтомъ крѣпко заснули, а очнулись подъ вечеръ отъ громового удара надъ нашими головами. Вскочили на ноги. Лѣсная царевна вскрикнула, такъ что весь лѣсъ проснулся и зашумѣлъ. Дядина Весталка сдѣлала «*стойку*» на прекрасную дѣвушку, а та

инстинктивно держалась за рукавъ моего пиджака и пряталась за мою спину...

— Тубо! Я тебѣ!..

А потомъ появился съ ружьемъ на готовѣ и самъ дядя, обвѣшанный по поясу убитыми тетеревами.

— Ты!

— Я, дядя...

— А...а...

Дядя метнулъ строгій взглядъ въ сторону дѣвушки и докончилъ:

— Я вамъ не мѣшаю?

Видъ дяди былъ настолько комиченъ, что мы оба засмѣялись.

— Нисколько! Напротивъ мы оба очень рады этой встрѣчѣ, дядя...

— Какимъ образомъ? Что за исторія?

Мы объяснили, какъ, что и почему.

— Случается... — произнесъ дядя, закуривая папиросу.

Изъ разговора съ дядей выяснилось, что до Игумнова такъ-же далеко, какъ и отъ нашего хутора. Дядя посовѣтовалъ дѣвушкѣ ѣхать съ нами: отъ насъ онъ дастъ лошадь и отправитъ дѣвушку домой. Бѣдняжка не только согласилась, а еще и обрадовалась. Она покорно шла за нами. Словно полоненная лѣсная царевна! Все это было такъ неожиданно, странно и сказочно-красиво. Впереди дядя съ Весталкой, а за ними — я съ лѣсной царевной. Я тащилъ ея корзину съ бѣлыми грибами... Тихая, кроткая и покорная, шла рядомъ со мною полоненная царевна и молча улыбалась мнѣ, хотя и грустно, но ласково и нѣжно... Сгущались сумерки, въ лѣсу вѣяло сыростью. Должно быть, было немножко страшно: лѣсная царевна взяла меня подъ руку, пугливо оглядываясь назадъ, словно боялась, что кто-то можетъ схватить ее сзади... Глаза

у нея сдѣлались большими-большими... Пришли на стоянку. Лошадь уже впряжена. Мавра съ Пелагеей возятся около телѣги. Увидали насъ и ахнули въ два голоса:

— А эту отколь взяли? красавицу-то?

Шептались между собой, фыркали и толкали другъ друга локтями. Изъ отрывочныхъ фразъ глупыхъ бабъ я понялъ, что дѣло идетъ о нашей полоненной царевнѣ: Мавра сомнѣвается, не оборотень-ли въ дѣвьемъ образѣ привязался къ намъ въ лѣсу? Уложились, устроили сидѣнья, забрались въ телѣгу и поѣхали. Теперь между рябой и курносой сидѣла прекрасная лѣсная царевна, наша полонянка. На ухабахъ и на корняхъ телѣгу подбрасывало и плечико царевны толкало меня въ спину.

— Простите!

— Пожалуйста!

— Опять! Извините!

— Ради Бога!

Пусть чаще ухабы! Каждое прикосновеніе рождало электрическій токъ и искру, которая обжигаль наши юныя сердца...

— Ну, ну!

— Ну, и, конечно, отъ искръ появился огонекъ, потомъ пламя, потомъ пожаръ...

Ночь была прохладная, но тихая и звѣздная. Надъ нами остановилась полнолицая луна и изумленно смотрѣла на нашу телѣгу. Весталка носилась по сторонамъ, вспугивала птицъ и то пропадала, то вновь мелькала живой бѣлой тѣнью. Я молчалъ, смотрѣлъ въ звѣздное небо и былъ полонъ благоговѣйнаго чувства и благодарности Господу. Пріѣхали въ усадьбу поздно. Уговаривали царевну остаться до утра, но она умоляла отвезти ее сейчасъ-же:

— Дома сойдутъ съ ума!

— Такъ-то такъ—говорилъ хмуро дядя—а только свободнаго человѣка у меня нѣтъ.

Прекрасная царевна посмотрѣла на меня грустными глазами.Въ нихъ была мольба!

— Я, дядя, отвезу!

— Ничего не имѣю противъ, только дайте часъ времени, чтобы немного отдохнула лошадь...

Черезъ часъ мы ѣхали вдвоемъ. Лошадь устала и плелась нога за ногу. Куда намъ было спѣшить? Такъ прекрасна ночь, звѣздное небо, млечный путь, такъ странно-красиво звучалъ дѣвичій голосокъ въ телѣгѣ и такъ сверкали дѣвичьи глаза въ синей мглѣ тихой ночи! Говорили мы, впрочемъ, очень мало, но чувствовали,.. чувствовали необъятно и безгранично. Во всемъ уснувшемъ мірѣ насъ было двое, только двое!

Я отвезъ полонянку въ Игумново и съ тѣхъ поръ сталъ туда похаживать все чаще и чаще. Нѣсколько разъ мы вдвоемъ ходили снова за бѣлыми грибами, и тутъ я понялъ и оцѣнилъ всю прелесть этого занятія. Тутъ только я понялъ, что нѣтъ наслажденія выше, чѣмъ искать въ сумракѣ лѣса бѣлые грибы. На шелковомъ зеленомъ коврикѣ узорчатыхъ мховъ сидитъ этакій коричневый похожій на румяную церковную просвирку дядя — грибъ! иногда въ одиночествѣ, иногда самъ — другъ съ супругой, а иногда съ цѣлымъ семействомъ! Если я первый замѣчалъ ихъ, то старался навести милую любимую дѣвушку, которая всякій разъ радостно вскрикивала:

— Прозѣвали! Я нашла!..

И лѣсъ оглашался серебристымъ хохотомъ, отъ котораго хотѣлось схватить склонившуюся къ грибамъ лѣсную царевну и цѣловать безъ памяти!..

И вотъ мы ходили за грибами даже тогда, когда по календарю ихъ уже не полагалось. Въ послѣдній

походъ только прекрасная царевна нашла одну «двойняшку», а я ничего не нашелъ. . . Я былъ печаленъ, но вовсе не потому, что не нашелъ грибовъ: въ скоромъ времени намъ предстояла разлука, ибо я долженъ былъ ѣхать въ университетъ, она — въ свой губернскій городъ — кончать гимназію...

Возвращались изъ лѣсу. Было грустно и тоскливо на душѣ. Я шелъ, понуря голову. —

— Вы что такой... печальный? Вамъ завидно, что не вы, а я нашла двойняшку?

Тихій ласковый и грустный взглядъ въ мои глаза..

— Да.

— Возьмите ужъ... на память о нашемъ послѣднемъ путешествіи въ Звонкій Боръ!

Я грустно и ласково посмотрѣлъ въ ея глаза. А у нея на рѣсницѣ — слезинка, какъ капелька росы: блеститъ всѣми цвѣтами радуги на косыхъ лучахъ грустнаго осенняго солнышка... Взялъ изъ ея руки грибъ и поцѣловалъ ея тонкую ручку съ розовыми ноготками... Ну, скажите теперь: развѣ этотъ бѣлый грибъ былъ хуже розы? Да я не промѣнялъ бы его на цѣлый букетъ розъ изъ Ниццы!..

— Ну, а потомъ? Какъ было потомъ?

— А вы увлекались когда-нибудь до потери здраваго смысла?

— Я?... гм!.. не случалось.

— Ну, а тогда не хочу и разсказывать Не поймете. Вотъ когда это случится съ вами, тогда я и докончу свой разсказъ. Разрѣшите еще одинъ бокалъ вина!..

Софія. 1920.

ЧЕРНАЯ КОШКА.

Говорили о разныхъ необъяснимыхъ случаяхъ, о вѣщихъ снахъ, предчувствіяхъ и предзнаменованіяхъ. Хотя большинство присутствовавшихъ принадлежало къ той просвѣщенной категоріи людей, для которой никакихъ чудесъ на свѣтѣ не полагается, однако въ жизни каждаго, какъ это теперь оказалось, непремѣнно былъ по крайней мѣрѣ одинъ такой «случай». Одинъ разсказалъ, какъ старые поломанные стѣнные часы неожиданно пробили ночью «три» и въ этотъ день, ровно въ три часа ночи, умеръ близкій человѣкъ. Нервная красивая дама, съ испуганными красивыми глазами, разсказала, какъ за три дня до смерти мужа, она видѣла его двойника, вышедшаго съ крыльца ихъ дома въ то время, какъ мужъ преспокойно сидѣлъ и занимался въ своемъ кабинетѣ. Даже ни во что не вѣрящій докторъ поддался общему мистическому настроенію и разсказалъ «подлинный фактъ» изъ своей практики. Однажды его потребовали по телефону въ квартиру нижняго этажа въ томъ-же домѣ, гдѣ онъ жилъ; оказалось, что молодая женщина впала въ глубокій обморокъ отъ испуга. Мужъ ея могъ объяснить немногое: она вошла въ его кабинетъ въ то время, когда самъ онъ сидѣлъ въ столовой за вечернимъ чаемъ, страшно закричала и впала въ обморокъ; когда, послѣ долгихъ усилій, удалось привести

молодую женщину въ сознаніе, она сказала, что видѣла въ кабинетѣ смерть: «Спустя три дня меня снова требуютъ въ ту-же квартиру: оказалось, что мужъ этой молодой женщины застрѣлился!»

— Я ничего сверхъестественнаго здѣсь не усматриваю — замѣтилъ единственный изъ неподдавшихся общему настроенію, профессоръ анатоміи, всегда подсмѣивавшійся надъ всякими «чудесами», для котораго человѣкъ исчерпывался костями, мышцами, связками, тканями и органами, — я, сказалъ онъ, объясняю этотъ фактъ очень просто: очевидно, жена занала о трагическомъ положеніи мужа, знала отъ него о возможности такого исхода и постоянно думала объ этой возможной смерти... И вотъ — галлюцинація!

Такое истолкованіе загадочнаго случая почему-то возмутило все общество, особенно-же молодую даму съ испуганными глазами. Она устремила на профессора уничтожающій взглядъ и съ раздраженіемъ произнесла:

— Вы все отвергаете, надъ всѣмъ подшучиваете, а между тѣмъ... Помните черную кошку? Господа, этотъ скептикъ и позитивистъ боится черной кошки и если она перебѣжитъ ему дорогу, возвращается обратно! Даю вамъ слово! Я это видѣла собственными глазами...

— Я не отрекаюсь. Я человѣкъ и все человѣческое мнѣ свойственно, Валентина Николаевна. Я тоже отдаю дань человѣческимъ слабостямъ, но это не мѣшаетъ мнѣ смѣяться и надъ самимъ собою...

— Ага! Значитъ, было и въ вашей жизни что-то такое... Почему вы боитесь черной кошки? Почему?

И тутъ всѣ дамы набросились на профессора и потребовали, чтобы онъ объяснилъ свой страхъ передъ черной кошкой.

— Отдаю дань человѣческой глупости!

— Но почему именно — «черная кошка»?

— А былъ, видите-ли, въ моей жизни такой случай, послѣ котораго...

Всѣ неожиданно расхохотались,—обрадовались. Оказалось, что и этотъ единственный скептикъ и ни во что невѣрящій позитивистъ былъ тоже съ изъяномъ!

— Разскажите этотъ случай! Безъ разговоровъ! Разсказывайте!

Профессоръ долго упирался, но, въ концѣ концовъ, долженъ былъ разсказать:

— Дѣла давно минувшихъ лѣтъ... Теперь какъ-то неловко даже и говорить о томъ, что и я тоже былъ въ свое время безумно влюбленъ и лелѣялъ тайную мечту жениться... Не ухмыляйтесь, господа! Не всегда я былъ плѣшивъ, не всегда былъ толстъ, не всегда имѣлъ искривленный позвоночникъ. Теперь, конечно, самое слово «влюбленъ» въ моихъ устахъ звучитъ комически, а тогда... Тогда позвоночникъ мой былъ прямъ, мышцы крѣпкія, связки эластичны, ткани не имѣли жировыхъ отложеній, головной покровъ...

— Будетъ вамъ анатомировать себя! Вѣримъ, что вы были красивъ и изящны!

— Нѣтъ, господа, я не шучу: я былъ кудрявый! Однимъ словомъ — «мальчикъ рѣзвый, кудрявый, влюбленный»... Студентомъ былъ. Конечно, безъ всякихъ предразсудковъ! Позитивистъ, дарвинистъ, атеистъ, соціалистъ и прочее, какъ полагалось порядочному молодому человѣку нашего времени. О любовныхъ мукахъ и томленіяхъ распространяться не буду: они приблизительно одинаковы во дни юности, а юными всѣ мы были... Достаточно сказать. что въ моей душѣ жили одновременно Ромео и Отелло, между тѣмъ какъ моя мучительница скорѣе напоминала гордую и холодную прин-

цессу сказки, чѣмъ героиню шекспировскихъ трагедій. Институтка, единственная и потому балованная дочка избалованныхъ судьбою родителей. Вся цѣликомъ состояла изъ суевѣрій, примѣтъ и предразсудковъ, но какъ они шли къ этой капризницѣ! Въ ея душѣ они преломлялись съ удивительной красотой и проявлялись съ такой дѣтской наивностью и чистотою, что я, дарвинистъ и позитивистъ, а ко всему тому еще и соціалистъ, какъ то незамѣтно для самого себя очутился во власти всякихъ пережитковъ древне-славянскаго язычества, особенно когда моя любовь распустилась полнымъ цвѣтомъ тревожно-радостныхъ мукъ ожиданія... Я еще сражался во имя науки съ моей прекрасной язычницей, нежелавшей видѣться по понедѣльникамъ, здороваться черезъ порогъ, испуганно гасившей третій огонь, огорчавшейся на цѣлый день отъ гаданій на картахъ, но ... красота, господа, сильнѣе науки!.. Я началъ непріятно вздрагивать, когда по дорогѣ къ усадьбѣ, гдѣ жила моя язычница, встрѣчалъ сельскаго «батюшку», своего знакомаго и очень милаго человѣка, переставалъ садиться на уголъ стола, когда бывалъ въ гостяхъ у предполагаемыхъ тестя съ тещей, ибо такое мѣсто предвѣщало холостячество, что совсѣмъ не входило тогда въ мои планы жизни... Однажды, когда я упустилъ это изъ виду и сѣлъ на углу стола, моя прекрасная язычница посмотрѣла на меня съ такимъ тоскливымъ испугомъ, что я моментально соскочилъ со стула. Весь вечеръ Валентина была грустна, капризничала и раздражалась, отказалась пойти со мною на прудъ ловить рыбу, вообще проявлала нѣкоторое недоброжелательство. Я, конечно, понялъ, въ чемъ дѣло и, конечно, не только не горевалъ, а прямо ликовалъ... Никакихъ словъ любви между нами сказано не было и мы оба боялись ихъ говорить другъ другу,

но Валентина не могла ошибаться въ моихъ чувствахъ, ибо молодость находитъ тысячу средствъ, кромѣ словъ, чтобы говорить о своей любви. Впрочемъ, здѣсь необходима нѣкоторая оговорка: юноша не умѣетъ и не желаетъ, обыкновенно, скрывать своей любви, между тѣмъ какъ дѣвушка умѣетъ это дѣлать и, обыкновенно, дѣлаетъ. Моя капризная язычница въ этомъ отношеніи была прямо виртуозомъ: она веля себя со мною такимъ образомъ, словно поперемѣнно опускала меня то въ горячую, то въ холодную воду!.. И вотъ совершенно нечаянно «уголъ стола» съ головою выдалъ мою любимую лисичку... Какъ же было не ликовать?

Лѣто кончалось. Надо было набраться храбрости и сказать, что я люблю ее безмѣрно и готовъ для нея совершить «безпримѣрный подвигъ», то есть жениться...

— Скажите пожалуйста! — послышался обиженный женскій голосъ. Это оборвала профессора анатоміи молодая женщина съ испуганными глазами...

— Женщины! Не обижайтесь!.. Это иронія надъ самимъ собою... Вы не такъ поняли, Валентина Николаевна...

— А вашу невѣсту звали тоже Валентиной? — спросилъ другой женскій голосъ.

Профессоръ на мгновеніе смутился, но сдѣлалъ видъ, что не слыхалъ вопроса и продолжалъ разсказъ!

— И вотъ я рѣшилъ. Жилъ я на хуторѣ, верстахъ въ пяти отъ усадьбы, гдѣ жила моя гордая принцесса. Нѣсколько дней шли дожди и я съ мольбою смотрѣлъ на небеса, гдѣ въ хаотическомъ безпорядкѣ гонялись другъ за другомъ дождевыя тучи. Томился по милой, сердился на Бога и любилъ все сильнѣе, тоскливѣе и нетерпѣливѣе... Дождь,

наконецъ, ослабъ, какъ и я отъ изнуряющаго продолжительнаго томленія разлуки съ моимъ солнцемъ. Дождь только моросилъ, но все-же идти по непролазно-грязной дорогѣ и явиться для объясненій въ любви «мокрой курицей» какъ -то не шло. И придумалъ я надѣть свои охотничьи доспѣхи, повѣсить за плечи ружье и въ такомъ видѣ, какъ-бы на перепутьи къ дому съ охоты, завернуть въ усадьбу... Такъ даже выйдетъ поэтичнѣе, а то облачиться въ праздничныя ризы, напялить крахмалъ съ галстухомъ и разглаженные брючки со складочкой, а потомъ просить, сидя на уголкѣ стула, руки и сердца, — очень это казалось мнѣ мѣщанистымъ, недостойнымъ моего чувства и моей прекрасной язычницы!.. Охотникъ... Зашелъ случайно, по дорогѣ... А вышло такъ, что оказался женихомъ и ушелъ нареченнымъ зятемъ! — такая комбинація казалась мнѣ великолѣпной. Такъ я и сдѣлалъ. Снарядился, обрядился, вооружился и маршъ. Побродилъ, конечно, по луговинѣ, раза два пропудѣлялъ по бекасамъ, а потомъ сталъ подбираться къ усадьбѣ:. Какъ разъ къ вечернему чаю подогналъ...

Передъ воротами усадьбы непріятность: слѣва бѣжитъ черная кошка, которая неизбѣжно перерѣжетъ мой путь. Точно кто въ сердце ножемъ ударилъ! Проклятая! Она отрѣзаетъ мнѣ путь къ счастію любви! Не помню и не знаю, какъ я это сдѣлалъ... Приложился и грохнулъ въ кошку! На мѣстѣ!.. Подошелъ — лежитъ всетаки неблагополучно: часть дороги успѣла перебѣжать!.. По аллеѣ отъ усадьбы къ воротамъ несутся собаки съ визгомъ и лаемъ. Собаки знакомыя. Окружили мертвую кошку, обнюхиваютъ.... А изъ караулки у воротъ выбѣжала дѣвка Агашка, посмотрѣла на кошку, всплеснула руками и побѣжала впереди меня, къ

усадьбѣ... Я иду медленно: всетаки не такъ это просто попросить у любимой дѣвушки руку и сердце! Сердце-то колотится, въ вискахъ молоточки постукиваютъ... Про кошку, конечно, забылъ... Добрелъ до крыльца, постоялъ перевелъ духъ, потихоньку перекрестился и дернулъ за звонокъ. Отворяетъ Агашка. Слышу въ глубинѣ комнатъ—истерическій плачъ.

— Что у васъ, Агаша?

— Барышня это... вы любимую кошку ихнюю убили... Прямо убиваются... Не знай, какъ и успокоить... Ужъ такъ онѣ эту «Маврушку» любили! Спать клали съ собой.

— Я?.. Кошку? Ахъ, да... Какъ-же это я?..

Несмѣло, съ оглядкой, чувствуя себя преступникомъ, вошелъ въ залъ. Пусто. Истерика продолжается. Пробѣжала мать, долженствовавшая сдѣлаться моей тещей. Я заговорилъ было, она сердито отмахнулась рукой и исчезла. Бѣжитъ обратно и мимолетомъ кричитъ на меня:

— Что вы надѣлали? Какъ вы смѣли?.. У ней сердце съ порокомъ...

Надо-бы уйти, а я остолбенѣлъ. Ни туда, ни сюда! Стою у окна и на стеклѣ пальцемъ рисую букву «В»... И вдругъ въ дверяхъ появляется моя язычница... Она, какъ безумная. Тяжело дышетъ, хватается одной рукою за грудь, другою за косякъ двери и шепчетъ:

— Уходите... Извергъ!.. Я васъ... ненавижу! У-хо-ди-те вонъ! вонъ! вонъ!

— Валя! Валя! Опомнись! — плачетъ около нея мать, но она толкаетъ ее рукою и продолжаетъ истерически кричать: —

— Убійца! Вонъ! Я васъ ненавижу...

Я поклонился и вышелъ...

На другой день я нанялъ мужика и, собравъ свой

чемоданъ, подушки и охотничьи принадлежности, поѣхалъ на станцію желѣзной дороги...

Ну, вотъ и все... Впрочемъ, можно еще добавить, что я остался холостымъ...

Профессоръ замолчалъ. Нѣсколько мгновеній стояла тишина, а потомъ докторъ произнесъ, со вздохомъ:

— Дѣло тутъ, конечно, не въ черной кошкѣ, а просто... она васъ не любила или любила меньше, чѣмъ свою кошку...

— Не знаю, не знаю... — тихо отозвался профессоръ, опустивъ лысую голову.

Неожиданно встала нервная дама съ испуганными глазами и торопливо пошла вонъ изъ комнаты, ни съ кѣмъ не простившись...

А спустя минуту, изъ дальнихъ комнатъ послышался истерическій женскій плачъ...

— Что такое?..

— Она страшно нервная... Это пройдетъ... Не надо ее трогать.. — сказала хозяйка дома и плотнѣе затворила дверь.

Софія, 1920 г.

ТРОИЦА.

Троица! Сошествіе Святого Духа на апостоловъ, а черезъ нихъ и на насъ, людей грѣшныхъ. Со школьной скамьи помню въ учебникѣ по Закону Божію картинку, изображающую это чудесное событіе, но не знаю, почему этотъ праздникъ всегда рисуется мнѣ въ другомъ образѣ.

Березки въ первыхъ листочкахъ, клейкихъ, распространяющихъ терпкій ароматъ и уподобляющихъ это деревцо нарядной и застѣнчивой дѣвушкѣ-невѣстѣ. Вѣнки изъ полевыхъ цвѣтовъ. Дѣвушки-подростки въ бѣлыхъ платьяхъ. — эмблема чистоты и непорочности. И вся земля, нарядная, какъ эти дѣвушки, съ бѣло-розовымъ цвѣтомъ яблонь, грушъ, сирени, акацій. Радостное предчувствіе грядущей первой любви, ароматной, какъ цвѣтъ сирени, черемухи, нѣжной и хрупкой, какъ цвѣты ландыша въ лѣсныхъ сумеркахъ. Кукушка, соловей, тысяча пернатыхъ пѣвуновъ, распѣвающихъ пѣсенки радости...

Не знаю, чего больше въ этомъ праздникѣ: земного или небеснаго? Нѣчто серединное: точка равновѣсія между небомъ и землею, между святымъ и грѣшнымъ, между радостью отъ своей непорочности и радостнымъ предчувствіемъ сладкаго грѣха!

Троица всегда рисовалась мнѣ «праздникомъ юно-

сти» и первымъ пугливымъ вступленіемъ, преддверіемъ храма мукъ и радостей любви!

Быть можетъ, даже и нынѣ въ этомъ праздникѣ мы отражаемъ въ себѣ больше языческаго, чѣмъ христіанскаго. Во всякомъ случаѣ во дни этого праздника мы скрытно для самихъ себя молимся не столько Воскресшему Страдальцу Христу, сколько погибшему Яриллѣ!

Не знаю, почему, но на Троицу всѣ дѣвушки чувствуютъ себя именинницами!..

Дѣвичій праздникъ. Юноши — на второмъ планѣ. Конечно, первый гость на этомъ дѣвичьемъ праздникѣ — юноша, но онъ... не хозяинъ праздника, а только званный гость...

Вспоминая теперь невозвратно улетѣвшую юность, я долженъ признаться, что въ каждую Троицу я бывалъ влюбленъ. Непремѣнно какая-нибудь дѣвушка въ бѣломъ платьѣ, съ вѣнкомъ на головѣ и съ цвѣтами въ рукахъ, владѣла моей душой, была моей языческой богиней и заставляла меня возносить ей мои пламенныя молитвы и мысленно считать ее моей невѣстой! Но вѣдь такъ богата цвѣтущая земля прекрасными двѣушками! Какъ весенніе луга — цвѣтами... А Троица бываетъ каждый годъ!

Вѣдь, юная душа такъ жадна къ красотѣ, а на свѣтѣ дары ея такъ рѣдко и полно воплощаются въ одной дѣвушкѣ. Одна покоряетъ васъ своими очами, другая улыбкой и зубами, третья толстыми тяжелыми косами за плечами и горделивой походкою, музыкой голоса, переливами смѣха, стройностью фигуры. О, въ юности такъ бросаются всѣ дары женской красоты въ глаза, въ уши, въ самую душу, что прекрасный міръ, населенный прекрасными дѣвами, начинаетъ казаться безконечной дорогой, по сторонамъ которой разбросаны драгоцѣнности: топазы, хризолиты, изумруды, аквамарины, жем-

чуга. О, если бы можно было не выбирать, а собрать и овладѣть всѣми этими драгоцѣнностями! Но тутъ какъ въ сказкѣ: можно выбрать только одинъ драгоцѣнный камень. Но развѣ не кажется всегда человѣку, что нѣтъ такой красоты, которую не могла бы превзойти другая красота?

И вотъ вовсе не легкомыслiе или какiя-либо другiя дурныя качества, а исключительно жадность къ красотѣ, чуткость ко всему прекрасному, бывала причиною того обстоятельства, что почти каждую новую Троицу я считалъ своей невѣстой другую дѣвушку...

Я признаюсь вамъ: иногда я очень нехотя разставался съ драгоцѣнностью сердца для другой обрѣтенной драгоцѣнности, даже больше — душа раздваивалась и превращалась въ «Буриданова осла»... Обрѣту новую драгоцѣнность, а душа долго еще оглядывается назадъ и груститъ по покинутой. Смотришь въ глубину обрѣтенныхъ сказочныхъ очей и кажется, что совсѣмъ потонулъ въ блаженствѣ, окончательно растворился. Но вотъ въ этотъ моментъ твои уши ловятъ знакомый смѣхъ покинутой драгоцѣнности, — и сердце встрепенется тревогой и такой грустью, что уши слышатъ, а глаза перестаютъ видѣть! Предъ тобой Зина, а гдѣ-то смѣется Нина... О, если бы можно было возсоединить эти двѣ красоты въ единую!..

Задача въ родѣ разрѣшенiя квадратуры круга...

Однако и такая раздвоенность — ничто въ сравненiи съ тѣмъ, что мнѣ пришлось пережить въ одну изъ Троицъ въ далекой юности...

Троица! Я — гимназистъ послѣдняго класса. Не особенно богомольный, но въ День Сошествiя Св. Духа — стою въ храмѣ Казанскаго женскаго монастыря, церкви особенно любимой дѣвушками, ученицами средне-учебныхъ заведенiй. Храмъ изу-

крашенъ зеленью: при входѣ трепещутъ листочками только что срубленныя березки, на входныхъ дверяхъ цвѣточныя гирлянды, на каменныхъ и чугунныхъ плитахъ пола — пихта, цвѣты желтые, бѣлые, синіе. Ароматъ пихты мѣшается съ ароматомъ березки, сирени, черемухи, травы. Храмъ полонъ нарядныхъ дѣвушекъ. Больше всего бѣлыхъ. Точно букеты изъ ландышей, цвѣтущей черемухи, яблони, черешенъ. Боже мой, какая красота! Глаза разбѣгаются! Голова кружится! Болитъ шея отъ поворотовъ въ разныя стороны, впередъ и назадъ. Вся душа въ приподнятомъ настроеніи отъ непрерывныхъ сладчайшихъ токовъ красоты! Стройно, какъ ангелы на небесахъ, поютъ хоры монахинь и клирошанокъ, возносятся къ озаренному солнечными прорѣзами куполу фиміамы дыма кадильнаго, какъ голубыя облака плывутъ въ высь къ синимъ небесамъ купола. Точно уже вознесся на небо. Озираешься, а вокругъ будто все ангелы съ бѣлыми крыльями, эти нарядныя дѣвушки... Конечно, среди нихъ моя Зина — самая прекрасная. Гдѣ она? Вотъ она! Несравненная. Сегодня, послѣ обѣдни, я поѣду ее провожать и мы сдѣлаемся женихомъ и невѣстою!

— Слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ, и въ человѣцахъ благоволеніе! — читаетъ монахиня на клиросѣ.

Я встрѣчаюсь глазами съ Зиной и такое благоволеніе разливается въ душѣ моей и во всемъ тѣлѣ, что кажется, будто ноги отдѣлились отъ пола и я возношусь вмѣстѣ съ ароматами изъ кадильницы священника. О, какъ прекрасенъ мой бѣлый ангелъ!. На нее можно молиться... Если жениться, то, конечно, только на Зинѣ. Жениться и служить ей рыцаремъ, молиться на нее и беречь, какъ единственную драгоцѣнность. «Молиться и жениться!» Не сознаетъ юная душа, что тутъ сплетается свя-

тость и грѣхъ. И любовь тѣлесная еще чиста, какъ зеленая березка, ароматна, какъ ландышъ...

Отошла обѣдня и точно цвѣточный дождь или потокъ стремительно покатился изъ храма. Расцвѣли вдругъ разноцвѣтные зонтики надъ головами дѣвушекъ и точно огромные живые маки, васильки и ромашки пошли по монастырскому двору, къ воротамъ на улицу.. Гдѣ мой тюльпанъ? Желтый золотистый зонтикъ Зины?

— Съ праздникомъ васъ, Зинаида Николаевна!

— Ахъ, это — вы!

— Позвольте поднести вамъ...

— Ландыши? Мерси! Я страшно люблю ландыши.

— Я знаю... и завидую ландышамъ...

Сдѣлала видъ, что не поняла, а сама загорѣлась румянцемъ.

— Давно не видались съ Ниной?

О, это ударъ въ самое сердце! Намекъ на то, что я влюбленъ въ другую, въ подругу Зины. Всѣ такъ привыкли видѣть меня около Нины.

— Ммм... давно не встрѣчалъ, — смущенно отвѣчаю, опуская глаза въ землю, и страшно злюсь на ни въ чемъ неповинную Нину.

— Странно... — тихо произноситъ Зина, и на губахъ ея скользитъ улыбка.

— Почему вы находите это страннымъ?

— Такъ...

Еще такъ недавно я писалъ стихи въ честь Нины, а вотъ теперь всѣ ихъ готовъ отобрать отъ нея, передѣлать имя изъ Нины въ Зину и поднести моей новой драгоцѣнности. То была ошибка. Если-бы я раньше приглядѣлся къ подругамъ, то конечно, посвящалъ-бы стихи только Зинѣ. Какъ это хорошо, что мнѣ не удалось сдѣлать Нинѣ предложеніе!

— Мы ѣдемъ сегодня на лодкѣ въ загородную рощу... Хотите съ нами?

— Пожалуй!.. — говорю задумчиво и лѣзу въ свою записную книжку справиться, нѣтъ-ли у меня какихъ-либо неотложныхъ дѣлъ, которыя помѣшали бы мнѣ поѣхать. Развѣ можетъ мнѣ помѣшать какое угодно дѣло поѣхать и быть вмѣстѣ съ умоимъ бѣлымъ «Троицкимъ ангеломъ»? Нѣтъ такихъ дѣлъ! Но я перелистываю записную книжечку...

— Можно поѣхать...А много народу ѣдетъ?

— Мужчинъ очень мало. Насъ пятеро, а мужчина одинъ. Съ вами будетъ двое. Грести умѣете?

— Понимаю: вамъ требуются рабочіе, поэтому вы меня и приглашаете?

— Вотъ пустяки! Можете не грести. Я буду за васъ...

— Для васъ я могу... что угодно, но...

— Не упрямиться! я хо-чу, чтобы вы ѣхали? Понимаете?

Она хочетъ, чтобы я ѣхалъ, былъ съ ней! О, для нея я готовъ превратиться въ ломовую лошадь и возить камни!

Такъ быстро я проводилъ Зину до дому. Ничего не выяснилъ, а только запутался въ словахъ. Единственно, что удалось: получилъ отъ нея одинъ цвѣточекъ въ петличку пиджака. Фіалочку! Она напоминаетъ Зининъ глазокъ. Да, такихъ глазъ мнѣ еще не приходилось встрѣчать. Темно-синіе, даже иногда совсѣмъ черные. Удивительные глаза: мѣняютъ цвѣтъ отъ мысли! Смѣется—глаза синѣютъ, сердится — темнѣютъ...

Подъ вечеръ направляюсь въ сборный пунктъ: въ общественномъ скверѣ. Здѣсь есть брошенная музыкальная будка. Около нея. Прихожу, — еще пусто. Первымъ появляется Новиковъ, студентъ, съ которымъ я мало знакомъ.

— Вы?

— Я...

— Вы какъ... зачѣмъ собственно здѣсь? Ожидаете кого?

Не успѣлъ я отвѣтить, какъ появляется Нина! Студентъ соскочилъ со скамьи и къ ней. Встрѣча радостно-смущенная. Когда я съ ней здоровался, прищурилась и сказала:

— Извините! я васъ не узнала...

Зато со студентомъ весела, разговорчива, о чемъ-то секретничаетъ, отдала ему звой зонтикъ. Я очень радъ. Это сглаживаетъ неловкость нашей встрѣчи и нѣкоторую мою провинность передъ дѣвушкой. Отлично! Тѣмъ лучше для насъ съ Зиной...А все-таки, надо сказать правду, Нина въ бѣломъ платьѣ очень интересна. Измѣнила прическу. Эта прическа идетъ къ ней.

— Ну, какъ поживаете? Стихи продолжаете сочинять?

— Я, вѣдь, пишу стихи изрѣдка...

— Когда влюблены, вѣроятно?

— Какой-же я поэтъ?

— Конечно, вы — не Пушкинъ, а все-таки... рифмой владѣете...Я читала ваши стихи одному... человѣку...

Конечно, читала этому студенту: ухмыляется! На кой чортъ, я только далъ ей свои стихи! Читаютъ, вѣроятно, вмѣстѣ и издѣваются.

Злость и что-то похожее на ревность шевелилось въ моей душѣ. Было обидно и стыдно.

— А все-таки я просилъ-бы васъ никому не читать моихъ стиховъ!

— Они въ альбомѣ, куда пишутъ мнѣ и другіе... Сами читаютъ.

Засмѣялась звонко, весело. Въ карихъ глазахъ точно искорки отъ шампанскаго, засверкали перлы зубовъ, точно загорѣлся и закружился вихремъ, точно затанцовалъ ея звонкій радостный смѣхъ.

Мимолетно переглянулась со студентомъ. Странный смѣхъ: раздражаетъ и притягиваетъ.

Цѣлая стая бѣлыхъ птицъ показалась изъ аллеи: это Зина съ тремя подругами... Все незнакомыя. Только одна изъ нихъ заставила вздрогнуть: что-то напомнила далекое, позабытое. Зина около Нины. Смотрю и думаю: которая прекраснѣе?

Пошли къ рѣкѣ, наняли лодку и поѣхали. Я чувствую себя между двумя огнями. Точно моимъ сердцемъ играютъ въ футболъ! Изо всей силы гребу и ищу спасенія въ третьей дѣвушкѣ, въ той, которая заставила мое сердце странно вздрогнуть, и что-то радостное вспомнить... Тяжелыя косы изъ золотой пряжи и пугливые глаза. Боже мой, какъ она напоминаетъ мнѣ что-то пережитое въ дѣтствѣ, когда я былъ влюбленъ въ дѣвочку восьми лѣтъ, имѣя самъ столько-же лѣтъ отъ роду!

— Лена!

Ее зовутъ Леной. Такъ-же, какъ звали ту дѣвочку. Неужели... она?

Зина смѣнила меня на веслахъ, я очутился около Лены. Странное безпокойство все сильнѣе овладѣвало моей душой. Я украдкой взглядывалъ на третью дѣвушку въ бѣломъ платьѣ и испытывалъ въ душѣ какіе-то приливы и отливы волненія.

— Вы когда-нибудь жили на Волгѣ, въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ Вольскѣ?

— Я?

Дѣвушка широко раскрытыми глазами посмотрѣла въ мое лицо и сказала:

— Вы когда-нибудь жили въ этомъ городкѣ?

— Да. Жилъ въ дѣтствѣ, до десяти лѣтъ...

— Вы... Васъ зовутъ?

Я назвалъ свое имя. Дѣвушка покраснѣла до корня волосъ и закрыла лицо руками. Неужели это — она, маленькая дѣвочка Леночка, съ которой

мы играли въ горѣлки и, однажды, слятавшись въ темныхъ сѣняхъ, цѣловались и рѣшили жениться, какъ папа съ мамой?.. И тогда у ней были удивительные волосы...

Мы разговорились. Точно нечаянно нашли что-то дорогое, потерянное... Возвращаясь съ прогулки, мы шли подруку, позади всѣхъ, и радостно вспоминали далекое, прошлое. Изрѣдка я встрѣчался глазами съ Зиной и тонулъ; иногда до моихъ ушей долеталъ смѣхъ Нины и я вздрагивалъ, но все это быстро отлетало, уступая мѣсто какой-то необыкновеной радости отъ толстыхъ золотистыхъ косъ той дѣвушки, съ которой шелъ я теперь въ сумеркахъ весенняго вечера...

— Неужели вы — та Лена, которая... А помните темныя сѣни и какъ мы...

Дѣвушка засмѣялась, дрогнула ея рука подъ моей

— Помню. Все помню... — прошептала она, и когда мы дошли до дому, гдѣ она жила, я былъ безумно влюбленъ въ нее и въ ея золотыя косы...

Вернувшись домой, я ходилъ, какъ въ туманѣ... Въ эту *Троицу* я любилъ *трехъ* бѣлыхъ дѣвушекъ!.. Не знаю, которую больше...

Прага, 1923 г.

ВЪ РОДНЫХЪ СУГРОБАХЪ

Рождество Твое, Христе Боже нашъ!... Какъ не вспомнишь нашу родную русскую зиму, молодую, ядреную и бѣлую красавицу, похрустывающую, румянющую щеки, серебрящую алмазами дѣвичьи брови да мужичьи бороды?!

Все вспомнишь.

Вотъ и я вспомнилъ. Всѣ зимнія сказки жизни вспомнилъ. И любовь свою, зазнобушку милую вспомнилъ. Настасьюшкой звали. Настя! — Такое простое деревенское имя! А вспомнишь, — даже сердце вздрогнетъ. Лучше всякой музыки для меня это имячко... Настенька!

Дочь попа, отца Василія, въ нашемъ селѣ. Съ виду тихая-тихая, какъ яркое морозное утро въ деревнѣ, когда вся природа точно заворожена, околдована и не шелохнется подъ снѣжными мягкими коврами. И точно утренняя зимняя заря — на ея щекахъ. Толстая свѣтлорусая коса подъ бобровой шапочкой, и золотистые завитки волосъ надъ ушами, и бровки точно нарисованныя, и рѣсницы длинныя, — все посеребрено инеемъ. А глаза — какъ два замерзшихъ синихъ озера — огромные, да какъ она посмотритъ ими не мигаючи въ ваши глаза, — такъ и броситъ всю душу сперва въ холодъ, а потомъ — въ жаръ, и по всему тѣлу точно мурашки побѣгутъ! Ей-Богу! — самъ испыталъ. А самъ посмотришь

въ эти озера, покажется, что ты — воръ, въ чужую душу заглядываешь, да высматриваешь, что тамъ лежитъ плохо... Сконфузишься, покраснѣешь, какъ ракъ печеный, да поскорѣе глаза — въ землю. Ей-Богу! — самъ испыталъ. Да, глаза у Настеньки — на всю жизнь въ памяти остались. Чудеса, а не глаза. Ужъ если сравнивать ихъ съ замершими синими озерами, такъ надо еще и добавленіе сдѣлать: ледокъ на тѣхъ озерахъ тоненькій, чуть-чуть корочка ледяная, и стоитъ ей обрадоваться, какъ ледяная корочка точно вдругъ растаетъ или проломится и двѣ полыньи сверкнутъ, а изъ нихъ смѣхъ синими веселыми огнями забрыжжитъ. Тогда — какъ омутъ кипящій: такъ и утонешь. И «караулъ!» закричать не поспѣешь...

Да-съ, вотъ она какая, Настенька! Съ виду — холодная, ледяная, какъ наша зима.

Вся душа крѣпко закутана въ тулупѣ бараньемъ, съ головой спряталась, а встанешь рядомъ и чувствуешь, что подъ этой ледяной корой невидимый тайный огонь пылаетъ. Неугасимая. Въ теплыхъ странахъ такія не водятся. Только у насъ на сѣверѣ. Потому и слово у насъ такое есть — «зазноба»!

Эхъ, Натенька! Кабы вернуть, что съ возу въ жизни упало и пропало! «Кабы можно было жить, братцы, сначала!»

Такъ вотъ... Училась Настенька въ духовномъ училищѣ, гдѣ воспитываются только дѣвушки изъ духовнаго званія. Всѣхъ ихъ «поповнами» называютъ. Живутъ они тамъ въ строгости, взаперти, въ родѣ какъ въ старину въ теремахъ, по завѣтамъ и обычаямъ нашей старины, въ непрестанномъ сознаніи долга передъ Богомъ и людьми, передъ родителями. Такія дѣвушки намъ, жителямъ большихъ городовъ, похожихъ по жизни на Содомъ или Гом-

морру, тогда не нравились; очень ужъ скромны и святы, на монашекъ или послушницъ похожи...

Такая и Настенька была. Въ мужскомъ обществѣ ненаходчива, робка, застѣнчива и неразговорчива. Особенно — съ мало знакомыми. Теряется, краснѣетъ, боится лишній разъ глаза поднять. Одѣнь ее въ черно́е, дай въ руки четки — и монашка! Глаза — въ землю, поступь тихая да смиренная, слово — робкое и только изрѣдка пугливая улыбка на вишневыхъ губахъ скользнетъ да и спрячется, точно въ полураскрытый ротъ, съ зубами жемчужными, убѣжитъ! И губы—то словно стыдятся, что онѣ—такія яркія, вишневыя, — поджимаются...

Это — на людяхъ. А когда нѣтъ чужихъ да малознакомыхъ, — посмѣлѣе и поразвязнѣе. Даже и смѣхъ можно услыхать да такой веселый да разсыпчатый, словно бубенцы по полу покатятся! И отъ этого смѣха даже самому смѣяться захочется безо всякаго повода. Ей-Богу! — самъ испыталъ.

А, впрочемъ, какъ человѣка не описывай словами, — все не допишешь, все мало будетъ. Почувствовать его надо душой своей. А почувствуешь — всего увидишь и до дна поймешь... Не всякую красоту глазомъ замѣтишь и не всякое чудо перомъ или кистью напишешь. Мимо ходимъ, не примѣчаемъ...

Оба мы, то-есть, Настенька и я, къ роднымъ на Святки погостить пріѣхали въ одно село. Въ «Поганцево». Извините ужъ: не я такое названіе придумалъ и объяснить не берусь, за что такъ обидѣли жителей. Самые обыкновенные жители, не хуже и не лучше другихъ, и вдругъ «поганцами» ихъ сосѣди называютъ!

Помню: мнѣ было тогда очень обидно, что такая прекрасная дѣвушка, Настенька, точно святая дѣвушка, и вдругъ живетъ въ «Поганцевѣ»! Кабы было

въ моей силѣ и власти, я немедленно переименовалъ-бы это «Поганцево» въ «Святогорье» или «Всесвятское». Конечно, какъ и во всякомъ мѣстѣ, здѣсь были дѣйствительные поганцы, но гдѣ ихъ нѣтъ? Волостной писарь, напримѣръ, и земскій фельдшеръ— — въ Поганцевѣ былъ свой медицинскій пунктъ — самые подлинные поганцы были: оба имѣли рожи неподобныя, во снѣ увидишь, такъ наплюешься досыта, а претензіи насчетъ женскаго пола большія имѣли, и такъ какъ женскій полъ отъ нихъ отворачивался, то они какое-то снадобье изъ травъ варили и, будто-бы, стоило только этимъ снадобьемъ женщину или дѣвушку напоить, какъ въ ней такія похоти разгорались, что прямо руками голыми бери!

А, впрочемъ, можетъ быть, все это бабы зря болтали: на бабій ротокъ не накинешь платокъ!

Въ церкви я въ первый разъ Настеньку встрѣтилъ послѣ обѣдни. Морозный день былъ. Снѣгъ сверкалъ и слѣпилъ глаза. Березы вкругъ церкви въ бѣлыхъ кружевахъ стояли. Дымъ синій изъ трубъ надъ селомъ столбами къ небесамъ поднимался. А избы-то чуть-чуть только изъ сугробовъ выглядывали. Гудѣлъ звонъ отходный на колокольнѣ. Люди Божіе по домамъ расползались. Вотъ тутъ, на паперти, я и встрѣтился съ Настенькой. Сразу замѣтилъ, что необыкновенная, и спросилъ старуху шепоткомъ.:

— Не знаешь, чья это дѣвица?

— Прошла-то?

— Да. Вонъ идетъ! съ косой-то русой!

— Попова дочка, Настасьюшка. Замѣтилъ, небойсь, нашу красавицу-то!

Настенька точно плыла въ сверкающемъ морозномъ воздухѣ: а не шла, какъ всѣ люди. Точно и

земли ногами не касалась. Шла бойко, но не колыхалась и не поднимала глазъ. Точно осторожно сосудъ съ дорогой влагой несла и боялась покачнуться. Не гордость была въ ней, а тайный инстинктъ душевной чистоты, уносимый изъ храма Божьяго послѣ праздничной службы. Была она полна Богомъ и берегла эту святость...

Точно небесное видѣніе на мгновеніе предстало глазамъ моимъ и исчезло.

Только глаза, прикрытые рѣсницами, сверкнули мимоходомъ. Даже не успѣлъ разглядѣть и запомнить лица. Думаю, что хотя она и не остановила прекрасныхъ глазъ своихъ на моей особѣ, но всетаки меня замѣтила: какъ не замѣтить въ селѣ новаго пріѣзжаго человѣка? Всѣ культурные люди на перечетъ, а я былъ студентъ, въ формѣ, какихъ здѣсь, можетъ быть, и не бывало еще до того дня. Потомъ я увидалъ ее еще разъ на снѣжной улицѣ. И не знаю, почему она вспыхнула и опустила глаза. На этотъ разъ я ее разсмотрѣлъ и такъ запомнилъ, что весь день мимо попова домика ходилъ, а на первый день Рождества къ попу съ визитомъ отправился... Гости у попа, визитеры, и при томъ въ большомъ подпитіи. Конечно, ходить некуда: два-три дома и кончено. Это не то, что въ большомъ городѣ: три дня можно безъ отдыха по визитамъ путешествовать. Вотъ и засиживаются. А дѣло праздничное: всего запасено достаточно. Пришелъ я не рано, просидѣлъ съ часъ времени, а Настеньки не вижу. Уйти безъ ничего не хочется. Все на дверку въ сосѣднюю комнатку поглядываю, а пока съ пьяными гостями разговоръ веду. Съ фельдшеромъ да съ волостнымъ писаремъ. Обидѣлись, что я съ ними пить не хочу. А я вижу, что эти гости уже въ тягость хозяевамъ: забываютъ, что не въ кабакѣ сидятъ. Одинъ зашѣлъ такое, что прямо стыдно стало:

Какъ вотъ попъ попадью
Передѣлалъ на бадью,
Руки, ноги обрубилъ,
Полну пива нацѣдилъ!

А другой хлопнулъ стаканчикъ и тоже:

Эхъ, Настасья, эхъ Настасья,
Отворяй-ка ворота!
Я-бы рада отворила
Да...

Неудобно оставаться, неудобно и уйти: никого изъ хозяевъ нѣтъ съ гостями.

И проститься не съ кѣмъ. А гости ко мнѣ съ придирами стали лѣзть:

— Небойсь, свататься пришелъ? Ни Боже мой! Нашихъ барышень касаться не моги! Хотя ты и студентъ, а рыломъ не вышелъ... Понимаешь? Бойся! — тыкаясь мордой и уставясь на меня мутными глазами, говоритъ писарь и грозитъ пальцемъ.

Надо уходить. Блуждаю глазами и вижу, что попадья меня изъ передней пальчикомъ манитъ. Кашлянулъ я, сказалъ — «До пріятнаго свиданія» и вышелъ. А въ передней меня попадья перехватила и увела черезъ сѣни въ другую половину — «черную» Извиняется, чуть не плачетъ. Отъ гостей-то этихъ. «Выгнать ихъ надо, говорю». —«Что вы! Они потомъ со свѣту сживутъ. Уговорить надо, чтобы домой шли, а некому: батюшка въ барскую усадьбу поѣхалъ — молебствіе тамъ, а меня не послушаютъ, а Настеньку и показать страшно: очень нескромные люди и при томъ оба съ любовью навязываются, а у ней — женихъ». Какъ сказала она про жениха, меня точно ножемъ по сердцу рѣзанула! Вѣдь, и въ мысляхъ не имѣлъ, чтобы предложеніе сдѣлать

и не зналъ самъ, что душа къ ней тайно уже склонилась, а вотъ поди ты! Жадность какая-то въ молодости: какъ увидишь вѣнчальный поѣздъ съ невѣстой — досадно дѣлается. А вѣдь сразу на всѣхъ не женишься? Такъ вотъ оно что! — подумалъ я — женихъ есть... Кто-же этотъ счастливецъ? Вошли мы на черную половину: тутъ гости другого сорта, больше женщины. Самоваръ, булочки, орѣшки разныхъ сортовъ, дѣвицы разнаряженныя и только одинъ мужчина. Настенька за самоваромъ — чай разливаетъ. Попадья меня съ Настенькой познакомила, а сама въ ту, чистую половину. «Запритесь!» — говоритъ. Это отъ тѣхъ гостей, пьяныхъ-то.

Настенька меня усадида, угощаетъ, а въ глаза точно боится глядѣть. Ледокъ на глазахъ. Съ правой стороны — мужчина у ней сидитъ. Узналъ его: псаломщикъ молодой, красивый, тенористый, волосы, какъ у архангела Гавріила. Моментально сердце подсказало: «Вотъ онъ, женихъ!» и сразу я врага въ немъ почувствовалъ. А онъ очень милый человѣкъ, духовное училище кончилъ и, какъ понялъ я изъ разговоровъ, скоро посвящаться въ дьякона будетъ. Эге! — думаю себѣ, значитъ жениться скоро будетъ долженъ: безъ этого дьякономъ не сдѣлаютъ.

Значитъ, вѣрно: онъ женихъ Настенькинъ! Посмотрю на Настеньку и душа затоскуетъ, заноетъ, — точно была уже Настенька моя, а теперь отняли... Этотъ самый псаломщикъ, Аркадій Иннокентьевичъ Свѣтозаровъ! Красивая все-таки фамилія. Ну, да и самъ недуренъ. Вотъ красивая и счастливая парочка будетъ!

А онъ съ гитарой сидитъ, тихонько струны подергиваетъ и, взметывая глаза каріе на Настеньку, поетъ-не поетъ, а такъ, словно подъ сурдинку, теноркомъ сладкимъ:

По небу полуночи ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ...

Постучала мать-попадья. Махнула рукой: гости еще водки просятъ! Пошмугала, прошла съ бутылкой, обернулась:

— Настенька! Ты угостила-бы своихъ гостей наливочкой!

Появилась вишневая наличвочка. Чокнулись, поздравились. Я какъ-то сразу развеселѣлъ, пересталъ стѣсняться. Кавалеромъ себя почувствовалъ. Веселый анекдотъ разсказалъ, — всѣ дѣвицы начали до слезъ хохотать. Настенька чаемъ или орѣшкомъ поперхнулась. А потомъ я отобралъ у Свѣтозарова гитару. Игралъ я хорошо и голосъ имѣлъ весьма приличный. Баритонъ, знаете-ли, такой, съ надрывомъ. Побренчалъ, да какъ ахнулъ:

Отворите мнѣ темницу!
Дайте мнѣ сіянье дня!
Черноокую дѣвицу!
Быстрокрылаго коня!...
Я красавицу младую...

А самъ въ этомъ моментъ глазами въ глаза Настеньки:

Прежде сладко поцѣлую
и т. д.

Вижу всѣ дѣвицы дышать перестали-: точно всѣхъ ихъ я перецѣловалъ, всѣхъ на быстрокрылаго коня посадилъ и помчалъ въ невѣдомые края. Кончилъ, всѣ дѣвицы вспорхнули, меня окружили и упрашиваютъ:

— Ну, еще что-нибудь!...

Когда, наконецъ, и Настенька подошла и попросила, только на мгновеніе сверкнувъ синими огня-

ми въ растопившійся ледокъ своихъ глазъ, я сказалъ: «Только для васъ»! отъ чего она вспыхнула, и спѣлъ: «Вы не могли понять меня, понять моей любви», причемъ все врмя обращался въ сторону Настеньки. Спѣлъ я этотъ романсъ такъ трогательно, что одна изъ дѣвицъ хмыгнула носикомъ и стала отирать слезки. Достаточно сказать, что я самъ удивился своей неожиданной вдохновенности. Вижу, а скорѣе чувствую, что женихъ, Аркадій Иннокентьевичъ Свѣтозаровъ, чувствуетъ свой «тронъ любви» въ опасности. Нервно гладитъ свои архангельскія кудри и говоритъ:

— А всетаки вы въ одномъ мѣстѣ снизили на четверть тона!

— Не въ этомъ дѣло! — небрежно бросилъ я. — Я дѣлаю это умышленно, для выразительности...

Женихъ взялъ гитару и сталъ демонстрировать мою ошибку на четверть тона.

А потомъ, хотя его не просили, выпилъ рюмку наливки, покашлялъ, ослабилъ галстухъ воротника и запѣлъ:

Очи, полныя огня,
Вы — мои мучители,
Ахъ, зачѣмъ вы у меня
Миръ души похитили?..

И тоже смотрѣлъ на Настеньку. Та двинула плечикомъ и, не давъ жениху кончить, капризно протянула:

— Ну! Это ужъ мы сто разъ слышали... Новенькое что-нибудь!

Женихъ отложилъ гитару, не докончивъ романса, и, немного упавшимъ и осипшимъ голосомъ отвѣтилъ:

— Тогда пускай ужъ *они* вамъ споютъ! А мы послушаемъ....

«Они» — это я. Всѣ замолчали. Неловкость какая-то вышла. Такъ всегда бываетъ, когда одна любовь уходитъ, другая приходитъ. Ничего не сдѣлано, ничего не сказано, а точно какая-то тонюсенькая струнка оборвется и, какъ комарикъ отлетающій, проплачетъ. Чувствую себя побѣдителемъ.

— Мнѣ пора! — вздохнувши , прошепталъ женихъ и сталъ прощаться. Со мной простился послѣ всѣхъ и теноркомъ слащавымъ и маслянымъ сказалъ:

— Ну-съ, счастливо оставаться, господинъ студентъ!

А я ему баритономъ:

— Наше счастье — скоротечно, потому живи безпечно! Адье, милый человѣкъ!

Потомъ мы сѣли играть въ «короли». Дѣвицы заспорили между собою о томъ, какой голосъ пріятнѣе: теноръ или баритонъ? Настенька сказала:

— Къ мужчинѣ больше баритонъ идетъ...

Вотъ тутъ то мы и встрѣтились глазами. Нечаянно это вышло. Можетъ быть, въ этотъ именно моментъ и судьба Свѣтозарова рѣшалась. Точно тайна какая-то межъ нашими взорами проскочила. Оба покраснѣли и скорѣй за карты...

Настенька нечаянно лишнюю карту изъ колоды взяла, а сосѣдка сказала ей. —

— Настя! Ты зачѣмъ плутуешь?

Не поняла или поняла не такъ, только смутилась окончательно. Всѣ ее насмѣхъ подняли. Не хотѣлось, а надо было уходить: всѣ гости расходились.

— Захаживайте! — сказала мнѣ Настя, перебрасывая съ груди за спину свою русую косу.

Ну, сталъ захаживать. Попъ съ попадьей немного покашивались, а женихъ сталъ смотрѣть на меня совсѣмъ недружелюбно. Однако и попа я побѣдилъ. Всѣ въ поповомъ домѣ восхищались, какъ Свѣто-

заровъ «апостола» читалъ» Вотъ и пришло мнѣ въ голову и съ этой позиціи соперника сбить. Подъ Крещенье взялъ да, съ благословенія отца Василія, и удивилъ всѣхъ. Читалъ и самъ удивлялся: точно хорошій протодіаконъ! Потомъ попъ долго вспоминалъ:

— Великолѣпно! Торжественно!... Вамъ надобы по духовной части...

А попадья:

— Ну, и голосъ-же Господь - Батюшка вамъ далъ!.. У меня всѣ внутренности тряслись, когда вы къ концу подходили! Даже въ животѣ щекотно было.

— Баритонъ для «апостола» больше подходитъ, — задумчиво вставила Настенька.

Еще и двухъ недѣль не прошло, а казалось, что я прожилъ въ «Поганцевѣ» много лѣтъ. Въ юности дни-то разъ въ пять длиннѣе кажутся, чѣмъ въ зрѣлыхъ годахъ. Да и то сказать: въ деревнѣ людискорѣе другъ къ другу привыкаютъ. Мало ихъ. Толкутся всѣ вмѣстѣ и на одномъ мѣстѣ, какъ мошкара подъ солнышкомъ. Однако ничего еще не сдѣлано, ничего не сказано. Всѣ мы трое, Настенька , я и Свѣтозаровъ, тайно одно и тоже понимаемъ и чувствуемъ, а преграду на путяхъ своихъ перескочить никто не рѣшается: онъ — женихъ, я — знакомый, она — помолвленная. Все въ порядкѣ, съ виду, а внутри давно все измѣнилось. Такъ весной бываетъ: сугробъ, зима, ледъ на рѣкѣ, а попробуй переѣхать и провалишься. Только Настенька позадумчивѣе стала. Странно какъ-то на жениха взглядываетъ. Посмотритъ и вздохнетъ. А на меня вскинетъ глаза свои, озера синія, — застѣнчиво улыбнется и потупится. Вижу, понимаю и чувствую, что пора перескочку дѣлать. Подъ лежачій камень вода не течетъ.

А развѣ, когда юноша въ дѣвушку влюбляется, можно безъ поцѣлуевъ обойтись?

Никогда! Въ юности кажется, что именно для этого самаго и губы намъ даны.

Только Настенька-то очень пуглива, скромна и застѣнчива. Не знаю, съ какой стороны и къ дѣлу подойти. Тутъ съ однимъ баритономъ ничего не выйдетъ. Буду пѣть, она будетъ слушать, — ну, а когда-же цѣловаться? Жениться это ужъ послѣ, въ концѣ концовъ, а сперва надо до поцѣлуевъ добраться...

Ужъ повезетъ, такъ повезетъ!

Поганцево на горѣ стояло, а подъ горой прудъ былъ. Отличное катанье для ребятъ и на конькахъ, и на санкахъ: раскатъ крутой и долгій и прямо на прудъ дорожка накатана, ледокъ подъ снѣжкомъ синѣетъ. Днемъ тутъ ребята и дѣвчонки со всего Поганцева. Такой крикъ и содомъ, точно лѣтомъ на пожарѣ. Хотѣлось мнѣ покататься, когда наблюдалъ я эту забаву, да все какъ-то стѣснялся свою солидность и серьезность уронить. Студентъ, баритонъ и вдругъ съ маленькими ребятишками связался! Совѣстно. Да еще скувырнешься и вверхъ тормашками полетишь при общемъ хохотѣ! А хотѣлось! Бывало, смотрю на этотъ гомонъ ребячій и завидую. Такъ-бы спихнулъ какого-нибудь Ваньку или Таньку съ санокъ да и полетѣлъ самъ! Только бѣда въ томъ, что поповъ домъ, хотя и далеко, а всетаки окнами сюда смотритъ. Увидитъ изъ окна Настенька: уваженіе потеряетъ. И вотъ всетаки не выдержалъ. Однажды въ лунную ночь не спалось. Смотрѣлъ на луну и думалъ про Настеньку. Село спало. Всѣ огни давно погасли. Только въ поповомъ домѣ, въ разрисованномъ морозными узорами окошкѣ, трепыхался свѣтъ. Вотъ, думаю, и Настенька не спитъ, про меня, видно, думаетъ. Хорошо-бы подойти къ

свѣтлому окошечку да посмотрѣть. Шепоткомъ сказать зазнобушкѣ:

Встань голубка, встань мой свѣтикъ,
Погляди въ окошко!
Накинь шубку да платочекъ, —
Пожалѣй немножко!

И пришло въ голову — пойти на гору. Одѣлся, взялъ санки, на которыхъ бабы воду въ боченкѣ возятъ, да и маршъ на гору! Ночь морозная, звонкая. Деревья вкругъ пруда бѣлыми кружевами обвѣсились. Подъ ногами звонко похрустываетъ. Изо рта паръ валитъ. Съ боку, по снѣгу, синяя долговязая тѣнь, какъ великанъ, рядомъ идетъ. Подхожу къ горѣ — люди. Приглядѣлся и вдругъ сердце запрыгало отъ радости: Настенька съ санками! Правду говорятъ: «Сердце сердцу вѣсть подаетъ»! Испугалась она. Вынула изъ лисьей муфты ручку, — мнѣ подала: взялъ — ручка такая горячая, что и выпускать не хочется! Точно бархатная. А изъ подъ пуховаго платка синіе темные глаза и въ нихъ звѣздочки отражаются. Засверкали они огнями да скорѣй подъ платочекъ: на лобикъ его надвинула. «Вотъ, говоритъ, гдѣ встрѣтились»! Стоимъ другъ противъ друга съ санками и не катимся. Она меня впередъ посылаетъ. «Я, говоритъ, боюсь, когда позади человѣкъ катится». Тогда, говорю, я подожду. Нѣтъ, говоритъ, пора ужъ домой. А сама ножками на мѣстѣ топочетъ, а не уходитъ. На свой домъ оглядывается. Вижу, что такъ и прозѣвать можно. Началъ уговаривать хотя одинъ разокъ вмѣстѣ прокатиться. Опять на свой домикъ посмотрѣла. Вижу, — дѣвушка въ колебаніи. Наладилъ сани носомъ подъ гору, сѣлъ на задокъ и жду.:

— Садитесь, Настасья Васильевна!

— Въ городѣ-бы поѣхала, а здѣсь непрiнято вдвоемъ съ мужчиной...

— Да никто не увидитъ! Луна только. А она никому не скажетъ! Ну, скорѣй!

Вздохнула, повела взоромъ вокругъ, подошла:

— Право, неудобно какъ-то...

Она понимаетъ подъ неудобствомъ свое: боится осужденiя ближнихъ. А я — ей:

— Садитесь поперекъ санокъ. Верхомъ, конечно, неудобно... Бокомъ выйдетъ, какъ въ дамскомъ сѣдлѣ.

— А не упадемъ?

— Ручаюсь!

Перекрестилась и стала усаживаться. Никогда, говоритъ, я бокомъ не сиживала.

Юбочку крѣпко подоткнула. Платочекъ поправила. Смѣшокъ виноватый такой у ней вырвался. Я отпихнулся и санки скрипнули и покатились. Круто, — сразу во весь духъ полетѣли, точно въ пропасть бѣлую. Все завертѣлось точно въ снѣжномъ вихрѣ: деревья на пруду въ бѣлыхъ кружевахъ, искорки на снѣгахъ, звѣзды въ небесахъ. Морозъ дохнулъ въ лицо. На выбоинѣ санки прыгнули, — Настенька вскрикнула и рукой за мою шею схватилась. Я ее лѣвой рукой подъ руку подхватилъ, крѣпко прижалъ. На полномъ разлетѣ — духъ захватило. Чувствую на своей шеѣ ручку горячую, подъ своей рукой — тѣло дѣвичье гибкое...

Правой рукой шапку на затылокъ сдвинулъ, наклонился да губами въ губы...

А она вся въ трепетѣ. Точно и память потеряла, — не противится. И вдругъ на выбоинѣ санки снова прыгнули высоко и насъ точно кто выбросилъ въ сугробъ. Санки дальше покатились, а мы, обнявшись, въ мягкомъ сугробѣ, какъ на пуховой перинушкѣ! Не сразу, конечно, опомнились. И смѣшно

Настенькѣ, и страшно, и стыдно. А я все не могу оборвать: цѣлую, то въ щеку, то въ губы, то въ шейку...

Ну, вотъ и перескочка!..

Не успѣли изъ сугроба вылѣзти — около насъ, словно изъ-подъ земли, человѣкъ выросъ.

— Такъ вотъ какъ? Ого-го! Здорово! А еще студентъ, образованный человѣкъ!

Мы такъ и замерли: пьяный волостной писарь! Я стряхиваю съ бѣдной дѣвушки снѣгъ, помогаю ей привести себя въ порядокъ, а писарь стоитъ шагахъ въ пяти и злобно издѣвается такими словами и фигурами, что никакой писатель не придумаетъ. Я, было, вздумалъ рыцаря изобразить, а онъ мнѣ кухонный ножъ показалъ:

— Тронь только, я тебя сдану подъ девятое ребро, такъ твою...

И пошелъ навертывать! Настенька дернула меня за рукавъ:

— Скорѣе... Молчите!..

Мы пошли. И про санки позабыли. А писарь долго еще кричалъ намъ вслѣдъ такое, что и лунѣ стало стыдно: облачкомъ прикрылась, словно баба фартукомъ.

— А мухту не отдамъ! Настька! Мухту хочешь свою получить, ко мнѣ, подлая, придешь! Выкупить придется! Я тебѣ покажу тогда... А еще попова дочь!..

Настенька шла рядомъ со мной и потихоньку плакала. «Что вы надѣлали?» — шепчетъ. Проводилъ я ее на гору. Даже не простилась. Быстро пошла къ своему домику и скрылась за калиточкой. А я пошелъ санки отыскивать...

Всю ночь не спалъ. Все думалъ, какъ на писаря управу найти. Ничего не придумалъ. Проснулся

на другой день поздно. Умываюсь, а кухарка Мавра говоритъ:

— Скандалъ-то какой у насъ! На всю округу дѣвку осрамили...

— А что случилось?

— У попа ворота дегтемъ вымазали! На всю жизнь Настеньку обезчестили... Никто ее теперь замужъ не возьметъ... Ты, братъ, вотъ что: коли въ правду виноватъ, тебѣ на ней жениться слѣдуетъ. Покрыть грѣхъ-то вѣнцомъ!

— Грѣхъ! Никакого грѣха не было... и покрывать нечего...

— А мухта лисья?..

Жениться?.. Еще недавно и самъ я безо всякаго страха мысленно произносилъ это слово не безъ удовольствія, а тутъ вдругъ оно меня такъ напугало, что я собралъ свой чемоданъ, подушку съ одѣяломъ, книжки, сѣлъ на попутнаго мужичка и вечеромъ въ тотъ-же день уѣхалъ...

Прага, 1924 г.

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ.

Я встрѣтилъ ее неожиданно при выходѣ изъ храма и невольно остановился въ восхищенномъ изумленіи... Она была такая прекрасная и такая счастливая! Счастье излучалось изъ ея души и тѣла чрезъ глаза, чрезъ волосы, чрезъ улыбки, чрезъ каждый изгибъ тѣла, чрезъ каждый поворотъ и движеніе.

Счастье приковываетъ наше вниманіе: вѣдь такъ мало на землѣ счастья среди бѣдныхъ людей!

Я былъ въ этотъ день самымъ несчастнымъ человѣкомъ на всей землѣ: я только что узналъ, что любимая мною дѣвушка скоро выходитъ замужъ! И вотъ въ мою мрачность души неожиданно ворвалось солнце: я увидалъ бѣлую дѣвушку — олицетвореніе самого счастія... Увидалъ и забылъ на мгновеніе о своемъ несчастіи. Какая счастливая! Хочется и самому засмѣться отъ неизвѣстной радости.

Рядомъ съ ней шелъ молодой человѣкъ, неуклюжій и некрасивый, но тоже счастливый, и я подумалъ: «Это непремѣнно женихъ съ невѣстой!»

И отъ этой мысли солнышко въ душѣ моей — снова исчезло въ моей мрачности. Нечаянно встрѣтился вдругъ съ глазами дѣвушки.

Должно быть, видъ у меня былъ трагическій, ибо она задержала свои глаза на моемъ лицѣ и

точно испугалась, улыбка съ губъ вспорхнула и улетѣла и на прекрасномъ лицѣ застылъ вопросъ, а, можетъ быть, недоумѣніе.

Такъ бываетъ, когда неожиданно увидишь человѣка, котораго считалъ умершимъ... Это былъ одинъ моментъ.

Молодой спутникъ дѣвушки его не замѣтилъ и продолжалъ говорить съ жестами и мимикой, но дѣвушка не слушала или просто потеряла нить разговора. Я пошелъ слѣдомъ за ними. При выходѣ изъ ограды храма дѣвушка оглянулась и я снова уловилъ на ея лицѣ тревожное недоумѣніе.

Неудобно идти позади: точно подслушиваешь чужія тайны. Я обгонялъ счастливую парочку и шелъ впереди. Невѣдомая сила толкала меня оглянуться... еще разъ!.. ну, послѣдній разъ! Но и оглядываться неудобно: они уже замѣтили меня. Тогда я сталъ пріостанавливаться у оконъ и пропускалъ ихъ впередъ. А потомъ снова шелъ нѣсколько минутъ позади и снова обгонялъ.

Молодой спутникъ дѣвушки началъ безпокоиться и лицо его дѣлалось злымъ, напряженнымъ, разсѣяннымъ. Теперь она щебетала, какъ ласточка или жаворонокъ, а онъ молчалъ и былъ разсѣянъ... Но тутъ они свернули за уголъ, а мой путь велъ прямо, и мы потеряли другъ друга. Странное безпокойство несъ я въ душѣ своей. Точно случилось нѣчто неожиданное, не знаю — дурное или хорошее, точно я что-то и нашелъ и что-то потерялъ одновременно. Что же случилось? Ахъ да... эта дѣвушка, съ которой я встрѣтился глазами! Но мало-ли встрѣчаешь дѣвушекъ? Каждый день проходишь мимо сотни дѣвушекъ и это тебя нисколько не безпокоитъ. Почему же такъ запомнилась именно эта? Старался не думать, пробовалъ читать книгу, — безпокойство не исчезло и кто-то настойчиво спрашивалъ душу:

— Кто она, эта дѣвушка?

Вечеромъ я пошелъ бродить, томимый все той же мыслью, по городу. Разряженные горожане и горожанки высыпали на улицы, двигались во всѣ стороны, многіе ѣхали за городъ компаніями, съ саквояжиками и узелками съ провизіей.

Большой городъ — какъ море. Какъ волны — люди. Конца имъ нѣтъ. Углубленный въ самого себя, я переходилъ черезъ улицу и остановился, чтобы переждать проходящій трамвай № 3, похожій на улей съ пчелами.

Поднялъ голову и радостно испугался: я увидѣлъ черезъ раскрытое окно вагона ту самую дѣвушку, о которой думалъ. Не знаю, какъ и почему это вышло, — точно кто-то съ силой пихнулъ меня на подножку вагона! Вскочилъ и, подъ ворчливыя замѣчанія толкавшейся публики, полѣзъ въ вагонъ. Мѣстъ сидѣть не было и я , ухватившись за ременную петлю, болтался отъ толчковъ въ бока и спину, пропуская выходившихъ.

Наконецъ и я получилъ мѣсто. Сѣлъ, повелъ взоромъ и столкнулся съ глазами дѣвушки. Она сидѣла напротивъ. И снова повторилось то же самое, только еще въ болѣе острой формѣ. Дѣвушка смутилась, румянецъ залилъ ея щеки и она выронила изъ рукъ портмонэ. Я моментально склонился къ ея ногамъ, поднялъ и подалъ ей портмонэ. Растерянно улыбнулась, кивнула мнѣ головой и прошептала благодарность.

На одной изъ остановокъ она поднялась и, уходя, взглянула въ мое лицо. Мимолетно взглянула, точно случайно. И мнѣ вдругъ стало такъ грустно, точно я разставался съ дорогимъ человѣкомъ. И опять точно кто-то поднялъ меня съ лавки и толкнулъ въ спину слѣдомъ за дѣвушкой. Она слѣзла и остановилась на перекресткѣ, около трамвайной

пересадки. Невѣдомая сила заставила меня остановиться и ждать.

Еще разъ наши глаза мимолетно встрѣтились и отъ этого въ моей душѣ родилось такое ощущеніе, какое бываетъ въ тѣлѣ, когда коснешься рукою до шарика Лейденской банки. Конечно, я сѣлъ въ тотъ же вагонъ, куда вошла дѣвушка, прямо слѣдомъ за ней. Было тѣсно, насъ толкали другъ къ другу, и это рождало улыбки и извиненія съ обѣихъ сторонъ.

Потомъ мы получили мѣста на поперечныхъ лавочкахъ, другъ противъ друга. Она уронила на полъ свертокъ, я поднялъ, склонившись къ ея ногамъ въ бѣлыхъ туфелькахъ, и подалъ съ благоговѣйнымъ трепетомъ. Она смущенно поблагодирала и спросила:

— Скажите, на какой номеръ трамвая надо пересѣсть, чтобы попасть въ Швейцарію?

Я такъ растерялся отъ музыки ея голоса, что не сразу понялъ, что рѣчь идетъ не о государствѣ, а о загородномъ лѣсѣ около озера, любимомъ мѣстѣ прогулокъ молодежи. Сообразивъ, въ чемъ дѣло, я отвѣтилъ:

— Я вамъ скажу. Я ѣду туда же... Вы, видимо, пріѣзжая?

— Да, я здѣсь недавно. Бывала и раньше, но мимолетно.

И вотъ , мы рядомъ: идемъ въ «Швейцарію». Несчастный случай послужилъ мнѣ во благо: у ней остановились часы и потому она опоздала къ своей подругѣ, гдѣ условились сойтись передъ прогулкой. Компанія уѣхала и теперь ей хочется отыскать ее.

— Вы мнѣ поможете?,

— Съ большей радостью!

— Противные часы!

— Вы, вѣроятно, такъ счастливы, что имѣли скрытое желаніе, чтобы моментъ остановился?

Счастливаго человѣка сразу узнаешь! Я понялъ это при первомъ взглядѣ на васъ... сегодня утромъ, когда вы шли изъ церкви съ молодымъ человѣкомъ.

Дѣвушка вспыхнула румянцемъ, и я подумалъ: «она его любитъ!»

— А все-таки, разрѣшите, счастливый человѣкъ, узнать ваше имя!

— Людмила Сергѣевна... Караваева! А вы?

Я представился.

Горы и овраги, поросшіе лѣсомъ. Сперва — паркъ съ ресторанами, съ бесѣдками, съ павильонами, въ которыхъ пьютъ чай, пиво, ѣдятъ мороженое, стрѣляютъ изъ монтекристо въ цѣль на призы, площадки съ каруселью, съ футболомъ, съ теннисомъ.

Горы раздѣлены оврагами, чрезъ которые перекинуты мостики. Гремитъ духовая музыка, механическій органъ въ звѣринцѣ, шарманки при каруселяхъ. Звонъ посуды, хлопанье пробокъ и гулъ веселящейся толпы, пестрой, многоцвѣтной, какъ волны, переливающейся. И золотистая пыль облаками.

Развѣ тутъ найдешь человѣка? Затеряется, какъ иголка въ сору. Какъ въ калейдоскопѣ лицо толпы: непрестанно мѣняется!.. А гулъ голосовъ, смѣха, визга и музыки во всѣхъ сторонахъ, — это какой-то Ніагарскій вопопадъ! Нельзя говорить: ничего не услышишь.

— Боже мой! Здѣсь можно съ ума сойти!

Какое счастье, что этотъ «культурный рай» переходитъ прямо въ лѣсъ!

Съ трудомъ высвободились изъ объятій толпы и направились въ лѣсъ. Такая живописная мѣстность! Глубочайшіе овраги, поросшіе старыми березами, Когда посмотришь внизъ, перебираясь по мосточку, голова кружится и духъ замираетъ, тянетъ прыгнуть въ эту зеленую бездну. Мосточки прыга-

ютъ и кажутся непрочными. Вотъ «Чертовъ мостъ» — самое страшное мѣсто: отсюда бросаются несчастные влюбленные. Было нѣсколько случаевъ.

— Неужели?

— Да. Юноши стрѣляются около «Таниной могилы», а дѣвушки бросаются съ «Чертова моста»...

— А гдѣ эта «Танина могила»?

— А вотъ увидимъ. Она на самой вершинѣ вонъ той горы!

На лицѣ дѣвушки, смотрѣвшей въ глубину оврага, отражался ужасъ и ненасытное любопытство.

— Стоитъ сдѣлать одинъ шагъ и... полетишь. Будешь летѣть нѣсколько секундъ...

— Счастливые летаютъ на крыльяхъ счастья, а не съ этого мѣста... Пойдемте!

Мнѣ было страшно смотрѣть на стоявшую надъ пропастью Людмилу Сергѣевну и я оттянулъ ее за руку отъ перилъ.

— Довольно! Вы забыли, что по васъ тоскуютъ и ждутъ васъ!

— А вы откуда знаете?!

— Я даже знаю, кто ждетъ, ищетъ и тоскуетъ...

— Ничего не знаете...

— Вашъ женихъ, то есть тотъ молодой человѣкъ, который провожалъ васъ изъ церкви.

Дѣвушка покраснѣла, стала «отвергать», но охватившая ее радость мѣшала ей скрыть, что я угадалъ, и она... призналась.

— Ну, хорошо, хорошо... Вы угадали... Догадливый!..

Такъ мы болтали, шли все глубже въ лѣсъ и подошли къ озеру. Солнце уже садилось и озеро стало золотисто-розовымъ зеркаломъ въ зеленой рамѣ изъ поросшихъ лѣсомъ горъ и буераковъ.

Гдѣ-то пѣлъ хоръ молодежи. Дѣвушка прислушлась и неожиданно оживилась:

— Это они! они! Я узнала голосъ Владиміра Михайловича... Идемъ!

О, сколько радости звучало въ ея голосѣ! И какъ прекрасна была она въ этомъ тревожно-радостномъ возбужденіи!

Спустя четверть часа мы нашли, что искали. Веселая молодая компанія изъ студентовъ и курсистокъ. Около костра. Поютъ, пьютъ пиво, прыгаютъ черезъ огонь. Вообще въ бурливомъ состояніи. Я наблюдалъ встрѣчу счастливыхъ: оба рванулись другъ къ другу, точно не видались три года.

Она представила меня всей компаніи. а когда знакомила со своимъ Владиміромъ, тотъ изумленно-злыми глазами встрѣтилъ мою руку и потерялъ веселое настроеніе. Словно разсердился на дѣвушку. Кому-то пришла въ голову мысль — искупаться.

Дѣвушки потребовали себѣ первой очереди. Мы остались у костра, а онѣ звонкой гурьбой, сверкая въ зелени бѣлыми платьями, помчались къ озеру, и скоро тамъ, за кустами, начались визги, хохотъ, вскрики и всплески.

Когда дѣвушки вернулись, пошли мужчины. Пошли не всѣ. Женихъ, хмурый и недовольный, пошелъ первымъ, за нимъ еще двое. Я не пошелъ. Я подсѣлъ къ Людмилѣ Сергѣевнѣ и спросилъ, почему исчезла ея радость.

— Изъ-за васъ... — тихо сказала она, покусывая травинку.

— Изъ-за меня? Странно... Развѣ я въ чемъ-либо провинился передъ вами или... вашимъ избранникомъ?..

Не прошло и десяти минутъ, какъ съ озера донеслись крики о помощи. У всѣхъ мелькнула мысль: кто-то тонетъ. Всѣ, задыхаясь, побѣжали къ озеру.

Двѣ голыхъ фигуры стояли по грудь въ водѣ и кричали. Среди нихъ не было жениха. Людмила Сергѣвна вскрикнула: «Владиміръ» и грохнулась въ траву. Всѣ суетились около воды, кричали, растерянно метались, взывая другъ къ другу. Видимо, боялись или не умѣли плавать. Всѣ знали, что утопающіе хватаютъ спасителей за руки, за волосы и часто они тонутъ вмѣстѣ.

Я хорошо плавалъ и зналъ, какъ обращаться съ утопающими. Сбросилъ одежду и бросился въ воду. Нырнулъ нѣсколько разъ и наткнулся головой на утопленника. Онъ былъ уже безопасенъ. Я выволокъ его на поверхность воды за волосы и, подталкивая, погналъ къ берегу.

Казалось, что все кончено, — трупъ. Стали откачивать и дѣлать искусственное дыханіе. Спустя четверть часа свершилось чудо: мертвецъ пріоткрылъ мутные безсмысленные глаза, началъ изрѣдка, въ тактъ искусственному дыханію, хрипѣть легкими... и скоро хрипъ перешелъ въ тяжелое дыханіе и грудь стала равномѣрно подниматься, а глаза дико блуждать по окружающимъ... Дѣвушки уже привели въ чувство невѣсту.

Теперь уже жизнь побѣдила, и Людмила Сергѣвна рыдала отъ радости...

Когда воскресшій женихъ, еще слабый и плохо соображающій, лежалъ въ травѣ, среди цвѣтовъ, Людмила Сергѣевна побѣжала ко мнѣ, обняла меня и крѣпко поцѣловала...

А ровно черезъ годъ я женился на Людмилѣ Сергѣевнѣ!

Награда за спасеніе погибающихъ...

Прага 1924 г.

НЕВѢСТА.

Счастье!..

Не ищите его въ настоящемъ и не ждите въ будущемъ, если вы, усталый, измученный и потрепанный долгой дорогою, поднялись, наконецъ, на гору жизни. Смотрите назадъ, въ невозвратность пройденнаго пути. Вы обронили свое счастье, торопливо проходя тотъ этапъ вашей жизни, который теперь называется «Страной воспоминаній»..

Что прошло, то будетъ мило. Шильонскій узникъ, просидѣвшій долгіе годы въ мрачномъ подпольѣ замка, покидая его, «оглянулся и вздохнулъ»... Сейчасъ я, оглядываясь назадъ, не только вздыхаю, а радостно улыбаюсь тѣмъ невозвратнымъ днямъ юности, когда я былъ произведенъ въ званіе «политическаго преступника» и очутился въ тюрьмѣ, въ камерѣ одиночнаго заключенія...

Юная душа была чиста, прозрачна, какъ родникъ, и смотрѣла на развертывающійся міръ ясными, ласковыми и наивно-довѣрчивыми глазами. Радость бытія рождала жажду обнять весь этотъ сверкающій красками міръ и такъ неотразимо влекла къ себѣ идея вселенскаго счастія. О, какъ хотѣлось, чтобы всѣ люди на землѣ были радостны, счастливы, любили другъ друга и чтобы никто на землѣ не проливалъ слезъ и не проклиналъ жизни!.. Не отсюда-ли проистекала вся наша воинственная

непримиренность со всякой неправдой въ человѣческихъ отношеніяхъ, безъ которой немыслимы какъ сами люди, такъ и всѣ до сей поры извѣстныя на землѣ формы ихъ соціальнаго бытія? Юность не хочетъ знать никакихъ компромиссовъ съ человѣческой неправдой. Такъ было въ тѣ времена, и потому такое изобиліе государственныхъ преступниковъ рождалось тогда въ юной студенческой семьѣ...

Вотъ такимъ именно преступникомъ былъ тогда и я. Вѣроятно, поэтому я не только не упалъ духомъ, очутившись въ тюрьмѣ, но опоэтизировалъ и возвысилъ самого себя до героя и мученика за счастье всего человѣчества и радостно сіялъ душою, удивляя тюремщиковъ. Я страдалъ какимъ-то особеннымъ радостнымъ страданіемъ праведника, прозрѣвающаго мистическую близость съ небесами, и, вѣроятно, переживалъ нѣчто подобное тѣмъ святымъ отшельникамъ, которые въ мистическомъ экстазѣ подвергались часто прекраснымъ грѣховнымъ соблазнамъ и невсегда эти искушенія выдерживали.. Моя камера была похожа на келью отшельника, тишина въ тюрьмѣ — на сладкій покой и безмолвіе пустыни, арестантское питаніе напоминало постъ и воздержаніе схимника, и книги у меня были только научныя и божественныя, потому что другихъ не полагалось въ моемъ монастырѣ. Я жилъ только внутреннимъ міромъ своей души, призраками потусторонняго, отдѣленнаго отъ меня каменными стѣнами тюрьмы, бытія и въ отвлеченномъ сказочномъ царствѣ мечты и фантазіи. Отъ Евангелія я переходилъ къ исторіи земли, отъ земли къ высшей математикѣ, отъ математики — къ житіямъ святыхъ... Это — днемъ. По ночамъ — сны — и призраки изъ потусторонняго міра, съ его грѣховными соблазнами. Конечно, мы, «герои и мученики

за идею человѣческаго счастья» на землѣ, должны были отказаться отъ личнаго счастья, но вѣдь мнѣ было всего 20 лѣтъ, когда мы еще не знаемъ ограниченности своихъ силъ, не вѣримъ въ эту ограниченность предъ лицомъ непреложныхъ законовъ мірозданія и гордо именуемъ себя «царями природы»..

А развѣ это не счастье — вѣрить, что ты — царь природы?!

И такъ, царь природы въ одиночномъ заключеніи. Вотъ уже прошло четыре долгихъ-долгихъ мѣсяца въ монашескомъ подвигѣ, которому такъ помогала суровая сѣверная зима, съ ея глубокими снѣгами, мятелями и вьюгами. За все это время я не видалъ ни одного родного или близкаго человѣческаго лица. Развѣ иногда во снѣ приснится далекая, непремѣнно плачущая мать, да всплыветъ въ туманѣ призракъ какой-то и знакомой и незнакомой прекрасной дѣвушки, на кого-то похожей... Призракъ плачущей матери отрывалъ меня отъ міра отвлеченностей и я начиналъ чувствовать себя не героемъ, а звѣрькомъ въ клѣткѣ. Призракъ дѣвушки уносилъ въ сказочное царство мечты и фантазіи...

Когда мнѣ впервые приснилась эта дѣвушка, я, пробудившись, старался припомнить ея образъ. Въ памяти осталось воспоминаніе туманное, какъ отъ музыки, прозвучавшей глухо за стѣною. Такое нѣжное, хрупкое воспоминаніе, оставляющее въ душѣ неописуемую радость передъ красотой необыкновенной, неподдающейся возсозданію въ бодрствующей душѣ. Весь день я пребывалъ въ сладостномъ туманѣ отъ этого ночного видѣнія и безсильно припоминалъ его образъ. Кто она? Откуда взялась? На кого она похожа? Я перебиралъ всѣхъ дѣвушекъ, которыхъ зналъ, — нѣтъ! Ни одна изъ нихъ не рождала радости нахожденія.

Подкралась весна. Весну нельзя спрятать: она

и въ тюрьму заглядываетъ. Виденъ кусочекъ неба, похожаго на голубые глаза дѣвушки, которая смѣется, въ раскрытую форточку доносятся грустные протяжные стоны великопостныхъ колоколовъ, скользитъ лучъ солнца по косяку окна съ желѣзной рѣшеткой, слышно, какъ падаетъ съ крышъ и карнизовъ тяжелая капель съ ледяныхъ сосулекъ, по утрамъ воркуютъ гдѣ-то близко-близко голуби, а на тюремномъ дворикѣ, куда выпускаютъ насъ на одиночную прогулку, слезятся по проталинамъ дорожекъ ручейки и снѣжный сугробъ все что-то шепчетъ и съ каждымъ днемъ садится все ниже и ниже, и воздухъ особенный, вкусный и прозрачный, звонкій и пьянящій, дышешь точно пьешь его грудью. И потомъ слышно, какъ кудахтаютъ снесшіяся курицы и особенно, по-весеннему, поютъ пѣтухи. Не спрячешь весны никакими каменными преградами! Она уже колдуетъ въ душахъ человѣческихъ, даже заточенныхъ въ одиночное заключеніе... Ея таинственная симфонія, ея «Пѣснь пѣсней» — наполняя молодую душу и тѣло трепетомъ радостныхъ ожиданій и предчувствій, заглушаетъ голоса научной и божественной премудрости: книги валятся изъ рукъ, одолѣваетъ сладкая потягота и хочется кого-то крѣпко сжать въ своихъ объятіяхъ. Кого? Богъ вѣсть! Можетъ быть, тотъ туманный призракъ, который какъ-то приснился и не запомнился и о которомъ я теперь часто думаю, прислушиваясь чрезъ раскрытую форточку къ голосамъ весенней ночи. Что-то таинственное творится по ночамъ на землѣ и на небѣ, звѣздный кусочекъ котораго виденъ мнѣ изъ окошка...

И земля и небо ждутъ огромнаго радостнаго чуда — воскресенія Христа изъ мертвыхъ...

***

По утрамъ и по вечерамъ грустные перезвоны, какъ стоны скорби и страданій Христовыхъ, рождаютъ не печаль, а радость, потому что младость смотритъ только впередъ, а вѣдь впереди — скорое торжество жизни надъ смертью и свѣтлый праздникамъ праздникъ! Такъ было всегда, а вотъ въ тюрьмѣ — по другому: печаль одиночества будятъ эти колокольные стоны. Никто не придетъ радостно сказать тебѣ «Христосъ воскресе»!.. Слѣдствіе по моему дѣлу окончилось, — значитъ теперь могутъ разрѣшить и свиданіе, но прійти некому: я одинъ въ чужомъ далекомъ отъ родныхъ краевъ городѣ. Есть и здѣсь невѣдомые друзья: тайный кружокъ, помогающій заключеннымъ въ тюрьмѣ политическимъ арестантамъ, но никто тамъ меня не знаетъ, всѣ мнѣ тамъ чужіе, невѣдомые, а хотѣлось-бы увидать близкое родное лицо: старушку-мать, брата или сестру, хотя на мгновеніе очутиться въ родномъ городѣ, въ такомъ знакомомъ-знакомомъ домѣ, въ кругу только своихъ родныхъ людей...

Острая тоска придавила меня ночью въ Великій Четвергъ. До полночи перекликались колокольные звоны, сопровождавшіе конецъ чтенія каждаго изъ двѣнадцати евангелій. Эти звоны уносили меня домой, въ нашу приходскую церковь, гдѣ я, гимназистъ, каждый годъ говѣлъ, напомнили мнѣ гимназистку Леночку, въ которую я былъ влюбленъ и которая говѣла всегда въ той-же церкви. Тогда я былъ въ четвертомъ классѣ, молодцевато, по военному носилъ гимназическую форму, — кепь — на бекрень, пальто — въ накидку, вмѣсто поклона — честь подъ козырекъ, чувствовалъ будущіе усы и мечталъ поступить непремѣнно въ Михайловское артиллерійское училище, вмѣсто котораго очутил-

ся теперь въ тюрьмѣ... Съ тѣхъ поръ прошло только пять лѣтъ, а они казались безконечностью.

Со всѣмъ пыломъ пробудившейся весны я страдалъ изъ-за непреклонной гордой Леночки, старался побѣдить ея сердце «умными разговорами» о человѣчествѣ, о смыслѣ жизни, о народѣ и объ интеллигенціи, но Леночка не только не поддавалась на идейные разговоры, а стала меня бояться и за-глаза стала называть меня «болтушкой».. Первая сердечная драма. Только гордость помѣшала мнѣ тогда побѣдить мысль о самоубійствѣ. Только эта самая «болтушка», слетѣвшая съ устъ любимой дѣвушки, спасла меня отъ смерти и заставила искать пути, который доказалъ-бы жестокой Леночкѣ, что я не болтушка, а герой... Можетъ быть, одно это слово «болтушка» толкнуло меня на ту самую дорогу, которая привела теперь въ одичное заключеніе!.. Два года изображалъ гетевскаго «Вертера», а потомъ Леночка изъ нашего города уѣхала и страданія завяли, чему помогли заботы обо всемъ человѣчествѣ...

И вотъ теперь въ памяти встала вдругъ Леночка, стройная гибкая дѣвушка съ двумя толстыми косами, въ коричневомъ платьѣ и бѣломъ фартучкѣ, со связкой учебниковъ въ рукѣ, съ насмѣшливыми искрящимися смѣхомъ глазами, вспомнился Великій Четвергъ, Леночка въ церкви съ горящей свѣчкой, проводы послѣ всенощной съ огоньками и фонариками и послѣднее объясненіе по поводу «болтушки»...

— Я требую, чтобы вы прямо и честно отвѣтили мнѣ: правда это или нѣтъ?—Голосъ мой дрожалъ, губы подергивались судорогой человѣка, готоваго разрыдаться. Я смотрѣлъ на Леночку и ждалъ отвѣта. Огонекъ ея горящей свѣчи, прятавшійся отъ вѣтра въ цвѣтномъ бумажномъ козырькѣ, рож-

далъ образъ сказочнаго расцвѣтшаго папоротника и зеленоватымъ отсвѣтомъ игралъ на смущенно-напряженномъ личикѣ дѣвушки.

— Я хорошенько не помню, какъ я сказала... выразилась... Кажется, я назвала васъ Рудинымъ или ...Марком Волоховымъ.

— Вы отрицаете положительно слово «болтушка»?

— Ахъ, Боже мой! Я хотѣла сказать, что вы очень много говорите, болтаете... Не помню: можетъ быть, сорвалось и такое выраженіе...

— Отлично. Прощайте! Когда-нибудь вы убѣдитесь, что я — не болтушка...

Я сдѣлалъ подъ козырекъ и круто повернулъ прочь, въ самую грязь улицы.

Оборвались перезвоны колоколовъ, а я долго лежалъ въ кровати съ закрытыми глазами и вспоминалъ Леночку и все, что было связано съ ней въ прошломъ. А когда проснулся на другой день, то вспомнилось, что мнѣ снова приснился въ туманѣ образъ той дѣвушки, которая мнѣ однажды приснилась. Я снова мучительно старался возстановить призракъ сновидѣнія, въ которомъ было что-то знакомое, кого-то напоминавшее... Ну, вотъ!.. Я радостно засмѣялся: хрупкій образъ сновидѣнія напоминалъ немного Леночку! Не она, но есть что-то, смутно напоминающее, отдаленное...

Леночка, Леночка! Гдѣ ты?

Ну, вотъ и Пасха! Радостный многоголосый трезвонъ стоитъ надъ городомъ. Солнышко играетъ зайчиками на косякѣ моего окна. Кусочекъ видимаго неба — какъ лоскутокъ голубого шелка. Доносится трескотня извозчичьихъ пролетокъ по мостовымъ улицамъ,—скачутъ визитеры. Ликующая радость чувствуется за мрачными стѣнами моей тюрьмы... Загремѣлъ засовъ у дверей камеры, дверь растворилась, — надзиратель, прилизанный, празд-

нично-настроенный, благоухающій ветчиной и спиртными напитками. За нимъ арестантъ, разносящій доброхотныя приношенія заключеннымъ.

— Христосъ воскресе! — произноситъ надзиратель. — Вотъ тутъ вамъ принесли разговѣться...

— Во-истину-съ!—хмуро отвѣчаю и кошусь на столъ, куда арестантъ ставитъ приношенія. Ушли. Я у стола. Куличъ , поверху перекрещенный краснымъ крестомъ изъ сахарной глазури. Знакъ тайнаго политическаго «Краснаго Креста» . На пасхѣ творожной—такой-же крестъ. И всѣ яйца тоже съ этимъ символическимъ знакомъ. Узнали про меня! Вспомнили!.. Такая радость: точно гости пришли, эти куличъ, пасха и яйца! Потребовалъ кипятку, приготовилъ чай на покрытомъ полотенцемъ столѣ, устроилъ по-пасхальному и подъ трезвонъ колоколовъ наслаждался совершенно особенной радостью сознанія, что ты не одинъ и что кто-то о тебѣ думаетъ, помнитъ, не забываетъ тебя въ тюрьмѣ. Передать этого счастья невозможно. Я думаю, что оно подобно переживаніямъ засыпанныхъ въ шахтѣ рабочихъ, когда до ихъ слуха донесется первый глухой звукъ кирокъ и лопатъ, раскапывающихъ ихъ могилу...

Можно расплакаться отъ умиленія и восторга!

***

«Христосъ воскресе изъ мертвыхъ! Смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ!»

Это пѣлъ тюремный батюшка съ клиромъ, торопливо обходя коридоры тюрьмы съ раскрытыми на нѣсколько минутъ дверями одиночныхъ камеръ. Мы, политическіе арестанты, должны были стоять въ глубинѣ своихъ камеръ, не выглядывать, а батюшка съ клиромъ шли, пѣли, кадили и брызгали

святой водой на стѣны. А я думалъ: я похожъ на бывшаго въ каменномъ гробѣ, а вотъ теперь словно воскресъ изъ мертвыхъ, ибо возсоединился чрезъ принесенные куличъ, пасху и яйца со всѣми живыми. И распахнутая дверь камеры какъ-бы символизировала это пріобщеніе къ жизни... И хотя дверь быстро снова захлопнулась и загремѣло желѣзо запора, но въ душу пахнуло свободой и свободой повѣяло въ одиночную камеру...

Каждое утро начиналось пасхальнымъ перезвономъ и трепетною радостью невѣдомыхъ ожиданій и предчувствій. И они не обманули одинокаго узника. На третій день, около полудня, застучало желѣзо у двери и заглянувшій надзиратель торжественно произнесъ:

— Пожалуйте въ контору на свиданіе!

— Ко мнѣ? Пришли?..

— Пришли...

— Кто?..

— Невѣста!.. У васъ у всѣхъ, вѣдь, невѣсты имѣются...

Я въ радостномъ трепетѣ шелъ за надзирателемъ, въ сопровожденіи вооруженнаго огромнаго «дядьки», изъ унтеръ-офицеровъ, и вихренно обдумывалъ, кто пришелъ, потому что никакой невѣсты у меня тогда не было. Такъ какъ помимо отца съ матерью, братьевъ и сестеръ, къ свиданію допускалась еще невѣста, то, конечно, кто-то воспользовался этимъ званіемъ, чтобы облегчить мое одиночество. Но кто? Конечно, изъ тѣхъ, что прислали мнѣ куличъ и пасху. Невѣста! Значитъ, молодая дѣвушка... А я — женихъ... Женихъ, женихъ... Странное слово. Я шелъ, улыбаясь, а въ душѣ былъ вихрь радости, ноги сами бѣжали, глаза смѣялись, сердце стучало тревожно. На ходу я прихорашивался, поправлялъ прическу горстью руки, хотѣлось выглядѣть зна-

чительно и быть красивымъ, загадочнымъ, умнымъ, вообще производить впечатлѣніе страдающаго героя. Ну, вотъ и контора, съ клѣткой для свиданія. Она похожа на современную телефонную будочку, въ ней окно, въ которомъ вмѣсто стеколъ — частая мѣдная проволока-рѣшетка, въ которую можно просунуть только одинъ палецъ. Вообще не больше клѣтки въ зоологическомъ саду. Я нырнулъ въ эту клѣтку, а вооруженный дядька остался сторожить за дверкой. И вотъ — чудесное видѣніе: «невѣста неневѣстная!» Въ туманѣ отъ частой, похожей на рѣшето ограды, по ту сторону окна, появляется дѣвушка въ бѣломъ, сверкающемъ платьѣ, въ золотой соломенной шляпѣ съ васильками и ромашкой, съ лицомъ въ туманѣ спущенной паутиною вуалетки, всколыхнувшая радостнымъ испугомъ всю мою душу: да, вѣдь, это — призракъ, преслѣдовавшій меня въ сновидѣніяхъ! Онъ, онъ! Я еще не разглядѣлъ хорошенько лица дѣвушки, но почувствовалъ это сходство при первомъ мимолетномъ взглядѣ за рѣшетку. Такъ страшна казалась первая встрѣча глазъ, и, должно быть, для насъ обоихъ: дѣвушка, вспыхнувшая румянцами на щекахъ, смущенно улыбаясь, избѣгала встрѣчи глазъ и въ волненіи и замѣшательствѣ посматривая на сидѣвшаго въ отдаленіи надзирателя, говорила:

— Ну, здравствуй! Мнѣ было такъ трудно добиться съ вами... съ тобой свиданія. Это возмутительно: надо еще доказывать, что... ты... что ты — мой женихъ...

— Да, это возмутительно! — произнесъ я.

— Получилъ куличъ и пасху?

— Да. Спасибо.

Тутъ мы впервые встрѣтились глазами и улыбнулись другъ другу. Въ конторѣ что-то случилось:

кто-то пришелъ или кого-то привели, раздались громкіе, спорящіе голоса и среди нихъ голосъ надзирателя. Моя таинственная невѣста воспользовалась этимъ моментомъ и тихо спросила:

— Вы, кажется, меня не узнаете?

— Снимите вуаль!..

Она торопливо сдвинула вуалетку и я снова радостно испугался, а она опустила шелковую паутину. Я узналъ, скорѣе догадался, но не вѣрилъ своимъ глазамъ: это было такъ невѣроятно, невозможно, непостижимо... Она торопливо оглянулась и прошептала:

— А «болтушку» помните?

— Лена... Елена Владиміровна?

Но тутъ въ конторѣ стихло и надзиратель началъ ходить взадъ и впередъ, поглядывая на мою клѣтку и покашливая, давая понять, что онъ все видитъ и слышитъ...

И вотъ опять игра въ жениха съ невѣстой:

— Ты забылъ свою Лену...

Дѣвушка громко засмѣялась.

— Не я, а ты меня забыла — сказалъ я, потупившись...

Должно быть, въ тонѣ моего голоса была не только игра, потому что я почувствовалъ себя во власти воскресшаго призрака своего отрочества и той далекой Лены, которая запечатлѣлась первыми сладкими страданіями оскорбленной любви. Мы снова встрѣтились глазами и моя душа обожглась и затрепетала, словно воскресшимъ чувствомъ неодолимаго тяготѣнія къ сидѣвшей за рѣшеткой дѣвушкѣ..

— Эхъ, Лена, Лена... Если-бы только знала, какъ я...

Что это: игра-ли или подлинный стонъ оскорбленной любви? Я и самъ уже не зналъ.

— Вы... ты долженъ это простить и забыть... Я была дѣвчонкой.

Мы замолчали, оба смущенные и растерянные. Лена вздохнула и пугливо, виновато скользнула взоромъ по моему лицу.

— Я принесла тебѣ цвѣтовъ. . . фіалокъ...

— Я поставлю ихъ на столъ въ своей камерѣ и буду дышать ароматомъ ихъ и вспоминать прошлое. Оно для меня воскресло, Елена Владиміровна. И, можетъ быть, только для новыхъ мученій...

— Зачѣмъ такъ... думать?

Пробили часы и надзиратель строго произнесъ:

— Господа! Свиданіе кончилось...

Лена встала, грустно улыбнулась и шутливо просунула мизинчикъ въ рѣшетку окна. Я наклонился и поцѣловалъ его, а дѣвушка вспыхнула:

— Я буду приходить къ тебѣ каждое воскресенье.

— А пока до свиданья! Надо уходить...

Она смущенно постояла на мѣстѣ, играя зонтикомъ, кивнула съ печальной улыбкой и застучала каблучками по каменнымъ плитамъ пола...

— Въ камеру! — строго произнесъ дядька, и все кончилось, какъ оборванный сонъ...

Огромное радостное чудо свершилось въ моей жизни . Я ходилъ изъ угла въ уголъ своей камеры въ какомъ-то мистическомъ экстазѣ и пѣлъ «Христосъ воскресе»! Сразу слетѣлъ съ меня мальчишескій атеизмъ, зародившійся еще на школьной скамьѣ отъ «умныхъ разговоровъ» и дѣвушка въ сверкающемъ бѣломъ платьѣ чудилась посланникомъ воскресшаго Христа, ангеломъ въ бѣломъ сіяніи. Увѣровалъ я въ пророческія видѣнія, въ посылаемые свыше сны и во всѣ чудеса... Увѣровалъ и въ воскресеніе, казалось, умершей и похороненной любви своей! И не было въ эти дни на всей землѣ человѣка счастливѣе меня, арестанта одиночной камеры!

Весна шла быстро и побѣдно. На тюремномъ дворикѣ выпозла зеленая атласная травка, прогремѣлъ уже первый громъ и пролилъ благодатный дождь, такой радостный, смѣшной, и на единственной, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшей на тюремномъ дворикѣ березѣ, ажурнымъ зеленымъ кружевомъ распустились пахучія и клейкіе листочки, а по утрамъ и по вечерамъ прилеталъ скворчикъ и, усѣвшись на вершинкѣ березы, изливалъ въ пѣсняхъ безграничную радость бытія...

Каждое воскресенье ко мнѣ приходила Лена, приносила то распустившуюся черемуху, то кисточку сирени, и наша игра въ жениха и невѣсту становилась съ каждымъ разомъ искуснѣе и правдивѣе. Однажды она просунула въ рѣшетку пальчикъ — мы такъ здоровались! — а я стащилъ съ пальчика колечко съ рубиномъ и не отдалъ. Мы уже не боялись встрѣчаться взорами, а задерживали ихъ и тогда грустно-трепетная улыбка дрожала на ея губахъ, а я пьянѣлъ, какъ отъ вина... Возвращаясь въ камеру съ каждымъ разомъ счастливѣе, я напѣвалъ въ полголоса «Увы, сомнѣнья нѣтъ, — влюбленъ я» и писалъ стихи. Однажды написалъ на папиросной бумажкѣ и, свернвъ трубочкой, всунулъ въ рѣшетку Ленѣ четыре строки:

О, какъ-бы я хотѣлъ забыть тебя порой,
Изъ памяти изгладить... Но напрасно:
Передо мной встаетъ твой образъ дорогой
И улыбается такъ холодно, безстрастно...

Конечно, все это была выдумка: и забыть не хотѣлъ, и не смотрѣла Лена холодно и безстрастно. И за это былъ жестоко наказанъ: два воскресенья прошли безъ свиданія и это ввергло меня въ такую бездну мрачнаго отчаянія, что я не находилъ мѣста

въ своей клѣткѣ, метался, какъ бѣлый медвѣдь въ зоологическомъ саду, и философствовалъ стихами:

Даръ случайный, даръ напрасный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?...

Или:

А жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ
вниманьемъ вокругъ,
Пустая и глупая шутка!...

И вдругъ на третье воскресенье: «Пожалуйте на свиданье!» Не вѣрю ушамъ:

— Кто пришелъ?

— Да все она-же, невѣста ваша..

Смущенная радость, замѣшательство у рѣшетки. Лена точно обиженная.

— Я хотѣла, чтобы кто-нибудь другой пришелъ къ... вамъ, но...

— Если... ты не хочешь ходить на свиданія, то мнѣ никого не нужно...

— Верни мнѣ кольцо... Вѣроятно, оно мѣшаетъ тебѣ изгладить меня изъ памяти...

— Не отдамъ до самой смерти...

Она вспыхнула и смущенно улыбнулась, а я добавилъ:

— Надо умѣть читать между строками...

Лена удерживала радостную улыбку, хитрила:

— Что-же тамъ, между строками?

— Не можешь разгадать?

Снова сдержанная улыбочка:

— На вотъ и погадай! Только не сейчасъ, а потомъ, въ камерѣ...

Она сунула мнѣ черезъ рѣшетку одну ромашку, но когда я продергивалъ ея стебель къ себѣ, головка

цвѣтка сорвалась и осталась за рѣшеткой. Надзиратель вскочилъ съ мѣста:

— Что вы передали?

— Ромашку. Да вотъ не пролѣзла, оборвалась...

Надзиратель поднялъ коронку ромашки, внимательно осматривалъ ее и покачивалъ головой, а Лена смѣялась и упрашивала его:

— Цвѣтокъ съ родныхъ полей! Неужели и это угрожаетъ государственному устройству?..

Надзиратель подулъ на цвѣточекъ и собственноручно протолкнулъ его мнѣ въ дырку рѣшетки.

— Свиданіе кончилось! — сказалъ онъ, какъ-бы извиняясь передъ красивой дѣвушкой.

— Ну, прощай и не капризничай! Погадай на ромашкѣ и все узнаешь...

Я бережно несъ въ кулакѣ головку цвѣтка и, очутившись въ запертой камерѣ, съ колотившимся сердцемъ, началъ отрывать лепесточки...

— Любитъ, не любитъ. Любитъ, не любитъ... Любитъ! Любитъ! Любитъ!...

Я бросился въ кровать и, крѣпко обнявши подушку, заплакалъ,

— Господи! Какой я счастливый! Какой счастливый!..

Прага, 1926 г.

ИЗМѢНА.

Откуда приходитъ и куда уходитъ любовь? Она внезапно рождается и внезапно умираетъ. И на могилахъ ея вырастаютъ прекрасные цвѣты... Увы! — немногіе умѣютъ сберечь эти цвѣты. Весь путь жизни въ юности усѣянъ цвѣтами и потому юность не ходитъ на могилы своей любви и не бережетъ цвѣтовъ прошлаго. И только поэты сохраняютъ ихъ до старости, и тогда эти цвѣты снова расцвѣтаютъ въ ихъ стихахъ и поэмахъ, давая радость всѣмъ людямъ...

Видитъ Богъ, я любилъ Людмилу всѣмъ трепетомъ своей юной души. О, какъ я страдалъ, сколько безсонныхъ ночей и вздоховъ отдалъ я своимъ мечтамъ объ этой гордой прекрасной дѣвушкѣ! О, какъ она измучала меня, прежде чѣмъ выдала свою тайну взаимности и въ одну лунную ночь, когда мы слушали въ саду соловьиную пѣсню, изнемогла отъ своей гордости, закрыла глаза, откинула голову и прошептала:

— Да... я люблю васъ!

Сказала чуть слышно. На лицѣ ея, облитомъ луннымъ свѣтомъ, играла грустная улыбка и на опущенныхъ рѣсницахъ сверкали двѣ крупныя слезинки побѣжденной гордости... И вотъ пришло счастье: я цѣловалъ ея губы, щеки, руки и золотую косу волосъ...

Это было ночью, наканунѣ отъѣзда Людмилы на родину, далеко, за тысячи верстъ... Она уѣзжала въ Сибирь, на Уралъ, а я долженъ былъ остаться: я былъ бѣдный студентъ, мнѣ надо было кончить курсъ въ университетѣ, чтобы встать на свои ноги и...

— Я кончу курсъ, пріѣду къ вамъ на Уралъ и мы...

Я не докончилъ: не находилъ слова. Всѣ слова казались оскорбительными и пошлыми для нашего будущаго союза... Но она поняла , она крѣпко сжала мою руку, опустила свою голову мнѣ на грудь и заплакала отъ тоски и радости:

— Прощай!.. Завтра мы уже не увидимся...

Я утѣшалъ, пилъ слезы съ ея лица и покрывалъ его поцѣлуями...

И потомъ клятвы, клятвы, клятвы...

Она уѣхала. Мы писали другъ другу письма, полныя тоски, восторга, ожиданія, клятвъ и такой нѣжности, отъ которой пахло расцвѣтшимъ ландышемъ...

Любовь на разстояніи вспыхнула еще болѣе яркимъ пламенемъ...

И такъ прошелъ годъ въ разлукѣ... И каждый день этого года, каждый часъ этихъ дней мы думали другъ о другѣ...

А ждать еще два года! Невыносимая пытка! Можно умереть отъ тоски другъ по другѣ... И вотъ я всю зиму работалъ, какъ поденщикъ, чтобы скопить денегъ и съѣздить лѣтомъ на Уралъ повидаться съ любимой дѣвушкой...Я бѣгалъ по урокамъ, репетировалъ, корректировалъ, чертилъ, рисовалъ, пѣлъ въ церковномъ хорѣ, былъ статистомъ въ театрѣ, измучился, ослабъ, похудѣлъ, но душа горѣла радостью недалекаго свиданія и отъ этой радости не погасала энергія духа. И вотъ настала весна и я

поѣхалъ по Волгѣ, потомъ по Камѣ на Уралъ, гдѣ жило мое завѣтное счастіе!..

Кто посмѣетъ сказать, что я не любилъ или мало любилъ Людмилу?!

О, какое счастіе испытывалъ я по мѣрѣ приближенія къ цѣли моего путешествія! Съ каждымъ днемъ ближе, ближе, ближе... Я просиживалъ на трапѣ парохода напролетъ цѣлыя ночи, а засыпалъ съ тайнымъ смѣхомъ торжествующей радости! Я былъ, какъ сумасшедшій, вообразившій себя императоромъ. Уже оставался одинъ день на пароходѣ и потомъ сутки на желѣзной дорогѣ. И вотъ... Какъ сейчасъ помню маленькую пристань на Камѣ! Называлась она «Пьяный Боръ». Сосновый лѣсъ, желтый золотистый песокъ, нѣсколько одинокихъ построекъ на берегу и тройка лошадей, позванивающая колокольчиками и бубенчиками. Пароходъ простоялъ не болѣе пяти минутъ, забралъ трехъ пассажировъ съ этой тройки и побѣжалъ дальше, буровя воду своимъ носомъ и будорожа ея красными спицами своихъ колесъ. Тройка лошадей поплелась отъ пристани, а я смотрѣлъ ей вслѣдъ и думалъ, кто пріѣхалъ и куда поѣхалъ?..

Могъ ли я думать, что эта тройка лошадей привезетъ мнѣ нѣчто фатальное, повернувшее всѣ пути къ счастію?..

Пріѣхала изъ сосноваго бора тройка съ колокольчиками, и перевернула всю мою жизнь по своему. Это «новая любовь» пріѣхала въ «Пьяный Боръ» на тройкѣ, чтобы очутиться на томъ именно пароходѣ, на которомъ я ѣхалъ къ моей Людмилѣ!..

На пароходѣ появилась дѣвушка, похожая на красивую цыганку... Смуглая, съ большими, какъ черные угли, сверкающими глазами, съ круглыми сверкающими алмазами серьгами въ ушахъ, съ черными, какъ ночь волнистыми волосами, тонкая,

гибкая, какъ пантера. Она прекрасно играла на пианино и пѣла романсы. Точно царица была она среди публики, въ рубкѣ и на балконѣ парохода. Каждый смотрѣлъ, любовался и потомъ спашивалъ:

— Вы не знаете, кто она? Откуда?

Откуда приходитъ любовь и куда уходитъ?

Мы познакомились. Ее звали... Евой. Странное имя! Можетъ быть, райская Ева была такая-же смуглая, съ черными глазами и красными губами... И такая-же гибкая и стройная, и напоминала въ райскихъ садахъ царицу...

Мы ѣхали вмѣстѣ и по желѣзной дорогѣ. Въ одномъ купэ. Читали вслухъ «Пана». Когда насталъ моментъ слѣзать мнѣ съ поѣзда, она дала мнѣ свою визитную карточку, съ адресомъ , по которому я могъ-бы, если захотѣлъ, отыскать ее осенью въ Петербургѣ. И когда мы прощались, она пристально посмотрѣла мнѣ въ глаза и спросила:

— Мы увидимся? Да?

— Да...

— Я буду ждать. Не обманете?

— Нѣтъ.

Я поцѣловалъ ей руку и вышелъ. Постоялъ съ чемоданомъ у оконъ вагона: ждалъ, не выглянетъ-ли Ева. Не выглянула, и я тихо пошелъ къ выходу, взялъ извозчика и поѣхалъ по улицамъ незнакомаго города, въ которомъ жила теперь Людмила...

***

Былъ тихій весенній вечеръ. Мы съ Людмилой стояли на мосту, склонивъ головы къ тихой водѣ. Проплывали лодки и маленькіе суетливые пароходики. Бѣлыя облака отражались въ водѣ и она казалась небесами. Мы не смотрѣли въ глаза другъ другу. Мы долго ходили съ ней по саду и говорили,

какъ только что познакомившіеся. Она пыталась пойти въ глухія аллейки, гдѣ не мѣшаютъ люди, но я боялся остаться съ ней наединѣ. Она ждала отъ меня какихъ-то словъ, которыхъ у меня не было. Мимолетно и тайкомъ взглядывалъ я въ пасмурное лицо дѣвушки и думалъ: «она измѣнилась, она стала совсѣмъ другая»...

Пошли къ рѣкѣ.

И вотъ мы остановились на мосту. Смотрѣли на воду. Кажется, Людмила все еще ждала. что я ей скажу что-то. Но я молчалъ, и лицо ея дѣлалось все болѣе хмурымъ и скучнымъ. И казалось, что намъ не о чемъ больше разговаривать...

— Прощайте! — сказала она, повернулась и пошла прочь по мосту...

Я постоялъ. Когда Людмила скрылась, я почувствовалъ страшное облегченіе.

Развѣ я виноватъ, что умерла моя любовь?

Я тихо побрѣлъ по мосту въ другую сторону и думалъ:

— Откуда любовь приходитъ и куда уходитъ?

Какъ это удивительно! Непостижимо! Гдѣ она, моя любовь?

Ночью я снова стоялъ на мосту. Одинъ. И снова вода была, какъ небо: въ ней сверкали синими огоньками отраженія звѣздъ. Откуда-то доносились звуки музыки. На рѣкѣ плавали цвѣтные фонарики лодокъ и пароходиковъ. По мосту громыхали извозчичьи пролетки и стучали ноги пѣшеходовъ... Была въ моей душѣ и грусть и радость: грусть любви умершей и радость любви родившейся.

Я думалъ о Людмилѣ и объ Евѣ...

Кто-то остановился около меня: тихо назвалъ меня по имени.

Я обернулся и меня бросило въ жаръ: предо мною стояла Ева!..

— Вы? Какимъ образомъ?..

— Я случайно осталась, а мои вещи уѣхали!

Она смѣялась и радостно разсказывала, какъ все это случилось. Слѣдующій поѣздъ завтра утромъ и вотъ она не знаетъ, куда дѣть время, бродитъ по улицамъ города, думала, какъ хорошо было-бы встрѣтить меня...

— И вдругъ смотрю, — на мосту, у перилъ — вы! Я такъ довольна... Пойдемте въ городской садъ, послушаемъ музыку, погуляемъ!..

Мы были — какъ давно-давно знакомые. Стояли на мосту, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ недавно я стоялъ съ Людмилой, и торопились говорить и улыбаться другъ другу...

— А знаете что? Мнѣ страшно захотѣлось покататься на лодкѣ съ фонарикомъ! Поѣдемъ! А?

Она подхватила меня за руку и мы пошли къ берегу, взяли маленькій яликъ и зажгли пунцовый фонарикъ и поѣхали...

— Я почти рада, что все такъ случилось...

Въ полночь я провожалъ ее въ гостиницу у вокзала. Мы долго стояли у подъѣзда, прежде чѣмъ разстались. Намъ не хотѣлось разставаться... На другой день я пришелъ проводить ее. Уже пробилъ второй звонокъ. Мы стояли другъ передъ другомъ и печально улыбались, обмѣниваясь послѣдними взглядами.

— Жаль, что вы не ѣдете...а остаетесь. А зачѣмъ вы здѣсь?

— Я? Не знаю...

И вдругъ я подумалъ: «зачѣмъ мнѣ быть здѣсь?» и, когда зазвонилъ сигнальный звонокъ къ отходу поѣзда, я скакнулъ на площадку вагона...

— Я съ вами!.. Мнѣ не хочется оставаться.. Мнѣ все равно...

Мы ѣхали въ одномъ купэ... Прислонясь другъ

къ другу, мы любовались въ окно дивными панорамами Уральскихъ горъ, скалъ,горныхъ озеръ съ лебедями и страшными глубинами пропастей... Поѣздъ мчался по самому краю пропасти и отъ этого замиралъ духъ... Вотъ онъ загрохоталъ по желѣзному ажурному мостику надъ пропастью и вдругъ мы погрузились въ непроницаемый мракъ: поѣздъ влетѣлъ въ туннель...

Во тьмѣ сверкнули чернымъ огнемъ глаза Евы, и наши губы слились...

Тьма неожиданно смѣнилась яркимъ солнечнымъ блескомъ, поѣздъ понесся съ ужасающей быстротою подъ уклонъ, а мы стояли, крѣпко обнявшись грудь съ грудью, и намъ казалось, что мы летимъ въ бездну...

— Ева, Ева, Ева!.. — кричалъ свисткомъ поѣздъ.

Но она не слышала. Она ничего не видѣла: ея глаза были закрыты, а на раскрывавшихся, какъ пунцовый бутонъ, губахъ играла счастливая улыбка.

Любовь, какъ жизнь, приходитъ и уходитъ. Любовь, какъ солнце: заходитъ и восходитъ... Любовь, какъ жизнь: умираетъ и вновь рождается. И въ ней все: и жизнь и смерть...

Прага, 1924 г.

ВОЛКИ.

... Вотъ и Рождество!.. На чужбинѣ.. И какое-же это Рождество? Ни снѣжныхъ сугробовъ, съ алмазными сверканіями, ни троекъ съ колокольчиками, ни дымовъ, фіолетовыми столбами къ небесамъ возносящихся, ни славельщиковъ, ни игръ святочныхъ, съ пѣснями, съ гаданіями, ни бородъ, инеемъ посеребренныхъ, ни алыхъ щекъ дѣвичьихъ, морозомъ нарумяненныхъ, ни глазъ лукаво изъ-подъ платочка сверкающихъ, и никакой чертовщины!..

Нѣтъ у насъ Рождества. Далеко оно, за горами за морями, тамъ, «гдѣ дѣвушки прядутъ, прялки на небо кладутъ»... Сказкой стало наше Рождество.

А какъ хочется теперь сказокъ! Особенно въ наши свѣтлые праздники...

И поневолѣ мысль несется домой, въ родную землю, минуя всѣ препятствія пространства, времени, жестокой дѣйствительности...

И вотъ я — дома, подъ родными небесами, и мнѣ всего восемнадцать лѣтъ. И всѣ живы, даже тѣ, которые давно сгнили въ родной землѣ...

И дѣдушка съ бабушкой живы!.. Какъ Рождество, непремѣнно воскресаютъ и живутъ со мною на землѣ.

Дѣдушка невысокій, но кряжистый и плечистый старикъ, съ широкой лопатообразной мужицкой

бородою и съ серебрянными кудрями. Красивый такой пріятный старикъ. Хоть и сѣдъ, а глаза — молодые, смѣхъ въ нихъ затаился, радость жизни еще сверкаетъ. А смѣется совсѣмъ какъ юноша: взрывчато, беззаботно, заразительно... Ходитъ въ поддевкѣ и большихъ сапогахъ, подъ поддевкой цвѣтная расшитая русская рубашка и поясъ съ кисточками. Сразу видно, что изъ старыхъ «народниковъ» Со дней младости до старости въ лѣсахъ прожилъ, лѣсничимъ служилъ и когда захотѣли его повысить и перевести въ Лѣсной департаментъ, въ столицу, онъ отказался:

— Тридцать пять лѣтъ въ лѣсу прожилъ, въ лѣсу и умереть хочу! — говоритъ.

Недаромъ его мужики «Лѣшимъ» называли!

Страстный охотникъ былъ. И въ лѣсной институтъ поступилъ только потому, чтобы потомъ лѣсъ подъ бокомъ былъ. А какъ попалъ въ Муромскій лѣсъ, въ которомъ, по народнымъ преданіямъ, Соловей-разбойникъ когда-то жилъ, такъ и застрялъ въ немъ. Тамъ и умеръ...

А вотъ бабушка: старенькая ужъ, а былая красота все еще не сдается лѣтамъ и все еще, какъ шило изъ мѣшка, высовывается. Личико точно изъ слоновой кости выточено, темно-каріе глаза, хотя и устали, видать, на свѣтъ Божій смотрѣть, а все нѣтъ-нѣтъ да и вспыхнутъ былымъ огонькомъ, подъ пепломъ жизни все еще тлѣющимъ. Въ головѣ сѣдина, а брови — черныя, стрѣлочками. Руки тонкія, изящныя, а главное — фигура совсѣмъ не старушечья. Сразу видно, что въ молодости красавицей была, что и удостовѣрялось большимъ портретомъ, который на видномъ мѣстѣ въ дѣдушкиномъ лѣсномъ скиту красовался. А писалъ тотъ портретъ знаменитый художникъ, когда-то влюбленный въ бабушку. Какъ посмотришь на этотъ портретъ, а потомъ пе-

реведешь глаза на дѣдушку, такъ и придетъ въ голову, что дѣдушка вовсе не дѣдушка, а Кащей Безсмертный, укравшій и спрятавшій дѣвицу Красоту Ненаглядную въ своемъ лѣсномъ замкѣ! Да оно, въ сущности, такъ и было: дѣдушка — сынъ захудалаго дворянина, дослужившагося до чина майора, а бабушка изъ славнаго княжьяго рода. Ей-бы на придворныхъ балахъ танцовать, а она всю молодость въ лѣсной берлогѣ прожила, а когда, по смерти дѣдушки, въ городъ переѣхала, такъ и двухъ лѣтъ не прожила—померла въ тоскѣ одиночества...

Такъ вотъ о дѣдушкѣ съ бабушкой. Стародавняя быль!..

Я у дѣдушки любимымъ внукомъ былъ: любилъ онъ меня за то, что я съ пятнадцати лѣтъ отъ него страстью къ охотѣ заразился и стрѣлялъ хорошо. По смерти онъ мнѣ и свое любимое ружье, знаменитую «Лебеду» оставилъ. Все хранилъ я старинное ружьецо дѣдушкино, да большевики ограбили, — отобрали...

Бывало, какъ Рождество, такъ и къ дѣдушкѣ съ бабушкой. Своихъ лошадей въ Казань за мной присылалъ. Тройку съ валдайскими подобранными колокольчиками. Не звонъ, а прямо музыка! Особенно въ лѣсу, подъ снѣжными навѣсами на огромныхъ еляхъ и соснахъ. Боже мой, какъ хорошо въ морозную ночь ѣхать оснѣженнымъ лѣсомъ съ колокольчиками и бубенчиками! Не разскажешь, какъ молодая душа въ бѣлыхъ сверкающихъ счастьемъ мечтахъ купается. Зналъ дѣдушка, что лучшаго удовольствія, чѣмъ поохотиться зимой съ гончими для меня не было. Не зналъ только того, что, кромѣ зайцевъ и лисицъ, туда меня еще кое-что подманивало и свѣтлыя мечты подъ колокольчики и бубенчики въ лѣсу пробуждало. Что...

Влюбленъ былъ! А любовь моя туда-же на Рож-

дество пріѣзжала. Такъ что разныя перспективы открывались тогда съ поѣздкой въ Муромскій лѣсъ.. Звали ее Милочкой и, дѣйствительно... А впрочемъ, вѣдь, я про дѣдушку съ бабушкой обѣщалъ разсказывать...

И всетаки безъ Милочки невозможно! Дѣло въ томъ, что страдалъ я отъ Милочкиной гордости и неприступности, какъ только можетъ страдать пылковлюбленный юноша. И дѣдушка это, хотя какъ будто-бы и не замѣчалъ, но понималъ отлично. И всетаки старался помочь мнѣ въ несчастіи. Замѣтитъ, что я грустенъ и на охотѣ очень ужъ зазевываюсь или, какъ онъ выражался, воронъ считаю, покачаетъ укоризненно головой и скажетъ:

— Трусъ, братецъ мой, ты...

Это онъ — про мою несмѣлость и застѣнчивость съ Милочкой. И вотъ однажды на Рождествѣ, какъ-бы въ поученіе мнѣ, и разсказалъ о томъ, какую роль въ достиженіи счастія храбрость и смѣлость играютъ:

— Храбрость, братецъ мой, города беретъ! Вотъ тоже самое и въ любви... Вы теперь на зайчишекъ и лисичекъ охотитесь, а я въ твою пору на волковъ да на медвѣдей ходилъ. И женился я на твоей бабушкѣ можно сказать съ оружіемъ въ рукахъ...

Конечно, всѣ мы, слушатели, расхохотались, а бабушка конфузливо какъ-то передернула плечиками и произнесла: «Ахъ, не болтайте вы, Степанъ Иванычъ, глупостей!» Дѣдушка насмѣшливо посмотрѣлъ въ ея сторону и самодовольно, откинувъ назадъ львиную голову, расхохотался:

— Тоже, скажу вамъ, большая гордячка была, пожалуй — почище Милочки, а вотъ твоей бабушкой сдѣлалась! За камеръ-юнкера родители прочили, а она за Лѣшимъ оказалсь. Завоевалъ я вамъ бабушку съ оружіемъ въ рукахъ!

Глаза у дѣдушки засверкали побѣднымъ свѣтомъ, вся поза героическій обликъ приняла, а бабушка покорно точеную головку склонила къ вышивкѣ и только изрѣдка, со вздохомъ, шептала: «Ахъ, хвастунъ какой!»

— Началось, братецъ, очень похоже. Встрѣтился съ гордой красавицей, княжной Ириной Николаевной Оболенской, совершенно случайно, на благотворительномъ балу. За ея цѣпочку отъ вѣера пуговицей зацѣпился. А я студентомъ-распорядителемъ на балу былъ. Смѣшная такая исторія. Окружающіе помогали намъ разцѣпиться, княжна и сердилась и смѣялась, а я, когда расцѣпились, отрекомендовался и, такъ какъ музыка вальсъ заиграла, прекрасную незнакомку пригласилъ. Вѣроятно, отъ растерянности — она согласилась. Благосклонно на мое плечо ручку свою положила и мы закружились. Красавица была: всѣ мужчины на балу на нее глаза и рты разѣвали! Ну, а я такъ, какъ говорится, сразу втрескался...

— Какъ вы, Степанъ Ивановичъ, выражаетесь! — прошептала изъ своего уголка бабушка.

— Это къ дѣлу не относится, Ирина Николаевна, — мимоходомъ бросилъ въ ея сторону дѣдушка. — И вотъ, друзья мои, начались мои муки. Не меньше страдалъ, чѣмъ гетевскій «Вертеръ», однако, какъ видите, живъ остался, а княжна Ирина Николаевна Оболенская съ нами сидитъ! Ну-съ, такъ вотъ... Никакого приступу нѣтъ. Ноль вниманія. Я съ ея братомъ, студентомъ, познакомился, въ княжескій домъ забрался, — никакого движенія воды! Кивнетъ, улыбочка кисленькая на губкахъ, прищуренные глазки, — однимъ словомъ, королева и подданный, рабъ, ничтожество. Однако мы, охотники, не такъ скоро пугаемся. Я въ ту пору уже на медвѣдей ходилъ.

— Да что я, Степанъ Ивановичъ, звѣрь, что-ли какой была!

— Именно, именно, Ирина Николаевна! Молоденькая львица великосвѣтская!

— И видѣлъ я, что понимаетъ она, въ чемъ дѣло, а только виду никакого не подаетъ. Гордостью своей забронировалась. А тутъ вдругъ отъ брата узнаю, что изъ-за сестры, то-есть изъ-за Ирины Никлаевны, два претендента на супружескій престолъ на дуэли подрались. Правда, другъ друга даже не оцарапали, однако любовь свою оба доказали. Ну, и храбрость тоже...А какъ и чѣмъ я и то и другое докажу? Однимъ предложеніемъ руки и сердца этого не докажешь. А между тѣмъ, въ рѣдкіе мои визиты въ княжескій домъ, я всетаки успѣлъ почуять, что одинъ изъ великосвѣтскихъ дуэлянтовъ нѣкоторымъ вниманіемъ пользуется не только со стороны родителей, но и самой...

— Ахъ, какъ вы лжете, Степанъ Ивановичъ! Постыдитесь, я еще не умерла...

— Я не утверждаю, а говорю, что такъ мнѣ почудилось. Однако, вѣдь предложеніе съ его стороны послѣдовало?

— Послѣдовало.

— И вы отвѣтили, что подумаете?

— Я была глупа и повторила то, что велѣла отвѣтить мать въ случаѣ, если онъ...

— Ну, друзья мои, вижу я, что надо дѣйствовать рѣшительно. Попробовалъ «идеями» воздѣйствовать, только бояться стала со мной разговаривать. И такъ и сякъ, — какъ въ каменную стѣну головой! Два года эта канитель тянулась. И вотъ, когда я уже курсъ кончалъ и въ перспективахъ была служба лѣсничимъ въ глухой провинціи, а потому и окончательная разлука и крестъ надъ могилой любви, счастливый случай подвернулся, выручилъ. Вели-

косвѣтскій оболтусъ, кандидатъ на супружескій престолъ, княжескую мололежь въ свое имѣніе на Рождество пригласилъ—на зайцевъ поохотиться; а я въ разговоръ вмѣшался и себя такимъ знатокомъ этого дѣла заявилъ, что и меня пригласили. Ну, думаю, Степанъ, теперь не будь вороной, не летай прямо! Пріѣхали въ имѣніе, въ Костромскую губернію. Съ нами и ея сіятельство, княжна Ирина Николаевна. Въ деревнѣ на природѣ процентовъ на 50 у ней спѣси и гордости убавилось. Человѣкъ человѣкомъ сдѣлалась! Веселая, милая, разговорчивая, не прочь и пококетничать... Началась рождественская пировня, плясы, маскарады, катанье на тройкахъ. Про охоту точно и позабыли совсѣмъ. Разговорился съ охотникомъ-лѣсникомъ: каждый день волки воютъ. И пришла мнѣ въ голову мысль съ живымъ поросеночкомъ поохотиться! Счастливая мысль, самъ Господь изъ состраданія ко мнѣ ее внушилъ. Какъ-то за ужиномъ и разсказываю, какъ съ поросенкомъ на волковъ охотятся: хорошая крѣпкая лошадка, сани-розвальни, чтобы не кувырнуться и не вывалиться, въ саняхъ въ мѣшкѣ — живой поросенокъ, а къ санямъ — долгая веревка съ пучкомъ сѣна или тряпками. Ѣхать лѣсомъ и заставлять поросенка благимъ матомъ кричать. Волкъ заслышитъ и выйдетъ да за санями въ догонку: думаетъ поросенокъ бѣжитъ. Ну, тутъ и стрѣляй! Опасная охота. Храбрости требуетъ. И рука чтобы не дрожала. И волки разнаго характера попадаются. Мужчины неособенно соблазнились, а у дѣвушекъ глазенки засверкали , щеки вспыхнули... «Ахъ, какъ интересно!» Особенно Ирина Николаевна взволновалась. Вижу, на какую приманочку рыбка клюетъ... На другой день подъ вечеръ распорядился все приготовить, включая поросенка. А послѣ ужина, когда все было готово, и объявилъ:

— Ну, кто, господа, похрабрѣе? Со мной и съ поросенкомъ на волковъ? Я сейчасъ ѣду!

Великое смятеніе. Не думаю, чтобы княжна всѣхъ храбрѣе была, но, надо сказать правду: никто изъ мужчинъ еще не отвѣтилъ, какъ она восторженно крикнула:

— Я съ вами!

Поразила отвагою всю компанію, мужчинъ и женщинъ. Соперникъ, вмѣсто того, чтобы заявить свою кандидатуру, началъ отговаривать Ирину Николаевну: лошадь можетъ испугаться и понести, на ухабѣ легко вылетѣть изъ саней и быть разорванной на куски, словомъ всякіе ужасы. Отъ взволнованности влюбленнаго или просто отъ трусости голосъ его звучалъ какъ-то виновато и неубѣдительно, а я посмѣивался и иронически уговаривалъ соперника ѣхать съ нами.

— Отлично! Я поѣду, но безъ Ирины Николаевны...

Долго спорили. Ирина Николаевна назвала моего соперника трусомъ, тотъ обидѣлся и сослался на орденъ, который получилъ за участіе въ бояхъ подъ Плевной. Она продекламировала изъ «Горя отъ ума» —

Чины людьми даются, а люди могутъ обмануться!

— Я нахожу нужнымъ, чтобы вопросъ о вашей поѣздкѣ рѣшили ваши родители!—строго заявилъ оскорбленный и направился къ дому.

— Ѣдемъ скорѣй! — со смѣшкомъ сказала Ирина Николаевна, и мы быстро погрузившись въ сани, покатились въ серебристый туманъ морозной ночи. Она была въ приподнятомъ настроеніи, оглядывалась, нѣтъ-ли погони, неумѣло махала кнутомъ, отъ чего доставалось больше мнѣ, чѣмъ лошади. Попискивалъ въ мѣшкѣ поросенокъ и ему вторилъ

звонкій хохотъ дѣвушки. Ну, а я чувствовалъ себя наполовину уже побѣдителемъ.

Ну, вотъ и лѣсъ, бѣлое заколдованное царство, полное сказочной красоты и таинственности. Я попридержалъ лошадку, чтобы не заморить преждевременно, и мы легкой рысцей поплыли по лѣснымъ коридорамъ. Очарованіе! Безконечный коридоръ смѣнялся полянами, похожими на огромные залы, то круглые, то квадратные, то вытянутые. Замокъ дѣдушки-Мороза! Тишина и безмолвіе нарушаются только поскрипываніемъ саней, и острымъ стекляннымъ визгомъ желѣзныхъ подрѣзей. Въ этой торжественной тишинѣ какъ-то и не говорится. Точно въ храмѣ. Я замѣняю разговоръ заботами о своей царевнѣ: не озябли-бы ножки да ручки, не поддуваетъ-ли гдѣ-нибудь въ дырочку, взамѣнъ чего получаю улыбочки и благодарные взгляды изъ-подъ пуховаго платочка. Такъ молча и доѣхали до лѣсной сторожки. Лѣсникъ уже поджидалъ насъ. Посидѣли полчаса въ лѣсномъ домикѣ, обогрѣлись чайкомъ, поговорили, конечно, о волкахъ и о томъ, на какихъ дорогахъ можно скорѣе и вѣрнѣе съ волками встрѣтиться...

— Къ Зайчимъ оврагамъ надо... Тамъ воютъ. Сперва, значитъ, по дорогѣ въ Серебрянку, а потомъ свернуть влѣво, по новой просѣкѣ, и она выведетъ на проселокъ, а тамъ версты три только и овраги начнутся...

— Въ сугробахъ не увязнемъ на просѣкѣ-то?

— Ни Боже мой! Санки легкія, а снѣгъ крѣпкій. Морозы стоятъ. ...А только вотъ что, господа почтенные: надо, видно, мнѣ къ вамъ подсѣсть!

— Почему?

— Барышня, поди, никогда лошадью не правила, а тутъ дѣло такое: охотникъ долженъ только своимъ дѣломъ заниматься. Что-нибудь одно ужъ: либо

волки, либо лошадь. Да боюсь, какъ-бы въ путяхъ своихъ вы не сбились. Зимой въ ночное время трудно дороги-то разбирать...

Правильно говорилъ лѣсникъ, но вы должны понять, что мнѣ это не улыбалось.

Откровенно говоря, мнѣ и поросенокъ-то въ мѣшкѣ казался теперь лишнимъ.

Не взялъ я лѣсника. Тяжело, молъ, лошади.

— Вишь, какой ты жальливый! — сказалъ лѣсникъ, смотря въ землю.

Я осмотрѣлъ и приготовилъ ружье, револьверъ, охотничій ножъ. Поѣхали. Выкинулъ за санями веревку съ приманкой и время отъ времени тыкалъ поросенка. Но визгъ его уже не смѣшилъ больше мой спутницы; должно быть, разговоръ съ лѣсникомъ о волкахъ сильно поубавилъ въ ней храбрости. Сидитъ, пугливо посматриваетъ по сторонамъ, спрашиваетъ, что это тамъ чернѣетъ, пожимается, позѣвываетъ.

— Холодно вамъ?

— Нѣтъ...

— Страшно?..

Молчитъ. Тогда я спокойно такъ и увѣренно произношу.

— Со мной можете ничего не бояться.

Нашли просѣку, свернули. Поросенокъ визжитъ все чаще и громче, а волковъ нѣтъ. Добрались до овраговъ. Остановились, — пусть маленько отдохнетъ лошадка! Вся засеребрилась, замохнатилась бѣлымъ инеемъ. Княжна ножки отсидѣла, вылѣзти изъ саней хочетъ, а ножки не слушаются. Смѣшно! Точно пьяная. Помогаю. Беру подъ руку Ручки замерали. Содралъ перчатки, сталъ оттирать снѣгомъ да какъ-то нечаянно и приложился по окончаніи дѣла.

— Надѣньте-ка мои рукавички!

— А вы?

— Обо мнѣ не безпокойтесь.

Опять улыбочка и благодарный взглядъ изъ-подъ мохнатаго платочка... Была мысль объясниться въ любви, да начать не зналъ какъ. Балясы-то точить я никогда не былъ мастеромъ. Не знай, какъ-бы все кончилось, да волки выручили. Сѣли мы въ санки, поѣхали шажкомъ обратно. Вдругъ лошадь остановилась, запряла ушами, и стала пофыркивать! Я сразу понялъ, въ чемъ дѣло. За ружье! Осматриваюсь, а моя спутница хватаетъ меня за руку: «что случилось? что?»

— Волкъ!

Ударилъ вожжами, лошадь не идетъ впередъ, а пятится. Приглядываюсь: впереди, подъ оснѣженной елочкой- — темное пятно. Стрѣлять — далеко, лошадь не идетъ. Прихватилъ ружье, вылѣзаю...

— Вы куда?

— Къ волку!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! я боюсь... одна...

— Но иначе не пойдетъ лошадь!..

— Не пущу васъ!

Выскочила изъ саней, хватаетъ за руку. Что-же дѣлать?

— Отойдите немного и не испугайтесь: я буду сейчасъ стрѣлять...

Грохотъ выстрѣла, напоминающій громъ, разбудилъ ночную тишину, и было видно, какъ темное пятно впереди ожило и задвигалось. На бѣломъ фонѣ снѣговъ отчетливо нарисовался силуэтъ волка. Заржала лошадь, сверкая бѣлками глазъ. Моя спутница дрожала, какъ въ лихордкѣ, и бросала на меня умоляющіе взоры... Минутъ десять помедлили, сѣли и поѣхали. Сперва шажкомъ. Лошадь пугливо ворочала голову, пряла ушами, пріоста-

навливалась и снова шла. Потомъ неожиданно рванулась и понесла.

— Держитесь за меня!

Минутъ десять неслись вскачъ по просѣкѣ и, наконецъ, вынеслись на накатанную дорогу.

Поросенокъ, отъ толчковъ и пинковъ, продолжалъ визжать, а лошадь вдругъ рванулась еще сильнѣе.

— Волки! — закричала моя спутница. Я обернулся: за нами гнались штукъ пять волковъ. Стрѣлять? — опасно: въ эту пору бродячіе стаями волки отъ выстрѣла разъяряются. Быть можетъ, одного и вышибешь, за то остальные накинутся и разорвутъ. Волки настигаютъ. Моя спутница въ обморокѣ. Я, подобно капитану утопающаго корабля, выбрасываю изъ саней мѣшокъ съ поросенкомъ... Волки набрасываются на него, свертываются въ клубокъ, дерутся изъ-за добычи, а мы мчимся, сломя голову. Я уже не правлю лошадью. Всѣ мои заботы теперь о бѣдненькой любимой дѣвушкѣ. Прижалъ ее къ себѣ, какъ драгоцѣнность, умоляю открыть глаза, цѣлую руки, говорю о любви... Не замѣтилъ, какъ лошадь донесла насъ до лѣсной сторожки, остановилась, тяжело вздымая боками и курясь серебристымъ дымомъ.

Разбудилъ лѣсника. Когда мы вносили въ сторожку помертвѣвшую Ирину Николаевну, она очнулась.

Лѣсникъ поставилъ самоваръ. Затопилъ печь. Принесъ свѣжей соломы.

— Лошадь задохлась... Съ ногъ валится... Куда на ней поѣдешь?... До утра, ужъ, видно, останетесь...

Все похваливалъ меня за находчивость и храбрость:

— Хорошо, что отъ страху разума не потерялъ! Не выброси имъ поросенка, не быть-бы живыми

вамъ: на клочки розорвали-бы! — говорилъ онъ, побрякивая чайной посудой, и приводилъ множество страшныхъ случаевъ...

Ужъ не буду разсказывать вамъ, какъ все дальше случилось. Только вернулись мы на другой день въ усадьбу женихомъ и невѣстой!

— И ты, братецъ, волкамъ скажи спасибо! — закончилъ дѣдушка, обращаясь въ мою сторону.

— За что-же мнѣ-то ихъ благодарить?

— Не случись такъ, не было-бы у тебя дѣдушки съ бабушкой, а не было-бы насъ и тебя на свѣтѣ не было-бы!.. А самъ посмѣлѣй будь, если хочешь и самъ званіе дѣдушки со временемъ получить...

Прага, 1926.

ВОДОЛЕЙ.

... Я — человѣкъ сѣверный, — юга вашего не люблю. У васъ ни зимы, ни весны нѣтъ. У васъ — вмѣсто зимы дожди, вѣтра да слякоть, а весна прямо съ лѣта начинается. Самаго красиваго-то въ природѣ—борьбы двухъ извѣчныхъ началъ—и нѣтъ!

У насъ зима лютая, борьба съ ней — какъ поединокъ смерти съ жизнью, трудная и долгая, мѣсяца три тянется, за то и радость-же какая, когда всѣ твари земныя, наконецъ, побѣду жизни почуятъ! До послѣдней силушки зима бьется, уступить не хочетъ. Однако въ мартѣ уже слабнетъ, видитъ, что, какъ ни вертись, а дѣться некуда: Алексѣй, человѣкъ Божій, приходитъ, Водолея приводитъ: вода съ горъ! Солнышко высоко забирается, огромное да горячее, во всѣ глаза смотритъ . Прячься тогда, зима, по лѣсамъ, по трущобамъ да по оврагамъ, гдѣ потемнѣе!.. Только и тамъ ненадолго укроешься: загремятъ, зазвенятъ потоки-богатыри, во всѣ стороны помчатся, въ каждый уголокъ сокровенный заглянутъ... Таетъ вражья сила, бѣжитъ по полямъ и долинамъ вразсыпную, а за ней потоки — богатыри по всѣмъ дорогамъ на взмыленныхъ коняхъ скачутъ, ручьи вперегонку бѣгутъ, а шумъ да звонъ боевой многоголосымъ эхомъ надъ землей носится... Разсыпалась снѣжная рать: словно скатерти, холстины да полотенца бѣлыя раскинуты,

всѣ ледяныя мосты поломаны, — ни пройти, ни проѣхать, рѣки и рѣчушки изъ береговъ своихъ повылѣзли, широкими озерами разлились и голубизной небесной засіяли...

Смѣется солнышко, своей побѣдѣ радуется, а радость у него огненная. Вздыхаетъ земля-матушка отъ его ласокъ да радости, млѣетъ въ истомѣ сладостной и днемъ и ночью: и по ночамъ не замерзаютъ уже потоки и ручьи, всю ноченьку напролетъ скачутъ, бѣгутъ, суетятся, межъ собою переговариваются, — только шуму да звону поменьше. Съ каждымъ восходомъ солнечнымъ зеркало водъ весеннихъ ширится: всплываютъ, какъ ноевы корабли, села и деревеньки на горкахъ, около рѣкъ, лѣса прибрежные, острова съ лачужками да шалашами... Мѣстами прямо потопъ! Вся земля словно къ празднику умывается вешними водами, а разливъ зеркальный точно смѣется улыбками-солнечными сверканіями и небесамъ голубѣющимъ, и облакамъ бѣлоснѣжнымъ, въ вышинѣ проплывающимъ, и птицамъ, гостямъ заморскимъ: лебедямъ, гусямъ и уткамъ дикимъ, что вереницами съ юга къ намъ тянутся, радостно перекликаясь на зоряхъ, вечернихъ и утреннихъ...

Вотъ онъ, нашъ Водолей!

***

Желанная пора для молодыхъ охотниковъ. Трудна и опасна охота въ весеннюю распутицу, да развѣ молодость боится опасностей? Отъ нихъ въ юности только сильнѣе и ярче радость въ крови горитъ... Весенняя радость! Если въ эту пору и старики молодѣютъ, такъ что-же сказать про молодыхъ да юныхъ? Какъ скворцы отъ своей пѣсни, они отъ весенней радости захлебываются. У стариковъ вся радость

жизни выпита, молодѣютъ отъ воспоминаній, а вся тварь въ эту пору молодая во власти чаръ весенних. любовныхъ пребываетъ. Вѣдь, въ юности да младости всегда кого-нибудь любишь, часто и самъ не знаешь еще, кого. А не любишь, такъ хочется любить, томитъ тебя эта волшебная сила... Вмѣстѣ съ силой этой всегда и радость живетъ въ душѣ молодой, жадность ко всякой красотѣ Божіей... А красота-то во всемъ въ эту пору: и въ солнечномъ сіяніи, и, шумѣ и звонѣ потоковъ, и въ небесахъ, и въ рѣкахъ, озерами разлившихся, и въ облакахъ отраженныхъ, и въ стремительномъ движеніи, которымъ пропитана вся природа, во всѣхъ звукахъ, краскахъ, контрастахъ, въ птичьемъ гомонѣ, скворчиной пѣсенкѣ, въ журавлиныхъ вскрикахъ, въ глазахъ дѣвичьихъ...

Вода съ горъ — въ душу радость!

А молодой охотникъ всегда во власти этой радости: вмѣстѣ съ землей живетъ. Вся тварь отъ любви словно съ ума сходитъ, какъ-же ему, молодому охотнику, съ ума не сходить? Весь онъ въ эту пору съ землей и земной тварью сливается, весь во власти Водолея живетъ...

Такъ вотъ, въ эту самую пору и было... не знаю, какъ назвать... Прозвучалъ для меня первый властный зовъ матери-земли, во чревѣ своемъ зачинающей новую жизнь и всю тварь живую заставляющей повиноваться извѣчнымъ законамъ жизни. Про любовь говорю! Было мнѣ всего восемнадцать лѣтъ, шелъ я съ пожилымъ охотникомъ на утиную охоту, и радость весенняя, мартовская, во мнѣ, какъ солнышко, играла и пьянила меня беззаботной весслостью... Водолей съ головой потопилъ въ свѣтлой радости...

Пробирались мы съ Корнѣемъ на дальнюю водяную мельницу. Тамъ у него знакомый мельникъ

былъ и приволье было для охоты и на гусей, и на утокъ... Дорога до мельницы была далекая и трудная: и на санкахъ ѣхали, и на ботникахъ плыли и пѣшкомъ грязь непролазную мѣсили; въ снѣжномъ оврагѣ вязли, переходя броды, тонуть собирались да выкарабкались... И всетаки весело и радостно было. Даже мой спутникъ, старый отставной солдатъ, вольный охотникъ-бродяга, подъ солнечнымъ припекомъ свою молодость вспоминалъ и всю дорогу мнѣ своими любовными приключеніями въ молодости хвастался:

— Я, братецъ, былъ красивый! Бывало...

И начнетъ, начнетъ врать...

Только подъ вечеръ добрались къ мѣсту да несразу еще на мельницу попали. Прудъ и рѣка все вокругъ верстъ на пять затопили: луга, прибрежные лѣса; луговыя сѣнницы вспыли, деревья прямо изъ воды росли, кое-гдѣ островки, поросшіе кустарникомъ, словно баржи на якоряхъ, маячили. И хуторокъ мельника оказался на островѣ: водяная мельница, изба, баня, садъ и огородъ, надворныя постройки. Море разливанное! Вечерняя заря это море румянила и золотила, въ окнахъ избы огнями горѣла. Въ зеркалѣ разлива застыли опрокинутыя отраженія хуторка, деревьевъ, лѣса, облаковъ, по небу проплывающихъ. Прямо залюбуешься! На мысокъ вышли , а на мельницу не попадешь. Долго кричали — лодку вызывали. Наконецъ-то отъ мельницы лодка выплыла и въ вечерней тишинѣ веслами заскрипѣла! Самъ мельникъ за нами выѣхалъ. Бородатый кряжистый мужикъ, весь сѣдой отъ мучной пыли, — отъ какого-то дѣла оторвался,чинилъ что-то. Только сѣрые глаза пытливо сверкаютъ. Не разберешь отъ мучной пыли — молодой или старый. Съ Корнѣемъ за руку подержался, на меня

подозрительно посмотрѣлъ: не любитъ охотниковъ, потому что самъ въ этихъ мѣстахъ охотится.

Корнѣй успокоилъ:

— Молодого барина охотѣ поучить привезъ...

— Что-жъ, пущай попуделяетъ...

— А есть утки-то?

— Всяко случается. Утки летаютъ: то много ихъ, а то нѣтъ ни одной. Кабы знали, что вы ѣдите, можетъ и подождали-бы! Вчерась я двухъ дикихъ гусей смазалъ. Всю ночь летятъ. Чей баринъ-то?

— Изъ Ольховки...

— Не встрѣчалъ быдта...

— Я только въ гости въ Ольховку пріѣхалъ, а самъ изъ Коромысловки...

— То-то личность-то твоя незнакомая...

— Къ вамъ теперь и попасть трудно...

— Въ родѣ какъ въ скиту монастырскомъ живемъ, совсѣмъ и людей не видимъ. Я люблю это, а вотъ бабы мои скучаютъ: и поговорить не съ кѣмъ, окромя какъ съ коровой или курами...

Проплыли пламеннымъ моремъ, отъ котораго уже начали розовые туманы куриться, и причалили чуть не подъ окна избы. Изъ оконца пугливо женскія головы высунулись и спрятались. Выгрузились и слѣдомъ за мельникомъ въ избу пошли.

— Гостей Богъ послалъ! — крикнулъ мельникъ — Самоварчикъ налаживайте: продрогъ баринъ...

Передъ нами молодая женщина, миловидная, со строгимъ иконописнымъ лицомъ .

— Хозяйка моя, Пелагея Егорьевна, это! Самоварчикъ поскорѣе, Палаша: вымокли они...

— Милости просимъ! Охота-то, видно, пуще неволи... Отколь будете?

— Ну, а ты потомъ поговоришь, сперва обогрѣть надо людей...

— Самоваръ сейчасъ,,. долго-ли ему? Незнакомая будто личность-то...

Захватила съ лавки свѣтло-начищенный самоваръ и скрылась съ нимъ за переборкой, на которой висѣли засиженные мухами часики, проворно и неугомонно постукивающіе качающимся маятникомъ.

За переборкой самоваромъ кто-то гремѣлъ, потомъ два женскихъ голоса тихо заворковали. Неожиданно оттуда выпорхнула стройная дѣвушка, кивнула въ мою сторону съ пугливымъ любопытствомъ въ большихъ сѣрыхъ глазахъ подъ надвинутымъ платочкомъ и, побрякивая пустымъ ведромъ, выпорхнула за дверь. За водой побѣжала. Чуть успѣлъ я скользнуть по дѣвичьему лицу, а ужъ вся душа вздрогнула. Точно кладъ нечаянно открылъ! Изумленіе, почти испугъ и радость. Весьма возможно, что все это исходило столько-же изъ дѣвичьей красоты, сколко отъ чаръ весенних да отъ собственной молодости. Вѣдь, въ эту пору юному здоровому и жизнерадостному парню каждая смазливая женщина чудомъ кажется! Ну, да неважно, какая она въ дѣйствительности была, а важно, какой я ее почувствовалъ. А почувствовалъ я ее, какъ диковинную красоту, и сразу голова закружилась, во рту пересохло и голосъ упалъ, точно я этой красотою подавился... И почувствовалъ я ее не только зрительно, а всѣмъ моимъ существомъ и естествомъ, всей молодой и горячей кровью. Поразила стройная фигура, сѣрые глаза, брови стрѣлками, губы коралловыя,поразилъ голосъ контральтовый,запахъ свѣжевымытаго деревенскаго холста и кумача, которымъ отъ нея пахнуло, встряхнувшаяся подъ ситцемъ упругая грудь, походка. Какъ-то словно душу защекотало отъ нея. Я схватилъ въ охапку подвернувшагося Корнѣя: захотѣлось вдругъ бороться!

— Вишь, силу-то тебѣ некуда дѣвать! — усмѣхнувшись, сказала Пелагея Егорьевна, а мельникъ иронически спросилъ:

— Холостой еще видно?

— Холостой.

— Женить пора, стало быть! — сказалъ мельникъ, поглаживая бороду и хитровато смѣясь одними глазами. Какъ разъ въ этотъ моментъ появилась Груня, а Корнѣй и ляпнулъ:

— Вотъ оно и кстати выходитъ: у насъ женихъ, а у васъ — дѣвка не выданьи!

Груня вспыхнула, и, поставивъ ведро на лавку, приткнулась къ косяку и потупилась. И такой прекрасной подзалась она мнѣ въ своемъ смущеніи, что мнѣ подумалось: «а вотъ взять да и жениться на ней!», и ничего невозможнаго въ этомъ не показалось Мнѣ скоро исполнится совершеннолѣтіе, а тогда могу жениться, на комъ мнѣ угодно. Всплыли въ памяти недовольныя физіономіи родителей, полныхъ всякихъ «предразсудковъ», и я разсердился на родителей...

А Корнѣй не унимался:

— Гляди, купецъ: товаръ лицомъ показываемъ! Не дѣвка, а прямо — малина!

— Ему барышню нужно, чтобы при шляпкѣ и при зонтикѣ, а Грунька...— начала, было, Пелагея Егорьевна, а Груня разсердилась:

— Языкъ-то у васъ безъ костей...

И скрылась за переборкой въ обществѣ съ запѣвшимъ уже тамъ у печки самоваромъ. По звону мѣди можно было догадаться, что она въ сильномъ смущеніи. Подала самоваръ, звенитъ чайной посудой, никакого вида не подаетъ, а ужъ видно все таки, что шутка даромъ не прошла для насъ обоихъ: воровато другъ на друга поглядываемъ, чуть улыбнемся и глаза въ сторону! И чувствуется мнѣ, что

и у ней въ душѣ безпокойная тревога прячется. Это Водолей въ душахъ звенитъ, радостью весенней ихъ поливаетъ... Послѣ чая пошелъ на крыльцо краснымъ полымемъ заката полюбоваться и столкнулся въ потемнѣшиx сѣнцахъ съ Груней. И мѣста довольно, а выходитъ, будто тѣсно: хочу ей дорогу дать и она тоже хочетъ сдѣлать, а оба въ одну сторону тыкаемся. И обоимъ смѣшно, и радостно: засмѣялись потихоньку.

— Ахъ, ты, Господи! Что ужъ это? — шепчетъ Груня.

Въ эту пору съ молодыми всегда такъ бываетъ: налетитъ шкваломъ, загорится душа и не потушишь. Вѣтеръ, что-ли, весенній любовь раздуваетъ... Кто ее знаетъ! Отъ простой шутки, какъ отъ искры — солома, затлѣлась и разомъ вспыхнулъ огонь пламенный. Бѣсъ весенній кровь и разумъ замутилъ: лучше да краше этой дѣвушки и быть на свѣтѣ не можетъ! Съ каждой встрѣчей глазами все сильнѣе убѣждаюсь. Надо-бы поскорѣе заснуть — завтра рано встать надо на утиную зорю, а я заснуть не могу, не спится и кончено. Съ бока на бокъ поворачиваюсь, къ ночнымъ звукамъ и шорохамъ прислушиваюсь и все про Груню думаю. Островъ съ мельницей, а на немъ — красавица. Въ родѣ острова Буяна какого-то. А Груня близко такъ, за переборкой. Нѣтъ-нѣтъ да и вздохнетъ. И отъ вздоха этого испугъ и радость въ душѣ рождаются... и еще надежда какая-то и неизвѣстно, на что. Можетъ быть, сейчасъ босыми ногами въ дверь пройдетъ?.. Показалось, что и ночь короче вооробьинаго носа: только-только задремалъ, а Корнѣй уже за ногу тянетъ:

— Вставай-ка, братъ! Свѣтать зачало...

Не хотѣлось вставать, а услыхалъ, что Груня по избѣ ходитъ, живо встряхнулся.

Она насъ чаемъ поила. Раннимъ утромъ она еще

краше мнѣ показалась: точно булка изъ печи — такъ огнемъ отъ нея и пышетъ, грудь дѣвичья высоко держится, глаза сонные, пугливые, русалочьи, босая ходитъ, словно крадется кошечкой, косы не прибраны, расплелись, толстыя да тяжелыя. Такъ-бы схватилъ и раздавилъ въ объятіяхъ! А все это таишь въ себѣ, никакого вида не показываешь. Корнѣй, однако, смѣкаетъ. Чуть мельникъ выйдетъ, сейчасъ за старое:

— Хороша Груняша да въ томъ бѣда, что не наша!

Никуда отъ Груни не ушелъ-бы, да что подѣлаешь? Охотникъ: утки дожидаются, не Груню смотрѣть прибыли.

— Ну, прощай, Груня!

— Ни пуха, ни пера, баринъ!

Да какъ метнула изъ-подъ платка сѣрымъ глазомъ, — точно кипяткомъ въ душу плеснула.

Забрали сѣрую домашнюю утку для приманки селезней дикихъ и поѣхали. Сыро и холодно было. Проплыли прудомъ и скоро въ лѣсъ въѣхали на лодочкѣ. Точно въ сказкѣ: разгорающаяся заря и небеса, и деревья, и воду раскрасила: золотитъ и румянитъ. Розовый дымъ отъ воды курится. Словно огромный колонный залъ. Корридоры, залы, закоулочки, лабиринтъ. Кое-гдѣ по островкамъ клочки снѣга жмутся. Птицы прснулись, точно оркестръ инструменты настраиваетъ. Красота и таинственность! Журавли кричатъ, утки осторожно перекрякиваются. Часа полтора плыли и ткнулись въ камыши, къ острову. Тутъ у мельника шалашъ, стоянка охотничья. Вылѣзли, лодку спрятали. Свою утку на длинной бичевѣ за ногу плавать пустили,а сами по разнымъ мѣстамъ въ кусты. Наша утка, какъ заслышитъ шумъ утиныхъ крыльевъ, такъ неистовый крикъ поднимаетъ. Тутъ ужъ не зѣвай! Словно кам-

ни съ небесъ, дикіе селезни въ воду кувыркаются, изъ-за нашей утки драки затѣваютъ, а тутъ имъ и гибель. Часа за два мы семь селезней убили. Когда солнце поднялось выше и розовые туманы разсѣялись, селезни уже не летѣли на призывной кличъ нашей обманщицы.

Обратной дорогой Корнѣй филосовствовалъ:

— Баба — вездѣ баба: погибель отъ нея. Это какъ и у насъ, у людей. — говорилъ онъ про нашу подманную утку.

— Это правильно! — соглашался мельникъ.

— Словно полюбовники они, селезни-то, промежду собой дерутся. Вонъ у насъ недавно двое парней изъ-за бабы сцѣпились, насилу розняли, за ножи схватились. Только водой изъ колодца розлили... Какъ и селезни, ничего не видятъ и не слышатъ...

— Да, вотъ она, любовь — отъ что дѣлаетъ! Со всей тварью земной это происходитъ — изрекалъ мельникъ, а Корнѣй надо мною подшучивалъ:

— Ты, поди, ентаго сладкаго грѣха не знаешь? Погоди ужо! Въ родѣ какъ селезнь, одурѣешь отъ этого бабьяго приману...

А я уже одурѣлъ: и охота не мила, поскорѣй увидать Груню хочется... Какъ увидалъ всплывшую надъ водой мельницу,—вся душа запѣла отъ радости и ожиданія. Груня на бережокъ вышла встрѣтить. Переглянулись и улыбнулись другъ другу вовороватыми улыбочками.

— А мы давно ждемъ! У насъ самоваръ готовъ. Палаша пирогъ вамъ испекла...

Отогрѣлись, напились и наѣлись. Мельникъ съ Корнѣемъ на печь полѣзли отсыпаться, а я до самого вечера на Груню охотился: все неожиданныхъ встрѣчъ искалъ, чтобы какъ-нибудь приблизиться, словомъ ласковымъ обмѣняться, осторожно приласкать, свое тайное передъ ней раскрыть... А все

ничего не выходитъ: улыбнется да въ сторону. Поймалъ за руку, поборолъ свою робость и потянулъ къ себѣ — поцѣловать рѣшился, — нырнула подъ мою руку, тихо засѣялась и таинственно такъ сказала, словно только подумала вслухъ:

— Нашелъ мѣсто цѣловаться! Кругомъ люди ходятъ...

Хитренькая: въ избѣ, при другихъ, точно и смотрѣть на меня не хочетъ, а встрѣтимся на крыльцѣ, въ сѣнцахъ или на дворѣ, — сама заговариваетъ, а въ сѣрыхъ глазахъ такъ смѣхъ и скачетъ. А я все больше селезнемъ становлюсь. Пошла въ погребицу за молокомъ, я тутъ какъ тутъ. Вылѣзла изъ ямы съ полнымъ балакиремъ, а я не выпускаю:

— Поцѣлуешь, пропущу!

— А какъ я молоко пролью, кто отвѣчать будетъ?

Молоко мнѣ помогло: одной рукой не справишься. Я цѣлую, а ей-бы только молоко не расплескать:

— Вотъ назола! Прилипъ, какъ муха къ меду!

— Ты слаще меда...

— Только тебя послушай, ты наскажешь!

Бурлитъ радость жизни въ обоихъ. Оба, словно пьяные, оба пылаемъ. Съ виду — враги, а въ тайнѣ глазами другъ друга ищемъ. Пьянитъ влажный пряный воздухъ, пахнущій и снѣгомъ , и талой землей, и березовыми почками, и первыми фіалками. Вокругъ птичій гомонъ, куриное кудахтанье, скворчикъ у своей скворешницы точно смѣется надъ нами, корова смотритъ на насъ глупыми мутными глазами и начинаетъ мычать высокимъ дискантомъ, точно въ мѣдный рожокъ играетъ...

— Груня!... Ты такая красавица, что...

— Да неужели? — ухмыляется, головой качаетъ, по своему, по-деревенски, кокетничаетъ...

— Кабы пошла за меня, женился-бы...

— Вонъ оно что! Не за этимъ-ли и пріѣхалъ? Только, было, завязался узелокъ, — а надо на вечернюю зорю ѣхать...

— Прощай, Груня!

— Говоришь, — любишь, а на утокъ готовъ промѣнять...

Я и остался-бы да неудобно. Корнѣй и такъ подмигиваетъ да укоризненно головой покачиваетъ:

— Охотникъ-то ты охотникъ, а только совсѣмъ по другой дичи!

Ужъ какая охота! Сидѣлъ въ шалашѣ и забывалъ: гдѣ я? зачѣмъ сижу тутъ? Все: и вечерняя заря, съ ея золотистымъ полымемъ, и птичій гомонъ, и журавлиные вскрики, и вздохи земли, и бульканье потоковъ, все точно сливалось въ какой-то могучій оркестръ, уносившій мою душу изъ міра дѣйствительности, и оставалась только радость бытія и въ ней Груня — сѣроглазка, со смѣхомъ въ зрачкахъ. Въ сладостномъ мечтаніи я забывалъ про селезней. Богъ съ ними! Пусть живутъ! И пусть радуются! Однако Корнѣй былъ другого мнѣнія и пользовался моимъ разгильдяйствомъ:

— Опять проворонилъ, братецъ? Галокъ считаешь!

Двое сутокъ на мельницѣ прожилъ. На третьи мы съ Корнѣемъ должны были домой вертаться: обоихъ насъ дома ждали. А мельникъ гусями соблазнилъ Корнѣя. Далекое путешествіе! Оно мнѣ совсѣмъ не улыбалось: послѣ гусей мы должны-бы были прямо, минуя мельницу, домой свернуть. Лежалъ и раздумывалъ, какъ мнѣ быть? Гуси или Груня? И слышу — Палаша тихій разговоръ съ Груней за переборкой ведутъ: завтра Груня на ботникѣ въ Подгорное за покупками поѣдетъ.

— Справишься-ли, дѣвка? Вода крутая, быстрая.. Не унесло-бы, мотри!

— Багоръ возьму.

— Надо засвѣтло тебѣ вернуться: заѣдешь въ лѣсъ да кусты, ночью не выберешься.

— Фонарь возьму.

— И тулупъ захвати: на водѣ послѣ заката холодно, а не дай Богъ — ночь захватитъ, задрогнешь.

Вотъ тутъ какъ-то моментально, озареніемъ, мысль родилась: увязаться за Груней. Всю ночь обдумывалъ. Разбудилъ меня чуть — свѣтъ Корнѣй:

— Ну, какъ? Поѣдешь за гусями или...

— Знобитъ что-то меня. Боюсь, не лихорадка-ли...

— Зазнобило, небойсь! — подмигнулъ глазомъ и махнулъ рукой:

— Тогда оставайся. Не забудь только, что дома ждутъ...

Прикинулся больнымъ. А какъ уѣхали мельникъ съ Корнѣемъ, всталъ и сталъ просить перевезти меня въ Подгорное:

— Тамъ лошадку найму да домой поѣду... Ждутъ тамъ...

— А какъ-же , кто тебя перевезетъ? — лукаво спрашиваетъ Груня, а на губахъ улыбочка играетъ. Вошла Палаша, Груня къ ней:

— Вонъ баринъ, соскучился у насъ... Проситъ ботникъ — на берегъ съѣхать...

— Такъ вотъ и поѣзжай съ Груней! Она въ Подгорное поплыветъ, оно и кстати: вода быстрая, ты поможешь, скорѣе переѣдете...

И откуда хитрость берется? Груня понимаетъ мою хитрость, но тоже хитритъ:

— Ботникъ старый, двоихъ чуть поднимаетъ... Не потонуть-бы изъ-за него!

— Ничего! Втроемъ плавали. Много-ли въ немъ вѣсу-то? Сухопарый онъ... — говоритъ Палаша.

— Ну, коли такъ, ладно. Перевезу ужъ... Только чтобы подсоблять!

Послѣ полудня собираться стали. Точно на сѣвер-

ный полюсъ: багоръ, веревка, топорокъ, фонарь, мѣшокъ, съ какой-то поклажей, бараній тулупъ. Палаша наказъ Грунѣ даетъ: какія покупки въ Подгорномъ сдѣлать, по деревнѣ не мыкаться, съ парнями не зубоскалить, дѣла поскорѣе всѣ справить, да и обратно!

Помолились на божницу и грузиться. Я на корму сѣлъ съ весломъ. Груня-на лавочкѣ, съ багромъ. Смѣшно и весело обоимъ, однако оба прячемъ свою радость отъ Палаши. Отъѣхали отъ мельницы, я, было, шутить началъ, а Груня нахмурилась и сказала:

— Погоди шутить-то: сестра на берегу стоитъ, смотритъ...

А мнѣ некуда радости дѣть. Какъ разливъ она въ душѣ моей. Точно въ сказкѣ: похитилъ я дѣвицу-красавицу съ острова Буяна и домой подъ вѣнецъ везу... Далеко уже уплыли. Мельница, точно Ноевъ ковчегъ, позади всплыла. Одни въ морѣ разливанномъ. Вода да небо, да лѣсъ утопающій! Груня перебросила мнѣ овчинный тулупъ:

— Подстели себѣ, — вы, господа, на мягкомъ сидѣть любите... Правь лѣвѣе! Или не видишь, что въ кусты прямо лѣзешь?

— На тебя заглядѣлся.

— Сглазишь еще!

— А зачѣмъ ты веревку съ собой взяла?

— Тебя привязать, а то вертишься больно... Да не убѣжалъ-бы отъ меня!

— Ты и такъ, безъ веревки, мое сердце привязала!

— Ну, и мастеръ ты на ласковыя слова! Такъ я тебѣ и повѣрила...

Привыкла за трое сутокъ ко мнѣ Груня, приглядѣлась, осмѣлѣла и женскую власть надо мною почуяла.

— Такъ какъ-же? Пойдешь за меня замужъ?

— Поиграешь да бросишь... Тебѣ барышню надо въ шляпкѣ, съ зонтикомъ, въ калошахъ...

Заболтались, подшучивая другъ надъ другомъ. Она ко мнѣ лицомъ сѣла и багоръ поперекъ ботника положила. Рѣчи ея умиляли меня своей простотой, наивностью и неожиданностями языка, красочнаго, остраго и мѣткаго. Хохоталъ я и готовъ былъ хоть сейчасъ-же подъ вѣнецъ. Прямо не дѣвка, а кладъ золотой!.. Не замѣтили, какъ въ быстрину попали. Опомнились, когда вдругъ и потопленный лѣсъ, и кустарникъ, и островки, и луговыя сѣнницы точно испугались и побѣжали отъ насъ въ разныя стороны. Тутъ мы всполошились и начали борьбу съ уносившимъ насъ теченіемъ. Весло въ моихъ рукахъ переломилось осталась одна рукоятка. Ботникъ повернуло и понесло все быстрѣе...

— Вотъ они, разговоры твои! — ворчала Груня, работая багромъ.

Унесло насъ версты за двѣ и загнало въ потопленный лѣсъ. Тутъ вода словно уставала отъ своей стремительности и отдыхала, прячась въ лабиринтѣ лѣсныхъ колонадъ.

Груня сердилась, бранилась, унижала мое мужское достоинство, однако, видя мою безпомощность, принималась вдругъ хохотать на весь затопленный лѣсъ. Надо сознаться, что я почувствовалъ себя въ полной власти сильной и находчивой дѣвушки и никакого выхода изъ бѣды не находилъ, растерялся, а можетъ быть, даже и струхнулъ. Тихая вода въ лѣсу успокаивала. Груня взяла доску, служившую въ ботникѣ лавочкой, и распорядилась строгимъ голосомъ:

— Пусти меня на корму, а самъ иди сюда багромъ работай!..

Сошлись, а разойтись трудно: того и гляди, ботникъ опрокинется. Обоимъ смѣшно, никакъ не

минуешь объятій! У меня растерянность прошла и стало мнѣ казаться что все, что ни дѣлается — къ лучшему. Я неособенно быстро разошелся съ Груней: прижалъ ее къ груди, и сталъ цѣловать. Она и сердилась и хохотала:

— Будетъ, говорю! Въ воду тебя скину!..

Часа два мы плавали въ лѣсу. Потомъ нѣсколько разъ сидѣли на мели. Закружились и обезсилили... Пока плутали по лѣснымъ трущобамъ, свечерѣло и весь лѣсъ засверкалъ закатнымъ золотомъ и румянцами. Затоковали вокругъ тетерева, засвистѣли крыльями надъ головой утки, жалобно закричали журавли. Сумерки сгущались, а мы блуждали.... Уже отчаялись, какъ вдругъ изъ-за кустовъ выглянулъ кусокъ берега съ подмытыми, висѣвшими на корняхъ, осинами. Груня даже перекрестилась.

— А я ужъ думала, въ ботникѣ заночевать придется...

Подчалились къ берегу, выгрузили броскомъ вещи, помогли другъ другу вылѣзти, спрятали въ осоку ботникъ, снарядились въ путь и пошли. Пойдемъ въ одну сторону, — упремся въ воду, пойдемъ въ другую — опять вода. Туда-сюда, — нѣтъ выхода. Значитъ, — на сотровъ попали. Изустали и вернулись къ ботнику:

— Ботникъ потеряешь, съ голодухи тутъ издохнешь. Сколько хочешь кричи, никто не услышитъ. Лѣшій разя, только... Ладно хлѣба догадалась съ собой прихватить... А все изъ-за тебя, назола! Гуляй вотъ теперь съ тобой по трущобамъ! Какъ волки, а не люди!

— Никакъ, ты плачешь, Груня?

Встала у березы, рукавомъ слезы отираетъ. Смотрю на Груню и мнѣ и радостно — и смѣшно: такая сильная, здоровая дѣвушка, предъ которой я въ борьбѣ съ водяной стихіей казался такимъ без-

помощнымъ, плачетъ, какъ обиженный, подростокъ. Въ этихъ слезахъ было нѣчто отъ вѣчной женственности и потому онѣ трогали и умиляли мою мужнкую душу. Пододвинулся, припалъ головой къ плечу:

— Не плачь!..

— Уйди! Навязался какой... никуда отъ него не дѣнешься...

— Не сердись. Побей лучше!

Улыбнулась сквозь слезы и больно ударила по спинѣ.

— У-у! Такъ- —бы до полусмерти избила... — Посмотрѣла исподлобья.

— Вотъ брошу тебя да уѣду одна. Пропадай тутъ!

Сгущался розовый туманъ надъ водой. Густѣла небесная синева надъ головой, — сумерки ложились въ лѣсныхъ лабиринтахъ. Сильнѣе пахло березой, гніющей листвой и грибомъ. Въ надвигающейся тишинѣ таинственнѣе звучалъ шепотъ водъ. Кричали гдѣ-то печально журавли. Все чаще свистѣли крыльями пролетающія утки. Съ досады приложился и выстрѣлилъ въ налетѣвшихъ криковныхъ: одна свалилась. Селезень! съ золотисто-зеленымъ и голубымъ опереніемъ. Поднялъ, подошелъ къ Грунѣ и погладилъ ее по щекѣ еще теплой и мягкой птицей.

— Садись въ ботникъ, домой поѣду! А то оставайся тутъ...

Раздумала: закатный свѣтъ погасалъ, вода задергивалась бѣлымъ туманомъ. Точно вся земля загорѣлась огромнымъ пожарищемъ. Куда поѣдешь? На пять шаговъ отъ себя ничего не увидишь. Теперь кончено: до солнца утренняго не расплывутся эти туманы. Груня снова сердится, раздражена:

— Что теперь про меня люди подумаютъ! Уѣхала съ бариномъ и всю ночку...

— Что-же, и ты теперь всю ночку до солнышка

злиться на меня будешь? Тогда Богъ съ тобой, я пойду куда-нибудь подальше...

— Вотъ ты какой! Завезъ да и бросилъ дѣвку? Боюсь я одна-то въ этихъ мѣстахъ, въ прошломъ году мужикъ утопъ...

— Да я готовъ тутъ съ тобой навсегда остаться. Никого мнѣ больше не надо. Жили-бы съ тобой, какъ Адамъ съ Евой въ садахъ райскихъ...

— Ты наскажешь! На березѣ, что-ли, ночевать будемъ?.. Я тебѣ не кукушка!..

— Не кукушкой, а... женой будешь.

— Вонъ, вѣдь, куда ты гнешь,! Не бывать этому...

Становилось сыро, холодно, мозгло. Пошли въ глубину острова — искать мѣстечко посуше. Розовато-фіолетовые сумерки плавали въ лѣсу , межъ березами и осинами. Вспархивали, пугая, малыя птахи. Заклохталъ испуганно сорвавшійся гдѣ-то близко пѣтухъ-тетеревъ и Груня шарахнулась въ сторону:

— Ахъ, ты!.. Ровно Лѣшій захохоталъ...

Пошли взгорьемъ и скоро набрели на сухое и уютное мѣстечко, словно самой природой приготовленное для логовища: на песчанномъ бугрѣ стояло нѣсколько старыхъ взлохмаченныхъ елей, одинокимъ семействомъ затерявшихся среди березняка. Тутъ, подъ елями, была глубокая ямина, дно и бока которой были устланы толстымъ слоемъ опавшей годами хвои.

— Ну, Груняха... здѣсь, что-ли?

Вздохнула, сбросила съ плеча мѣшокъ и прошептала:

— Что только про меня люди подумаютъ...

— Наплевать, Груня.

— Вишь, ты какой... расплевался! Ты завтра ружье — за спину, да и поминай тебя, какъ звали, а я останусь. Не дай Богъ, если охотникъ какой,

мужикъ, насъ тутъ накроетъ: на всю жисть осрамятъ...

Присѣла, переобулась въ валенки, на голову красный кумачевый платочекъ надѣла, накинула на плечи тулупъ. Сидитъ-пригорюнилась. Точно Красная Шапочка! Всѣ сказки вспомнились и еще Робинзонъ Крузэ: я — Робинзонъ, а Груня — Пятница. Мой Пятница интереснѣе... Я рубилъ топорикомъ огромную сухую смолистую вѣтку, — трескъ и звонъ несся по лѣсу, а я хохоталъ, поглядывая на моего «Пятницу»...

— Что какъ лѣшій хохочешь? Чему обрадовался?

Разожгли костеръ еловыми шишками, навалили сухого валежника. Взвилось, закрутилось вихремъ пламя, смолистый дымъ пополъзъ по лѣсу, заиграли красные отсвѣты по деревьямъ, по мхамъ, по красному платочку Груни, а вокругъ со всѣхъ сторонъ черная ночь пододвинулась и съ молчаливымъ удивленіемъ посматривала на насъ съ Груней...

Нанесло ржанымъ печенымъ хлѣбомъ. Оглянулся: Груня отвернулась, ѣстъ что-то. Страшно вдругъ ѣсть захотѣлось. Давно хотѣлось, а только теперь вспомнилъ и почувствовалъ волчій аппетитъ. Запасливая дѣвка! Подсѣлъ, руку- — на спину ей, подружески, перекинулъ:

— Дашь, что-ли хлѣбца-то?

— Кабы знала, побольше взяла-бы... Подѣлиться, видно, надо...

Отломила кусокъ отъ краюшки.:

— На ужъ... что съ тобой сдѣлаешь!.

Никогда въ жизни не ѣлъ больше такого душистаго и вкуснаго чернаго хлѣба. Попадались въ немъ ржаныя зерна и точно я ѣлъ не хлѣбъ, а землю съ ржанымъ полемъ, а въ немъ и васильки, и голубые колокольцы, и медвяная кашка. Съѣлъ, смотрю

на Груню: Боже мой, прямо лѣсная красавица! ткнулся головой ей въ грудь — тоже точно ржаное поле. Оттолкнула, смѣется:

— Чай, не ребеночекъ соваться-то туда!

Глаза смѣются, сверкаютъ зубы въ раскрытыхъ губахъ. И мнѣ радостно смотрѣть на нее: хохочу, самъ не зная отъ чего. Несется нашъ хохотъ по лѣсу, странный, пугающій ночную темноту вокругъ, эхомъ отраженный. Опять подсѣлъ, страшное сталъ разсказывать: про русалокъ, оборотней, лѣсачихъ. Груня пугливыми глазами осматривается, прислушивается:

— Мнѣ все чудится, будто идетъ кто...

Сидѣли, прижавшись другъ къ другу, говорили тихо, шепотомъ. Груня разсказала про одну вдову изъ Подгорнова: мужа на войнѣ убили, а онъ къ ней кажнюю ночь ходитъ: упадетъ снопомъ огненнымъ на дворѣ и разсыпится, а на мѣсто того — солдатъ, мужъ ея...

Догорѣлъ костеръ. Зажгли фонарь. Я сталъ логово для ночлега готовить: головяшки выкинулъ, угли выгребъ, нарубилъ свѣжихъ вѣтокъ еловыхъ и забросалъ ими дно. Спрыгнулъ въ яму, попрыгалъ: мягко, точно на диванѣ съ пружинами..

— Ну, Груня, иди ложись и спи!

— И не подумаю... Всю ноченьку просижу, а не лягу...

— Мѣста много...

Смѣется, сверкая зубами:

— Вонъ у меня веревка въ мѣшкѣ: давай тебѣ руки-ноги свяжу, тогда съ собой положу....

— Что я, разбойникъ, что-ли?

— Поклянись, что не обидишь!

— Вотъ тебѣ крестъ!

Я неистово перекрестился въ небеса.

— Ну, смотри-же! Крестъ покрѣпче веревки-то... Иди ложись, а я посижу маленько.

Осталась около фонаря. Я прыгнулъ въ ямину. Тепло, попахиваетъ дымкомъ, смолой, пихтой, точно въ свѣжесрубленной избѣ на палатяхъ. Только теперь, вытянувшись во всю длину, я почувствовалъ какъ я за день находился, натрудилъ руки и ноги, всѣ мускулы. Пріятная истома побѣжала по всему тѣлу, — точно засмѣялось оно отъ удовольствія и радости. Лежалъ на спинѣ и смотрѣлъ въ темносинюю высоту. Мигали звѣзды, тихо покачивались мохнатыя лапы елей, медленно проплывало темное облако, похожее на клубы пароходнаго дыма. Чудилось, что я плыву по синимъ морскимъ безднамъ вмѣстѣ съ этимъ облакомъ. Шепталися лѣсъ, ворковалъ гдѣ-то, какъ горлинка ручей, точно сказку разсказывалъ котъ-мурлыка... И вздохи вѣтерка въ еляхъ, и шепотъ лѣса, и бульканье ручья, и смолистый ядреный воздухъ, — все пьянило и баюкало душу особенной весенней лаской, отъ которой губы складывались въ улыбку, а глаза закрывались. Ждалъ Груню... Вздрагивалъ, прислушивался и снова закрывалъ глаза... Не замѣтилъ, какъ заснулъ: приснилось, что уже пришла и, прижавшись ко мнѣ, шепчетъ и цѣлуетъ горячими губами въ губы... и пахнетъ отъ нея то печенымъ ржанымъ хлѣбомъ, то полевыми цвѣтами, то свѣжесрубленной сосновой избой...

Проснулся на разсвѣтѣ отъ холода... Гдѣ-же Груня? Присѣлъ, оглядѣлся по сторонамъ: прикрывшись тулупомъ, свернувшись комочкомъ, у меня въ ногахъ лежитъ Груня. Кусочекъ краснаго платочка выглядываетъ изъ-подъ овчины... Переползъ къ ней, осторожно пріоткрылъ овчину: спитъ! на лицѣ блаженная улыбка, губы полураскрыты, сверкаютъ зубы, прядка волосъ змѣйкой легла на рас-

краснѣвшуюся щеку. Дышетъ ровно, глубоко и, въ тактъ дыханію, шевелится, какъ живая, грудь дѣвичья...

Только разъ успѣлъ поцѣловать! Очнулась, оттолкнула, и испуганно метнувшись, вскочила на ноги.

— Груня! Испугалась! Что ты! Милая...

Улыбнулась и перекрестилась:

— Нехорошее приснилось... Вотъ заспалась! И не пойму сперва-то: не знай, — сонъ это, не знай, — наяву...

— Куда ты?

— Къ ручью... умываться. Солнышко встаетъ, идти надо...

Сбросивъ на меня тулупъ, убѣжала. Я снова легъ, прикрывшись овчиной. Какъ полая вода, затопляла меня сладостная тревога; какъ потокъ металась и бурлила кровь, толкаясь въ сердце, въ виски, въ уши, гудѣла звономъ въ ушахъ, палила лицо огнемъ, мѣшала дышать...

Проспалъ!..

Долго не возвращалась Груня. Всходило солнышко. Румянились и золотились небеса, стволы елей, капли воды на вѣткахъ. Гдѣ-то жалобно кричали журавли... Зазвенѣла вдали дѣвичья пѣсенка! Идетъ! Перестала пѣть, смѣется на весь лѣсъ. —

— Знаешь, что я тебѣ скажу? .. Неиначе, какъ насъ съ тобой Лѣшій завертѣлъ!

Смѣется и разсказываетъ. Оказалось, что мы — не на островѣ, а въ Подгорновской рощѣ, версты нѣтъ до деревни-то. И пройти можно, не замочивъ ноги...

— Вставай! будетъ нѣжиться-то! Баринъ!

Стянула съ меня тулупъ, стала торопливо снаряжаться въ путь.

— За мной не ходи: люди увидятъ, осрамятъ на всю округу...

— Погоди-же маленько! Неужели такъ вотъ и разойдемся?

— А какъ тебѣ еще надо?

— Поцѣлуй, хоть, на прощанье-то!..

Груня пріостановилась, оглядѣлась по сторонамъ:

— Ну, ладно... Только никому не сказывай... А то придешь охотиться на мельницу, коромысломъ изобью... Да будетъ ужъ! будетъ, что-ли...

Вырвалась и убѣжала... Провожалъ ее взглядомъ и ждалъ, не оглянется-ли?.. Нѣтъ, не оглянулась! Въ фіолетовыхъ сумеркахъ весенняго утра ярко краснѣлъ въ деревьяхъ ея кумачевый платочекъ, то пропадалъ, то вновь появлялся. И вотъ исчезъ... Точно непойманное счастье!

А журавли все кричатъ, жалобно, жалобно. Словно оплакиваютъ мое убѣжавшее счастіе...

— Эхъ, Груня, Груня!..

Подтянулъ сапоги, вскинулъ ружье за спину, надвинулъ на затылокъ фуражку и пошелъ, самъ не зная куда,... Шелъ, и, стараясь заглушить тоску и досаду, громко пѣлъ:

Наша жизнь коротка, все уноситъ съ собой..
Наша юность, друзья, пронесется стрѣлой..

***

Пронеслась юность, улетѣла молодость, къ концу подходитъ и сама жизнь... А какъ весна, такъ и всплываетъ въ памяти мартовскій Водолей, мельница, пламенные закаты и восходы, лодочка, лѣсъ потонувшій, крики журавлинные да красный платочекъ на дѣвичьей головѣ. Потускнѣло въ памяти лицо дѣвушки, одинъ платочекъ краснѣетъ. И вотъ еще крѣпко запомнилось, какъ отъ грунинныхъ губъ ржанымъ печенымъ хлѣбомъ пахло!

Прага, 1927

СНѢГУРОЧКА.

Дѣтство — сказка, а мы разучились вѣрить во всѣ сказки! Въ дѣтствѣ дѣйствительность и сказка такъ тѣсно переплетаются между собою, что ихъ не распутаешь.

Вспомнилась мнѣ одна такая сказка — быль изъ своего дѣтства.

Мнѣ было лѣтъ восемь, когда отецъ получилъ какое-то наслѣдство, бросилъ постылую службу и мы переселились изъ деревни въ большой губернскій городъ. До этого времени вся моя маленькая жизнь протекала въ селахъ и, конечно, самый городъ показался мнѣ чудомъ. Такіе огромные дома! — точно для великановъ .Такое множество огромныхъ оконъ, таинственно свѣтящихся въ темнотѣ, заваленныхъ множествомъ невиданныхъ предметовъ! Такое множество людей, которые всѣ куда-то торопятся, бѣгутъ, ѣдутъ, толкаются. Столько церквей, столько колокольнаго звона! И столько улицъ! Кажется, что никогда не выйдешь изъ города, сколько ни ходи. И страшно: уйдешь, заплутаешься и никогда не найдешь своего дома, папы съ мамой, братишекъ и сестренку... Какъ огромное чудовище — городъ послѣ деревни: шумитъ, грохочетъ, кричитъ. Я былъ настоящій дикаренокъ, выросшій на лонѣ безхитростной прямодушной природы, совсѣмъ невыдрессированный для городской культуры, при-

выкшій къ обществу крестьянскихъ мальчишекъ и дѣвчонокъ, такихъ же дикарей, какъ я. А тутъ такія нарядныя, важныя дѣти, точно маленькіе взрослые карлики и говорятъ и ведутъ себя, какъ большіе. Страшно подойти и заговорить: такія важные и гордые!

Изрѣдка папа или мама брали меня съ собой: сажали на извозчика и мы безконечно долго ѣхали по улицамъ, безконечно сворачивали все въ новые и новые улицы и переулки, и я удивлялся, какъ извозчикъ не заплутается. Жутко было! Безпомощно. Но такъ любопытно, словно слушалъ страшную сказку объ Иванѣ-Царевичѣ, отправившемся на поиски прекрасной королевны, и спасавшемся отъ преслѣдованій и козней Бабы-Яги. Очень боялся будочниковъ, стоявшихъ на площадяхъ и перекресткахъ: мнѣ казалось, что они могутъ, какъ цари, дѣлать съ людьми все, что захотятъ. Могутъ даже казнить. А когда мы, слѣзши съ извозчика, попадали въ гостиный дворъ, тутъ ужъ я окончательно погружался въ міръ чудесъ и сказокъ... Что ни окно, то чудо!

Меня стали передѣлывать въ культурнаго мальчика. Одѣли, обстригли, наняли нѣмку-гувернантку. Учили, какъ сидѣть, какъ кушать, какъ здороваться, шаркать ножкой и что при этомъ говорить. Воспретили произносить очень много словъ изъ моего лексикона, сверкавшаго всѣми перлами мужицкаго образнаго и красочнаго языка. Мука! И невыносимо скучно. Нельзя обругаться даже дуракомъ или свиньей! Непремѣнно надо плевать въ платокъ, а платокъ въ сумочкѣ, а сумочку забылъ надѣть. Нельзя драться, громко хохотать, показывать кукишъ, пѣть деревенскія пѣсни. А все забываешь, что нельзя. Вспомнишь, а ужъ поздно:

— Ты опять ругаться?.. Въ уголъ!

Жили мы въ огромномъ домѣ, съ огромнымъ дворомъ, а на этомъ дворѣ было еще нѣсколько домовъ. На третьемъ этажѣ. Лѣзешь-лѣзешь, точно на нашу колокольню въ сельской церкви. И все-бы ничего, да вотъ проклятая нѣмка, которую наняли! Надоѣдаетъ, бормочетъ, а ты понимай! Хорошо, что не одинъ я папался ей въ лапы, а есть еще братишки да сестренка, поменьше меня. А то-бы измучила!

Былъ я мальчикъ влюбчивый. Прежде всего влюбился въ свою маму. Это было, когда жили еще въ деревнѣ. Влюбился, какъ въ женщину!

— Мамочка! Я хочу на тебѣ жениться!

Мама смѣялась, папа хохоталъ, но кончилось это для меня драмой: я проявлялъ настоящую ревность къ отцу и однажды со злостью изобличилъ мать:

— Я знаю, ты цѣлуешься съ папой! Я замѣтилъ... Не буду на тебѣ жениться!

И я расплакался. Вмѣсто утѣшенія я получилъ отъ отца нѣсколько шлепковъ и простоялъ около часа на колѣняхъ въ углу, за его письменнымъ столомъ. Помню, что моя влюбленность въ маму, хотя и была чиста, но въ ней были всѣ психологическія черты смутныхъ предчувствій пола.

Былъ я еще влюбленъ въ деревенскую дѣвчонку Дуньку. Курносенькая, задорная, съ голубыми глазенками, сестренка мальчишки Гришки, моего деревенскаго пріятеля. Я кормилъ ее припрятанными сластями, сдобными булочками и однажды заявилъ ей:

— Хочешь, давай жениться!

— Дуракъ ты какой... Мы, чай, маленькіе еще... Насъ и попъ не обвѣнчаетъ.

— Все равно. Можно безъ попа.

— А какъ?

— Давай будемъ цѣловаться...

Мы прятались на огородѣ, въ высокой травѣ, и цѣловались. Однажды насъ поймалъ мужикъ-старикъ и Дуньку больно побилъ, а мнѣ пригрозилъ только потому, что побоялся тронуть «барчонка», какъ звали меня въ деревнѣ мужики и бабы. Дунька бѣжала и ревѣла, а ея дѣдушка приговаривалъ:

— Я тебѣ, стерва, всю шкуру спущу! Гляди, чего дѣлаетъ!.. Чуть отъ земли видно, а она съ парнишками играетъ... Я тебя крапивой высѣку, долго будешь помнить...

Все это было уже теперь далеко, въ туманѣ, ибо городъ окончательно отодвинулъ деревню и всѣ деревенскія воспоминанія. Каждый день тысяча новыхъ впечатлѣній, тысяча «арабскихъ сказокъ»! Всѣ Гришки, Мишки, Дуньки и Груньки отошли въ область преданій. Но влюбчивость осталась со мной... И скоро воплотилась въ новыхъ формахъ и образахъ...

Пониже насъ этажемъ жило великосвѣтское семейство князя Х. Самое слово «князь» для меня казалось тогда — страшнымъ по своей значительности. Это слово путалось въ моемъ представленіи со словомъ «царь» и думалось, что всякій князь непремѣнно-родственникъ царя и потому всемогущій, какъ Богъ, человѣкъ. И вотъ однажды — помнится, незадолго до Рождества — я увидалъ дочь князя Х., дѣвочку лѣтъ десяти, золотистую блондиночку, одѣтую во все бѣлое. Точно нарядная куколка! Она выходила изъ дверей квартиры въ сопровожденіи нарядной дамы, съ которой говорила на непонятномъ языкѣ, но не на томъ, которому меня учила наша нѣмка. По всей вѣроятности, на французскомъ, Я сбѣгалъ съ лѣстницы съ санками и, поровнявшись съ ними, остановился и буквально разинулъ ротъ отъ изумленія и страха: вотъ она, княжеская дочь какая!... Вся бѣлая! Какъ снѣжная царевна!

Какъ Снѣгурочка! Смотрѣлъ вслѣдъ, потомъ перегнулся черезъ перила лѣстницы и провожалъ взоромъ восхищенія и почтительности. Гордая: даже не обернулась на мой вызовъ. Я, помнится, что-то выкинулъ для того, чтобы обратить вниманіе на себя ея сіятельства: свистнулъ или крикнулъ что-то..

Влюбился я съ перваго взгляда въ эту Снѣгурочку. Прибѣжавъ домой, я восторженно объявилъ мамѣ:

— Ура! Я видѣлъ княжескую дочь!

— Почему ты такъ запыхался и вытаращилъ глаза?

— Уфъ! говорю, — царскую дочь видѣлъ...

— Какую царскую дочь?

— Да подъ нами живетъ...

И вотъ я началъ сторожить на лѣстницѣ каждый день. Стоялъ наверху, заглядывалъ внизъ на завѣтную дверь и прислушивался. Таинственная, страшная дверь! Тамъ живетъ княжеская дочь. Такъ хотѣлось-бы увидать ее! Но когда слышался шумъ, голоса и дверь звенѣла отпираемымъ замкомъ, мною овладѣвалъ трепетъ и я бѣжалъ постыдно выше и, прижавшись къ стѣнѣ, не дышалъ.

— Мамочка...

— Ну! Что скажешь?

— А можетъ княжеская дочь жениться на мнѣ?

— Ахъ, не болтай, пожалуйста, глупостей!

А я тосковалъ, потому что былъ безумно влюбленъ въ мимолетно встрѣченную дѣвочку. Блуждалъ на дворѣ и старался угадать окна своей возлюбленной. Нѣмка запрещала мнѣ смотрѣть въ окна и бранила меня по нѣмецки, а я полушепотомъ ругалъ ее по русски самыми обидными деревенскими словами и она не понимала:

— Васъ шприхстъ ду? Васъ? Васъ?

— Кислый квасъ!

— Васъ истъ дасъ?

— Дура разъ, дура — два-съ, кислый квасъ...

— Васъ? Васъ? Васъ?

Подъ Рождество былъ снѣжный буранъ и навалило высокіе сугробы снѣга. Снѣгъ былъ пушистый, мягкій и липкій. На дворѣ шла горячая работа: множество дѣтей работали со снѣгомъ. Я успѣлъ уже познакомиться съ нѣкоторыми мальчиками попроще и вошелъ въ ихъ артель. Мы играли въ снѣжки, потомъ начали строить снѣжную крѣпость. Прорыли лабиринтъ узенькихъ коридоровъ въ сугробахъ, а наверху — башни и стѣны. Была въ крѣпости большая квадратная пещера, гдѣ сидѣлъ царь, съ которымъ вели войну. Меня выбрали царемъ и я гордо возсѣлъ на снѣжномъ престолѣ. Сражались долго, пока не поссорились и не подрались и были разведены старшими по домамъ. Помню вторую неожиданную встрѣчу съ княжной:

Нѣмка вела меня домой. Я не успѣлъ даже снять регалій своего царскаго достоинства: на моей головѣ такъ и осталась бумажная золотая корона!..

И вотъ въ такомъ-то видѣ я и встрѣтился снова на лѣстницѣ съ моей возлюбленной, а вѣрнѣе — съ моей бѣлой мечтой, голубоглазой, и злотокудрой Снѣгурочкой. При видѣ меня дѣвочка звонко расхохоталась и застыла на мѣстѣ. Засмѣялась и дама, сопровождавшая Снѣгурочку. Она попридержала меня за рукавъ и спросила что-то на непонятномъ языкѣ, сперва нѣмку, потомъ меня. Нѣмка отвѣтила что-то по нѣмецки. Дама показала рукой на мою голову. Тутъ я понялъ, въ чемъ дѣло:

— Я царь!

Снѣгурочка мнѣ улыбнулась и спросила, какъ меня зовутъ...

— Евгеній!

И вдругъ дѣвочка сказала по русски:

— Такихъ царей не бываетъ...

— А ты — Снѣгурочка! — крикнулъ я и побѣжалъ вверхъ и по лѣстницѣ.

Такъ я познакомился съ княжной. Теперь я уже смѣлѣе мечталъ о нашей женитьбѣ. Она сама со мной заговорила и смѣялась мнѣ: значитъ я ей очень понравился... Но тщетно я искалъ новыхъ встрѣчъ. Бродилъ по лѣстницѣ, по двору, уединялся въ снѣжную крѣпость, садился на тронъ и мечталъ: я царь, а она — царица, моя жена. Стояли теплые дни. Снѣгъ становился все мягче и пышнѣе. Свои мечты я старался излить въ форму, въ образъ. Я слѣпилъ изъ снѣга «Снѣгурочку» рядомъ съ моимъ тономъ и она казалась мнѣ очень похожей на дѣвочку, княжну изъ второго этажа. Мы женились и живемъ въ царскомъ замкѣ. Я царь, а она — царица. Я говорилъ съ ней на французскомъ языкѣ, употребляя наборъ безсмысленныхъ словъ, и цѣловался... Моя мысль всегда устремлялась въ снѣжную пещеру. Я не выдержалъ и подѣлился съ родителями своимъ счастьемъ:

— У меня есть жена... Княжеская дочь женилась на мнѣ, мамочка!..

По ночамъ мнѣ снилась бѣлая сказка и въ ней два образа, живой и искусственной Снѣгурочки, путались.

А кончилось все трагедіей, ибо и у дѣтей она случается: дѣти переживаютъ остріе и радости и горести, хотя и мимолетнѣе онѣ у нихъ, чѣмъ у взрослыхъ . Я прихворнулъ и нѣсколько дней меня не выпускали изъ комнатъ. А когда, наконецъ, меня выпустили, то было поздно: все пгибло!.. Все!..

На двери подъ нами была карточка незнакомой фамиліи: князья переѣхали. А снѣжный замокъ, царскій тронъ и Снѣгурочка растаяли.

Прага. 1924 г.

ПОЛКОВНИКЪ.

Я перешелъ во второй классъ гимназіи и пріѣхалъ на все лѣто въ маленькій городокъ на Камѣ, гдѣ служилъ мой отецъ и жила вся наша семья.

Не знаю почему, послѣ Казани, гдѣ я учился, въ этомъ городкѣ я почувствовалъ себя значительной персоною и держался очень гордо въ своей новенькой гимназической формѣ. Мой мундирчикъ съ серебрянымъ галуномъ по воротнику и съ такими же пуговицами былъ всегда застегнутъ и аккуратно обтягивалъ мою грудь и спину — я это чувствовалъ всѣмъ тѣломъ. Гимназическая кепка, съ серебрянымъ лавровымъ вѣнчикомъ вмѣсто кокарды, всегда была надѣта молодцевато, набекрень. Сапоги блестѣли. Чувствовались будущіе усы. При встрѣчахъ со знакомыми я не снималъ кепки, а отдавалъ честь «подъ козырекъ» и пристукивалъ ногой объ ногу. Мнѣ казалось тогда, что въ гимназической формѣ я похожъ на офицера, а офицеръ казался мнѣ тогда идеаломъ мужского совершенства...

Въ городкѣ стоялъ небольшой гарнизонъ — воинскій начальникъ, два офицера, два фельфебеля, двѣ роты солдатъ, нѣсколько военныхъ писарей, человѣкъ 12 музыкантовъ. Въ царскіе дни, послѣ поздней обѣдни, на городской пыльной площади, около собора, устраивались парады. Эти парады были пріятнымъ развлеченіемъ въ городкѣ,

гдѣ никогда ничего интереснаго не происходило, а потому въ такіе дни на площади было всегда людно, шумно и весело, какъ на ярмаркѣ. На этихъ парадахъ можно было встрѣтить всю культурную публику городка, семейными стайками прогуливавшуюся въ пестрой толпѣ разодѣтыхъ по праздничному ротозѣевъ обоего пола и разныхъ возрастовъ. Мальчишки сбѣгались сюда со всего города и, конечно, я всегда былъ между ними. Два ротныхъ командира, оба красивые и молодые, въ олимпійскимъ величіемъ носившіе свою форму, были предметомъ вниманія всѣхъ нашихъ скучающихъ по женихамъ барышень и предметомъ нашей ребьячей зависти.

Мнѣ страстно захотѣлось сдѣлаться офицеромъ. Я набралъ свору городскихъ мальчишекъ, устроилъ изъ нихъ роту и самъ себя назначилъ ротнымъ командиромъ. Вѣдь, гимназическій мундиръ, опоясанный стащеннымъ у сестры лакированнымъ ремнемъ, кепка съ околышемъ изъ красной сестриной ленты, игрушечная жестяная сабля и револьверъ, стрѣляющій бумажными пистонами, картонные оклееные золотой бумагой погоны на плечахъ, — развѣ не давало все это мнѣ исключительнаго права на командованіе разношерстной, часто босой, командой? Помимо того, въ моемъ распоряженіи былъ барабанъ, бубенъ, гармошка, дудка, два мѣдныхъ тазика, предназначенныхъ для плевательницъ, но обращенныхъ мной въ литавры, — словомъ полный асортиментъ музыкальныхъ инструментовъ для военнаго оркестра. Мальчишки понадѣлали себѣ деревяныхъ ружей со штыками, нацѣпили на спины самодѣльные ранцы, привязали къ поясамъ отслужившіе службу жестяные чайники и кастрюльки. На лужайкѣ нашего двора началось ежедневное строевое ученіе и, спустя недѣлю, я нашелъ уже возможнымъ водить свою роту по

улицамъ городка въ стройномъ порядкѣ, съ музыкой и пѣснями, рождая восхищеніе во всѣхъ мѣстныхъ патріотахъ и зависть во всемъ ребьячемъ населеніи городка. Каждый день моя рота возрастала, пополняясь приходящими добровольцами и, когда мнѣ сдѣлалось уже трудно справляться съ оравой въ сорокъ человѣкъ, я назначилъ сына дьячка, Петьку, и сына нашего лавочника, Сему, ротными командирами, отдавъ подъ команду каждаго по двадцати человѣкъ, а себя объявилъ полковникомъ!.. Два ротныхъ и два фельдфебеля помогали мнѣ поддерживать строгую дисциплину въ моемъ полку. Появилось у насъ и полковое знамя. Въ царскіе дни я водилъ свой полкъ на городскую площадь, къ собору, и тамъ, расположившись противъ выстроеннаго гарнизона, мы въ точности копировали парадъ. При встрѣчѣ съ воинскимъ начальникомъ я командовалъ: «Смир-но.. На краулъ», а воинскій начальникъ отвѣчалъ намъ: «Здорово, молодцы!» Тогда мы дружно и взрывчато кричали въ сорокъ голотокъ:

— Здравія желаемъ, ваше высоко-благородіе!

Поднимая ногами облака пыли, мы маршировали по улицамъ, то подъ барабанъ, то подъ музыку, то подъ бравую солдатскую пѣсню, а за нами бѣжали мальчуганы и дѣвченки. Въ окна смотрѣли жители, встрѣчные торопились давать намъ дорогу. Я, полный гордаго величія, со сверкающей на солнышкѣ жестяной саблей на боку, съ револьверомъ на поясѣ, шелъ впереди и чувствовалъ себя невыразимо счастливымъ... Ни одинъ настоящій полковникъ никогда не чувствовалъ себя такъ радостно, какъ чувствовалъ себя тогда я, двѣнадцатилѣтній мальчишка! Однажды въ царскій день, когда мы, по обыкновенію, выстроились на площади для парада, ко мнѣ подошелъ деньщикъ воинскаго на-

чальника и, отдавая мнѣ честь, очень почтительно сказалъ:

— Такъ что господинъ воинскій начальникъ приказали вамъ послѣ парада слѣдовать къ своей фатерѣ, къ воинскому, значитъ, присутствію!

Я испугался отъ неожиданности, но не исполнить приказанія настоящаго полковника не рѣшился. Будь, что будетъ!..

Послѣ парада мы двинулись слѣдомъ за гарнизономъ. Какъ только обрывалась гарнизонная музыка — начиналъ играть нашъ оркестръ; едва солдаты кончали пѣсню, — начинали мы. Наше шествіе сопровождала огромная толпа взрослыхъ и маленькихъ зѣвакъ. Зрѣлище было умилительное и взбаломутило весь городокъ. Вмѣстѣ съ гарнизономъ мы влились въ распахнутые ворота воинскаго присутствія и очутились на огромномъ дворѣ, посреди котораго поднимались наскоро сколоченные изъ досокъ столы и лавки: праздничное угощеніе для нижнихъ чиновъ, Вышелъ на крыльцо воинскій начальникъ, я скомандовалъ:

— Смирно! На краулъ!

Въ полной тишинѣ мы выслушали вмѣстѣ съ гарнизономъ небольшую патріотическую рѣчь воинскаго начальника, прокричали «ура» государю императору и, по распоряженію офицера, заняли одинъ изъ длинныхъ столовъ. Что было потомъ я не знаю, потому что появившійся изъ квартиры воинскаго начальника деньщикъ потребовалъ меня въ комнаты...

— А-а, господинъ полковникъ. Милости прошу... Очень радъ!

И не успѣлъ я опомниться, какъ появившійся въ дверяхъ воинскій начальникъ подхватилъ меня за талію и повлекъ въ залъ, гдѣ, кромѣ двухъ офицеровъ, было немало гостей изъ мѣстнаго служила-

го общества. Тутъ онъ меня представлялъ, совершенно серьезно называя меня полковникомъ и, когда знакомилъ съ офицерами, съ поручикомъ и подпоручикомъ, то тѣ, изображая младшихъ по чину, вытягивались, опуская головы и пристукивая ногами, какъ дѣлалъ и я. Всѣ интересовались моимъ полкомъ, успѣхами строя, распрашивали меня о личныхъ заслугахъ и орденахъ, которыми была украшена моя грудь Я уже переставалъ смущаться и вралъ безъ запинки. Не такъ давно была русско-турецкая война и я былъ достаточно освѣдомленъ о ней, потому что въ нашемъ домѣ было много иллюстрированныхъ журналовъ того времени, а въ нихъ множество описаній разныхъ славныхъ дѣлъ и геройскихъ подвиговъ русской арміи на Балканахъ. И вотъ я припоминалъ прочитанное и смѣло удовлетворялъ любопытство окружающихъ:

— За что получили орденъ?

— За атаку подъ Плевной.

— Вотъ какъ! Вы были ранены?

— Трижды: въ голову, въ животъ и въ грудь! Навылетъ!..

— И не умерли?

— Никакъ нѣтъ! Пуля до сихъ поръ сидитъ у меня въ головѣ.

— И не мѣшаетъ?

Никакъ нѣтъ!..

Я говорилъ совершенно серьезно и немного смутился, когда вдругъ всѣ засмѣялись, но воинскій начальникъ вывелъ меня изъ затруднительнаго положенія: онъ взялъ меня подъ руку и повлекъ въ сосѣднюю комнату. Когда я поднялъ глаза, я увидалъ полную даму, хлопочащую около накрытаго для завтрака стола.

— Позвольте познакомить: моя жена!

— Полковникъ Широковъ!

Дама ласково улыбнулась и сказала: «Очень очень пріятно! Я такъ много о васъ слышала и только сегодня увидала вашъ полкъ». Въ этомъ моментъ въ столовую влетѣла прехорошенькая дѣвочка лѣтъ десяти, съ вьющимися по плечамъ золотистыми локонами, съ большими синими глазами, вся бѣлая, напоминавшая дорогую куклу. Увидавши меня, она страшно смутилась, покраснѣла и повернула, было, вспять, но мать остановила ее:

— Лена! Куда ты?

Лена пріостановилась, обернулась и потупилась.

— Вотъ познакомься: полковникъ Широковъ! Займи гостя... Идите въ гостиную!

Лена сдѣлала мнѣ реверансъ, я пристукнулъ ножками, звякнувъ привязанными къ сапогамъ бубенчиками вмѣсто шпоръ, и склонилъ обстриженную бобрикомъ голову. Нѣсколько мгновеній мы стояли другъ передъ другомъ въ смущеніи.

— Идите въ гостинную...

Лена пошла впереди, я — за нею. Я давно уже, бывая въ соборѣ за обѣдней и всенощной, замѣтилъ эту изумительную красавицу и давно тайно мечталъ на ней жениться, и вотъ... какъ съ небесъ свалилась неожиданное счастье! Мать шла слѣдомъ за нами, усадила насъ въ кресла и ушла. Мы долго сидѣли потупившись. Лена теребила бахромку мебельной обивки, я игралъ кисточкой своей жестяной саблч. Потъ градомъ катился съ моего лба и капельками скакалъ съ носа на мундирчикъ. Наконецъ, я вздохнулъ и произнесъ.

— Такая, знаете, жара, какъ въ Африкѣ.

— А вы тамъ, были? — спросила моя дама, поднявши на меня свои синіе глаза.

Никогда не видалъ такихъ глазъ! Вспомнилъ всѣ сказки съ принцессами и королевнами.

— Это извѣстно изъ географіи. Тамъ водятся львы, тигры и... прочія животныя.

— Крокодилы тамъ. — прошептала Лена — такіе длинные-длинные, похожія на ящерицъ...

— Глотаютъ человѣка, — добавилъ я, а Лена кивнула головкой и добавила:

— У папы есть портсигаръ изъ крокодиловой кожи.

— А были вы когда-нибудь въ театрѣ на «Африканкѣ»?

— Нѣтъ.

— Тамъ есть африканская жещина... Чернокожая... ну, вотъ, въ родѣ моего кушака.

Я подумалъ и прибавилъ глубокомысленно.:

— Никогда не женился-бы на черной женщинѣ...

Посмотрѣлъ на Лену и вздохнулъ. Конечно, я женился бы только на моей прекрасной сосѣдкѣ.

— А я васъ видѣла въ соборѣ...

— И я васъ видѣлъ...

Лена благосклонно посмотрѣла на меня и сказала;

— Хотите: я вамъ подарю золотую звѣзду... отъ елки? Можно пришпилить сюда...

Лена выпорхнула изъ гостинной и быстро вернулась съ золотой звѣздой на петелкѣ. Подошла, нагнулась и пришпилила звѣзду на мою грудь.

Въ этотъ моментъ въ гостинной появился поручикъ Орловъ, въ котораго были влюблены всѣ барышни нашего городка, и очень хмуро произнесъ:

— Вотъ какъ! Не ожидалъ...

Лена вспыхнула до ушей и виновато засмѣялась. Я приподнялся съ кресла и растерянно мялся на мѣстѣ, а поручикъ Орловъ произнесъ: «Имѣйте

въ виду, господинъ полковникъ, что Лена — мон невѣста» и, круто повернувшись, пошелъ изъ гостиной.

— Неправда, неправда!..

Страшное смущеніе Лены, приподнятый тонъ голоса поручика Орлова, тонъ слишкомъ серьезный для шутки, зародили въ моей влюбленной уже душѣ тяжелое сомнѣніе.

— Когда вы станете большой, онъ будетъ старый.. — произнесъ я, нарушивъ неловкое молчаніе...

— Онъ болтаетъ глупости... Мы играли въ почту и я пошутила: написала ему «да»... Съ тѣхъ поръ онъ и пристаетъ...

Лена оправдывалась и это еще сильнѣе бередило мою душу. Насъ позвали къ завтраку и усадили рядомъ. Всѣ обратили вниманіе на новый орденъ, возсіявшій на моей груди, и поручикъ Орловъ, выдалъ тайну его происхожденія:

— Орденъ «Прекрасной Елены»!

Взрослые люди безжалостны и нечутки по отношенію къ дѣтской душѣ. Они забываютъ, что мы, дѣти, одарены такимъ-же, если не болѣе чувствительнымъ, самолюбіемъ, гордостью, чувствомъ собственнаго достоинства. По моему адресу посыпались со всѣхъ сторонъ шуточки и насмѣшки, на насъ съ Леной стали изощрять свое остроуміе взрослые, особенно этотъ поручикъ Орловъ. О, какъ я ненавидѣлъ этого господина, заставлявшаго меня то блѣднѣть, то краснѣть!

— Вѣрите вы, полковникъ, въ вѣчную любовь?

Конечно, я вѣрилъ, что никогда въ жизни не разлюблю Леночки, но поручикъ Орловъ тронулъ мою глубочайшую стыдливую тайну. Я покраснѣлъ, капелька пота скатилась съ моего носа и капнула въ тарелку. Я пожалъ плечами, какъ всегда дѣлалъ

мой папа, когда не зналъ что сказать, а поручикъ не отставалъ:

— Не вѣрьте, полковникъ женщинамъ! Плачутъ, смѣются, въ любви клянутся и измѣняютъ намъ такъ-же шутя. Вотъ, напримѣръ, Елена Михайловна! И башмаковъ еще не износила, въ которыхъ дала мнѣ слово, а сегодня...

Моя дама сдѣлалась пунцовой и раздраженно оборвала поручика:

— Никогда я не клялась вамъ, а если сказала «да», такъ это не считается: мы играли.

Вошла мать Лены и, прислушавшись, тоже серьезно сказала:

— Да, вѣдь, ты согласилась ждать, когда Владиміра Андревича произведутъ въ полковники?

Леночка соскочила съ мѣста и убѣжала. Покраснѣла и убѣжала! А главное — сама мама подтвердила, что поручикъ Орловъ сказалъ правду.

Большіе люди посмѣялись и забыли про насъ, — занялись своими разговорами. Я молчалъ, теребилъ бахрому скатерти и урывками и незамѣтно, съ злобной ненавистью, поглядывалъ на красиваго, а главное — настоящаго офицера. Конечно, она влюбилась въ него и ей только стыдно въ этомъ признаться. Потомъ она опять скажетъ ему «да». Я чувствовалъ себя несчастнымъ и осмѣяннымъ. Хорошо-бы тоже убѣжать, какъ сдѣлала моя дама, но гордость мѣшала мнѣ поступить такъ малодушно и я сидѣлъ, какъ пригвожденный къ стулу.

— Молодой человѣкъ!

Я не понялъ, что это я — молодой человѣкъ. Тогда мать Леночки тронула меня за плечо и сказала:

— Идите въ садъ и развеселите Лену: она капризничаетъ...

— Слушаюсь! — произнесъ я и направился къ выходящему въ садъ балкону.

Гдѣ она? Садъ въ полномъ цвѣту, полонъ тайны и благоуханій. Цвѣтутъ яблони, сирень, вишни. Гудятъ пчелы, поютъ птички. А со двора доносится солдатскій гомонъ. Я пошелъ искать Лену. Вонъ она! Въ бесѣдкѣ. Свѣтлое платьице ея мелькнуло въ зеленомъ ажурномъ узорѣ листвы и спряталось. Дѣлаю видъ, что я просто гуляю, иду мимо.

— Хотите посмотрѣть мою дачу?

— Ахъ, вы здѣсь?

Зашелъ въ бесѣдку. Точно въ замкѣ королевы! Высокій потолокъ съ куполомъ, какъ въ церкви... Разноцвѣтныя стекла. Все бѣлое, какъ снѣгъ: занавѣси, постель, мебель и сама королева! На столикахъ — сирень въ вазахъ. На диванѣ — огромный плюшевый медвѣдь. Она схватила этого медвѣдя, прижала къ своей груди и сказала:

— Вотъ кто—мой самый милый, самый любимый!.

— Вы любите животныхъ больше, чѣмъ людей? — спросилъ я съ укоризною.

— Моего Мишку!.. А почему медвѣдей всегда зовутъ Мишками? Васъ какъ зовутъ. ?

Я замялся и покраснѣлъ: меня звали Михаиломъ.

— Тоже такъ.

— Какъ?

— Мишкой.

Она звонко засмѣялась и стала ласкать своего «Мишку», обсыпая его ласкательными прилагательными, а потомъ накололась на воткнутую въ него булавку и, вскрикнувъ, сердито швырнула на диванъ:

— Ахъ ты противный! Я тебя такъ люблю, а ты колоться? Хотите — погуляемъ?

Пошли гулять. Она сорвала вѣтку сирени и стала искать цвѣточекъ съ пятью лепестками,

Когда мы шли вдоль рѣшетки, отдѣлявшей садъ отъ двора, — чрезъ поросль сиреневыхъ кустовъ я увидалъ сердитую морду моего ротнаго командира, дьячкова сына Петьки:

— Ты что тутъ съ бабами играешь? Долго намъ ждать тебя? Командиръ еще...

Я почувствовалъ неловкость: при Леночкѣ Петька позволяетъ такъ разговаривать со мной, полковникомъ, а главное — называть Леночку бабой!

Леночка тоже возмутилась:

— Какъ ты смѣешь называть меня бабой? Я вотъ скажу папѣ...

— Петька! Я тебя разжалую въ солдаты!

— Больно я испугался!.. Мы сами тебя отставимъ Мы ждетъ, ждемъ, а онъ тутъ съ бабами спутался... Мы ждать тебя не будемъ. Обабился!

— Посадите его подъ арестъ. Развѣ можно такъ говорить съ полковникомъ? — шепчетъ Леночка, понюхивая вѣточку сирени. Я былъ взволнованъ до глубины души: грубая дерзость мнѣ, полковнику, и оскорбленіе при Леночкѣ, унижающее меня въ ея глазахъ...

— Я прикажу тебя разстрѣлять!

— Ого-го! — выкрикнулъ Петька, свиснулъ по-разбойничьи и засверкалъ голыми пятками.

Мы шли въ неловкомъ молчаніи, оба обезкураженные дерзкимъ поведеніемъ Петьки. Меня подмывало сейчасъ-же отправиться къ своему полку и произвести военную расправу съ Петькой. Въ тѣ времена офицеры на ученіяхъ, какъ я самъ не разъ видѣлъ, бивали порой солдатъ по физіономіи.

— Я ему набью морду... подумалъ я вслухъ, чтобы нарушить неловкое молчаніе.

— А какъ-же? Онъ у васъ — ротный командиръ... Офицера нельзя бить, — замѣтила Леночка, хорошо знавшая военную мораль. Я поерошилъ волосы:

— А я сначала разжалую его въ солдаты, а потомъ набью морду!

Леночка радостно захохотала и почувствовала во мнѣ своего «рыцаря».

— Вы пожалуйста не вѣрьте поручику Орлову! Онъ воображаетъ, что самый красивый на свѣтѣ и что всѣ барышни — его невѣсты... Я и не думала. За кого захочу, за того и выйду замужъ...

— Я тоже...

Когда мы, сдѣлавъ кругъ по саду, поровнялись снова съ бесѣдкой, Леночка сказала:

— У меня есть альбомъ. Хотите посмотрѣть?

— Хочу.

Вошли въ бесѣдку. Леночка достала альбомъ въ сафьяновомъ переплетѣ.

— Напишите ... на память!

Я перелистывалъ альбомъ со стихами и изрѣченіями, съ розами, голубками, лирами, вѣнками, съ пушками, ружьями, орденами... Читалъ стихи, на всякіе лады воспѣвающіе красоту и добродѣтели Леночки. А Леночка уже подставила мнѣ перо и чернильницу, нагнулась надо мной и разсказывала:

— Это написалъ дядя — Коля... Это — одинъ студентъ. нашъ знакомый... Это... глупости! Нельзя Нельзя!

Она прикрыла ручкой страничку, а я старался прочитать и боролся съ мѣшавшей мнѣ рукой Леночки. Оторвалъ руку. Она капризно сказала: «Я все равно вырву эти глупости»! а я прóчиталъ начало и подпись —

Клянусь я первымъ днемъ творенья...

. . . . . .

Поручикъ Орловъ.

Леночка отняла альбомъ и вырвала страничку съ Орловымъ. Изодрала ее на мелкіе клочки и сказала:

— Напишите... вы!

Я судорожно рылся въ памяти, потиралъ лобъ и напрягалъ всѣ свои умственныя способности. Лѣзла въ голову разная отрывочная неподходящая чепуха, а хотѣлось написать что-нибудь замѣчательное, чтобы догадалась, какъ я люблю ее. Наконецъ-то! Вспомнилъ изъ альбома сестры-гимназистки... Только передѣлать имя...

— Не смотрите!

Леночка отвернулась къ саду и мурлыкала радостную пѣсенку, а я написалъ:

Лена, Лена! Я страдаю,
Я томлюсь, я умираю...
Я кого-то обожаю...
Отгадай- — кого?

Полковникъ Широковъ.

— Только уговоръ: при мнѣ не читайте! Когда уйду...

Гдѣ-же она? Лена? Обернулся, — она за спиной. Навѣрно, подсмотрѣла зачерезъ плечо. Вся пунцовая. Обнимаетъ своего медвѣдя и приговариваетъ:

— Мишенька! Милый, хорошій, пригожій... У-у, какъ я тебя люблю!

И смѣется, смѣеся...

А за заборомъ, съ улицы несется ухарская солдатская пѣсня — «Черная галка». Запѣваетъ знакомый голосъ Петьки, а потомъ — взрывъ ребячихъ голосовъ и разбойничій присвистъ — тоже Петька...

Выбѣжалъ изъ бесѣдки къ забору, посмотрѣлъ въ щелку: Петька — на моемъ мѣстѣ — командуетъ полкомъ... Лена смотритъ въ щелку и дышетъ прямо въ мою щеку.

— Господинъ полковникъ! — кричитъ ребячій голосъ со двора, чрезъ рѣшетку.

Мы побѣжали съ Леной къ рѣшеткѣ, къ тому мѣсту, гдѣ недавно получили оскорбленіе отъ Петьки.

— Имѣю честь доложить, что полкъ взбунтовался! Одинъ остался вѣрный... Петьку полковникомъ выбрали. Какъ прикажете поступить?

Я пожалъ плечами, какъ это дѣлалъ мой папа...

— Ну, и наплевать! — произнесъ, я послѣ нѣкотораго раздумья — Я и не желаю командовать такими дураками...

Такъ я впервые пострадалъ изъ-за женщины.

МАРУСЯ.

Лѣто передъ войной я проводилъ въ Крыму, въ милой радушной семьѣ покойнаго друга, писателя, имѣвшей свою дачу подъ Севастополемъ. И дача, и семья, и жизнь здѣсь, — все было необычайно. Дача была задумана съ широкимъ художественнымъ размахомъ, по замысламъ фантазера-писателя и его пріятеля, художника, безъ участія главнаго дѣйствующаго въ такихъ случаяхъ лица — архитектора. Планъ остался неосуществленнымъ, многое незаконченнымъ, многое успѣло развалиться, и теперь дача милаго семейства напоминала уголокъ открытой археологами Помпеи. Столовая напоминала «атріумъ», посреди ея былъ бассейнъ съ фонтаномъ. Передній фасадъ дома, обвитый буйно разросшимися виноградомъ, выходилъ своей коллонадой въ садъ и былъ разукрашенъ не то сфинксами, не то львами; по карнизамъ были расписаны красками картины на мифологическія сюжеты, картины, поблекшія и полинявшія отъ дождей и времени. Въ густомъ тѣнистомъ саду зрѣли сочные фрукты и бурливо шумѣлъ скакавшій по камнямъ широкій и звенящій зеленоватый потокъ, который въ семьѣ называли «Тибромъ»: Дача стояла въ долинкѣ межъ горъ, и близкое море было видно только съ верхняго балкона, который, по планамъ строителя, долженъ былъ сдѣлаться воздушнымъ садомъ, но теперь слу-

жилъ исключительно для сушки бѣлья и въ дождливое время протекалъ, огорчая обитателей нижняго этажа. Были еще двѣ башни съ круглыми окнами, напоминавшія огромныя тюремныя камеры, причемъ въ одной изъ нихъ, обыкновенно, помѣщались гости-мужчины, въ другой — гости-женщины. Широкое радушіе и гостепріимство семьи, богатой молодежью обоего пола, скрашивало лѣтнюю жизнь здѣсь радостчымъ шумливымъ хаосомъ. Дача уподоблялась какому-то странно-пріимному дому съ одной, впрочемъ, особенностью: странники и странницы, находившіе пріютъ въ этихъ «Помпейскихъ развалинахъ», всѣ были молоды, веселы, жизнерадостны, какъ и сама благодатная сверкающая радостью природа юга. Во всѣхъ душахъ горѣлъ яркій пламень жизни, отражаясь въ глазахъ и на ланитахъ. Много было наѣзжихъ родныхъ, но еще больше знакомыхъ, которые, путешествуя по Крыму, считали необходимымъ заѣхать погостить у милаго семейства. Одни пріѣзжали , другіе уѣзжали, одни чемоданы укладывались, другіе раскладывались. Молодое общество непрестанно освѣжалось и обновлялось новыми «загадочными личностями», постоянно пребыая въ повышенномъ настроеніи отъ неожиданныхъ встрѣчъ и разлукъ, мимолетныхъ душевныхъ касаній дѣвъ и юношей, смутныхъ ожиданій и быстрой смѣны разноцвѣтныхъ впечатлѣ.-ній. То рано утромъ, когда молодежь, проснувшись, нѣжилась еще въ постеляхъ, то вечеромъ, когда все общество собиралось подъ колоннадой за чайнымъ столомъ, — во дворъ вкатывала либо парная линейка подъ зонтикомъ, либо неуклюжая татарская мажара, либо влеталъ автомобиль, и выбрасывали новую партію гостей. Всѣ вскакивали и дворъ оглашался звонкими радостными голосами, вскрикивами, звонкимъ смѣхомъ, тащили че-

моданы, корзинки, картонки, и до разсвѣта садъ гудѣлъ молодыми голосами и хохотомъ. Часто знакомые прихватывали съ собою совершенно незнакомыхъ, и отъ этого было еще интереснѣе: таинственные незнакомцы! Милые, прекрасные странники и странницы, только что выходящіе въ долгій путь жизни съ огромнымъ запасомъ жизненной энергіи, съ любопытными глазами, съ ненасытною жаждою пить изъ полной чаши жизни, съ чистыми ясными душами, благоухающими, какъ цвѣты, распускающіеся на зарѣ навстрѣчу солнцу восходящему! Развѣ всѣ вы — не таинственные незнакомцы, приходящіе въ жизнь на смѣну уходящимъ?...

Такъ случилось и въ это лѣто. Однажды въ темную южную ночь, съ огромными сверкающими въ синемъ бархатѣ небесъ звѣздами, съ глубокими вздохами морского прибоя, съ таинственными разговорами цикадъ, пріѣхала новая партія знакомыхъ и привезла съ собою прекрасную загадочную личность женскаго пола.

— А это — Маруся... изъ Сибири! — отрекомендовали ее гости, и всѣ, особенно юноши, какъ говорится, глаза разинули: удивительно миловидная, пріятная дѣвушка съ пугливыми сѣрыми глазами, застѣнчивая, вспыхивающая яркими румянцами... Такая милая дикарка съ Урала, откуда впервые выбралась. Она только что кончила гимназію въ какомъ-то маленькомъ городкѣ Сибири, гдѣ прожила всѣ 16 лѣтъ своей жизни! Она давно уже мечтала о какой-то новой красивой жизни, о новыхъ людяхъ, о встрѣчѣ съ неизвѣстнымъ еще прекраснымъ рыцаремъ, который долженъ ее похитить, и страстно мечтала о морѣ, которое видѣла пока только на картинахъ... Совсѣмъ растерялась Маруся въ шумномъ незнакомомъ обществѣ и все жалась къ своимъ,

сибирякамъ, прячась отъ пытливыхъ взоровъ молодыхъ людей за огромнымъ самоваромъ. Въ эту-же ночь Марусю водили къ морю. Море было какъ небеса, сверкало отраженными звѣздами и медузами и тяжело вздыхало, кидаясь прибоемъ на откосъ песчаннаго пляжа, гдѣ сидѣла Маруся, завороженная и подавленная величайвой красотою и силою водяной стихіи...

— Я боюсь моря!—шептала Маруся, а окружающіе смѣялись.

Исполнилась одна мечта! Вотъ оно, море! Есть въ немъ что-то страшное. Всю ночь не спала Маруся, слушая, какъ вздыхаетъ море въ ночномъ молчаніи, и все чудилось ей, что огромная волна ползетъ къ ея постели и — вотъ-вотъ схватитъ и унесетъ ее въ морскія пучины на просторъ сверкающей безграничной стихіи. На душѣ дѣвушки было тревожно и радостно: исполнилась, наконецъ, одна мечта! Такое счастье! Скоро исполнится и другая завѣтная мечта: Маруся никогда въ жизни не видала, какъ люди летаютъ на аэропланахъ, видѣла тоже только на картинкахъ; а сегодня она узнала, что здѣсь каждый день летаютъ эти удивительныя птицы.

Маруся немного приглядѣлась къ обществу, перестала уже бояться окружающихъ, прятаться и отмалчиваться. Сразу перемѣнилась: оказалось, что она совсѣмъ не такая, какою показалась съ перваго взгляда: веселая, живая болтушка и хохотунья! Нечего и говорить, что Маруся сразу замутила здѣсь нѣсколько юныхъ мужскихъ душъ. Не одинъ странникъ, стягивая ремни своего чемодана для дальнѣйшаго путешествія, откладывалъ свой отъѣздъ до завтра или опаздывалъ умышленно на поѣздъ и возвращался, тайно желая еще одинъ денекъ побыть около милой дѣвушки.

Всю недѣлю дули вѣтра, и потому не появлялись пролетавшія, обыкновенно, надъ дачей аэропланы. Но вотъ вѣтеръ неожиданно стихъ и случилось то, что было похоже на внезапно ожившій погребенный въ вѣкахъ греческій мифъ,!.. Свершилось чудо: Любовь прилетѣла на крыльяхъ! Это было такъ необычайно, такъ удивительно красиво, почти какъ въ мифѣ, ибо происходило на берегахъ Тавриды, тѣсно связанной съ греческой мифологіей...

Дѣло было подъ вечеръ. Прятавшаяся отъ дневной жары молодежь понемногу выползала изъ «Помпейскихъ развалинъ» на балконы, кто съ книгой, кто съ вышивкой, кто съ одной мыслью — увидать Марусю. Верхній балконъ служилъ теперь какъ-бы сборнымъ пунктомъ, ибо сюда выходили двери изъ обѣихъ башенъ, мужской и женской. Внизу звенѣла чайная посуда — собирались пить чай — а наверху звенѣли дѣвичьи голоса и мурлыканье юношей. Самый звонкій голосъ былъ у Маруси. Не голосъ, а прямо музыка, да какая музыка! Эта музыка заставляла даже студента Антонова тревожно отрываться отъ книги и настораживаться, а между тѣмъ Антоновъ, кромѣ математики, ничего не признавалъ, даже и здѣсь, въ Крыму! И вотъ долетѣлъ Марусинъ голосъ до сурового юнаго математика, сидѣвшаго съ интегральнымъ исчисленіемъ въ саду у потока, и Антоновъ сладко потянулся и побрелъ на балконъ, откуда прилеталъ Марусинъ голосокъ. Всѣ были въ сборѣ, когда внезапно раздался характерный шумъ летящаго аэроплана...

— Маруся! Слышите?

— Автомобиль!

— Нѣтъ. Это аэропланъ.

Надо было видѣть Марусю въ этотъ моментъ! Она впервые увидала въ небесахъ плавно летящаго чудеснаго бѣлаго лебедя, закричала отъ удивленія

и восторга, чуть было не упала съ обморокъ. Потомъ простерла руки къ небесамъ и закричала:

— Возьми меня съ собой!

Дружно засмѣялось все общество надъ восторженной непосредственностью милой дѣвушки, которая подпрыгивала и, казалось, хотѣла взлетѣть слѣдомъ за исчезавшимъ въ голубыхъ туманахъ лебедемъ... Исчезъ!

— Улетѣлъ! — прошептала Маруся, готовая расклакаться. Но скоро снова донесся шумъ работающаго мотора, и снова появился на небѣ бѣлый лебедь.

— Сюда! Сюда! Ко мнѣ!.. — закричала Маруся, вздымая руки.

И вотъ — о, чудо! — аэропланъ сталъ кружить и снижаться и, казалось, хотѣлъ опуститься. Послѣ второго круга онъ поплылъ такъ низко, что можно было хорошо видѣть и самого лтчика, одѣтаго въ военную форму. Маруся пришла въ такой восторгъ, что стала кричать и махать носовымъ платочкомъ летчику:

— Къ намъ! Къ намъ!

Лебедь сдѣлалъ еще поворотъ и вдругъ шумъ мотора оборвался...

— Господа! Что-то случилось: аэропланъ падаетъ! — произнесъ Антоновъ. На мгновеніе всѣ замерли и сжались отъ ужаса: аэропланъ пролеталъ прямо надъ дачей и такъ низко, что всѣмъ показалось, что онъ неминуемо долженъ удариться лѣвымъ крыломъ о крышу башни. Но этого не случилось. Лебедь, слегка накренившись, проплылъ надъ башней и, быстро снизившись, пропалъ за ближайшей горой, отдѣлявшей дачу отъ моря.

— Упалъ! Упалъ! — закричала Маруся и, закрывъ лицо обѣими руками, заплакала.

— Да нѣтъ-же! Не упалъ, а спустился! Вамъ такъ показалось...

— Идемъ, господа!

Всѣ бросились съ балкона, толкаясь на узкой лѣстницѣ, взволнованные и испуганные возможнымъ несчастіемъ- Маруся бѣжала впереди и, отирая слезы, смѣшно причитала, напоминая русскую деревенскую дѣвушку. Быстро пробѣжали дворъ, высыпались за ворота и, какъ козлы и козы, запрыгали по каменистымъ косогорамъ на перевалъ, къ морю. И опять впереди всѣхъ прыгала Маруся. Она первой взобралась на высоту и радостно закричала:

— Онъ живъ!

На опускавшемся къ морю плоскогоріи, какъ на огромномъ коврѣ блѣдно-зеленаго цвѣта, ярко бѣлѣлъ крыльями опустившійся аэропланъ, а около него стоялъ летчикъ, фигура котораго рѣзко и красиво рисовалась на синемъ фонѣ спокойнаго моря. На поросшей чахлой зеленцой равнинѣ лежали розовые отсвѣты вечерней зари, море сверкало радостными улыбками, пахло соленой сыростью и іодомъ и въ тихомъ ласковомъ прибоѣ звонко и весело звучалъ хоръ, молодыхъ голосовъ. Подошли къ бѣлому лебедю и окуржили летчика-молодого, красиваго и стройнаго офицера, закидывая его сочувственными вопросами и вниманіемъ, Маруся стояла ближе другихъ и удивленно-вос. торженными глазами, съ благоговѣніемъ, смотрѣла на смѣлаго человѣка, который только что былъ подъ облаками, въ небесахъ. Онъ казался Марусѣ необыкновеннымъ человѣкомъ, какихъ она еще не встрѣчала въ своей жизни. Летчикъ сразу выдѣлилъ Марусю изъ всего хоровода молодого и, отвѣчая на вопросы, которыми его закидывали, обращался чаще всего къ ней. Всѣ перезнакомились съ летчи-

комъ и начали разсматривать птицу, слушая его объясненія.

— Что-же случилось?

— Испортилась передача бензина и моторъ остановился...

— Что-же вы теперь будете дѣлать?

— Вызову механика изъ Севастополя. Гдѣ тутъ есть телефонъ?

— Есть! Есть! У насъ есть! — радостно закричалъ хоръ голосовъ.

— Тогда разрѣшите пойти съ вами...

Оставили птицу подъ присмотромъ математика Антонова и всѣ шумной толпой двинулись на дачу. О, какъ все это было любопытно! Маруся дрожала отъ нервнаго возбужденія и радости, которая бурлила въ ней, выливаясь смѣхомъ и вскриками. Какое счастье! Маруся не только увидала, какъ люди летаютъ, а даже познакомилась и шла теперь рядомъ съ однимъ изъ такихъ удивительныхъ людей! Такой интересный и красивый, такой гордый и смѣлый! Даже неловко смотрѣть: вспыхиваютъ щеки, горитъ шея и уши. А когда глаза сойдутся съ его глазами, у Маруси кружится голова...

Затащили летчика къ себѣ на дачу и, пока не пріѣхалъ изъ Севастополя механикъ, поили его чаемъ, кормили фруктами, ухаживали за нимъ наперебой и слушали его разсказы изъ жизни въ небесахъ. Маруся не сводила глазъ съ отважнаго небоплавателя и побаивалась его, пугливо прячась за спину сосѣдки и тайно выглядывая оттуда на разсказщика. Потомъ она убѣжала въ садъ и скоро вернулась оттуда, пряча за спиною прекрасную пунцовую розу. Когда пріѣхалъ на автомобилѣ механикъ, всѣ отправились къ аэроплану и смотрѣли, какъ возился около него механикъ. Ну, вотъ и кончено:

— Готово! — сказалъ механикъ, оттирая тряпкой грязныя замасленныя руки.

Стали прощаться съ летчикомъ. Точно давніе знакомые! Летчикъ взобрался уже на свое сѣдло, а механикъ возился съ пропеллеромъ.

— Кто со мной? — шутливо спросилъ летчикъ и встрѣтился глазами съ Марусей.

Было замѣтно, какъ Маруся вздрогнула и рванулась, но сейчасъ-же потухла и остановилась, опустивъ глаза и вспыхнувъ до корня волосъ.

— Маруся! Что-же вы? Садитесь — ревниво сказалъ студентъ Антоновъ, и всѣ расхохотались, видя страхъ и ужасъ на лицѣ растерявшейся дѣвушки.

— Боюсь... прошептала она, готовая расплакаться.

— Идите! Чего бояться? Убьемся, такъ вмѣстѣ... — пошутилъ летчикъ, но тутъ завертѣлся и загудѣлъ пропеллеръ, и лебедь шевельнулся. Маруся рванулась и протянула летчику пунцовую розу. Тотъ горделиво улыбнулся, сдѣлалъ подъ козырекъ Марусѣ и протянулъ руку, но... взять не успѣлъ: бѣлая птица побѣжала по землѣ все быстрѣе, быстрѣе, потомъ оторвалась отъ земли и стала быстро возноситься. Спустя минуту аэропланъ уже повисъ въ синихъ небесахъ.

— Улетѣлъ! — шептала Маруся, держа розу въ опущенной рукѣ.

Всѣ долго стояли, наблюдая за уплывающимъ лебедемъ и потомъ тихо пошли домой. Только Маруся поминутно пріоставнавливалась и искада въ синихъ небесахъ глухо шумѣвшую гдѣ-то, высоко-высоко подъ небомъ, чудесную птицу...

Не знаю, какъ было дальше и какъ все это вышло. На другой день я уѣхалъ съ дачи, уѣхалъ изъ Крыма, и, конечно, быстро забылъ за суетою столичной жизни всю эту маленькую исторію, а вмѣстѣ

съ ней и Марусю. Однажды зимой встрѣтилъ на Невскомъ проспектѣ студента Антонова и сразу вспомнилъ и Крымъ, и «Помпейскія развалины», и сѣроокую красивую дѣвушку, и происшествіе съ бѣлой птицей. Вспомнилъ, почувствовалъ легкую пріятную грусть отъ воспоминаній о южномъ солнцѣ, о морѣ и о радостныхъ молодыхъ странникахъ и странницахъ жизни, задержалъ протянутую мнѣ руку студента Антонова, горбившагося отъ вѣтра и холода, и спросилъ:

— А помните Марусю съ Урала?

Антоновъ смутился, но быстро оправился и отвѣтилъ:

— Помню... да. Она замужъ вышла, но...

— За кого?

— А помните случай съ аэропланомъ? Такъ вотъ... за того самаго летчика.

— Какимъ-же это образомъ?

Мимо шла хмурая торопливая толпа столичныхъ жителей, толкала насъ со всѣхъ сторонъ и сами мы чувствовали, что нарушаемъ правильность движенія, стоя посреди панели. Наскоро пожали другъ другу руки и разошлись въ разныя стороны, я задумчиво шелъ и думалъ: какъ все это странно и красиво вышло: любовь прилетѣла на крыльяхъ! Въ головѣ вертѣлся мифъ объ Амурѣ и Психеѣ, и было такъ радостно и весело на душѣ въ этотъ сѣрый, туманный и холодный день на сѣверѣ: передъ глазами стояла дѣвушка съ пунцовой розою въ рукѣ и бѣжалъ отъ нея бѣлый лебедь, а въ ушахъ слышался грустный дѣвичій голосокъ:

— Улетѣлъ!

Оказалось, что не улетѣлъ таки! Попался въ западню прекрасныхъ сѣрыхъ глазъ и вернулся за розой!.. Бѣдный математикъ Антоновъ! Жила-была Маруся, встряхнувшая, было, всѣ математическія

формулы въ головѣ этого ничего непризнававшаго молодого человѣка, и, можетъ, все вышло -бы въ его жизни иначе, если-бы внезапно не спустился съ небесъ бѣлый лебедь!

Не знаю, почему — вся эта исторія крѣпко засѣла въ моей головѣ послѣ встрѣчи съ Антоновымъ и меня не покидало желаніе, если не увидать, то что-нибудь узнать о Марусѣ, о ея счастіи, о любви, которая началась такъ красиво. И мое желаніе исполнилось. Однажды я увидалъ въ концертѣ двухъ дѣвушекъ, показавшихся мнѣ знакомыми. Гдѣ-то и когда-то я съ ними встрѣчался! Но гдѣ и когда? Шелъ позади ихъ и вдругъ, услыхавъ голосъ одной изъ нихъ, вспомнилъ: да, вѣдь, эти дѣвушки и привезли съ собой Марусю съ Урала! И вотъ въ десятиминутный антракъ я узналъ про Марусю все, что мнѣ хотѣлось...

Любовь такъ странно начавшаяся, обѣщавшая счастливую и красивую жизнь, оказалась сплошной мукой. Любили другъ друга, какъ Ромео и Джульета, и все время терзали и мучали одинъ другого. Уже дважды расходились и снова сходились. Сейчасъ живутъ вмѣстѣ и продолжаютъ отправлять жизнь другъ другу.

— Почему? Ревность?

— Нѣтъ, нѣтъ...

Дѣло оказалось непоправимымъ: Маруся требуетъ отъ возлюбленнаго, чтобы тотъ бросилъ свою страшную профессію, не леталъ, потому что она живетъ въ вѣчномъ страхѣ и ужасѣ отъ тяжелыхъ ожиданій и предчувствій несчастія. Это не жизнь. а вѣчная мука! Если онъ ее любитъ, онъ долженъ понять, пощадить, поберечь любимую женщину. У Маруси есть на Уралѣ хуторокъ: ей такъ хотѣлось-бы спрятать тамъ свое счастье и свою нѣжную и пылкую любовь къ молодому мужу,

который сдѣлался уже отцомъ и всетаки не соглашается разстаться съ бѣлымъ конемъ-лебедемъ. Маруся такъ любитъ свой садикъ, свою рѣчку, своихъ курицъ, корову... и никакъ не можетъ понять, какъ можно все это, а главное — ее, Марусю, — у которой онъ цѣлуетъ ноги и плачетъ, расточая клятвы въ безграничной любви, — какъ можно промѣнять на страшную птицу, вѣчно носящую въ себѣ угрозу жизни и конецъ счастію! Мужъ сдѣлалъ женѣ уступку: бросилъ, было, свою птицу, но скоро затосковалъ и снова началъ летать. Конечно, онъ мало любитъ бѣдную Марусю... и сѣроглазаго мальчика, который такъ похожъ на мать...

— Ну, а какъ они теперь?

— Онъ на войнѣ... летчикомъ на западномъ фронтѣ...

Вихремъ налетѣла эта война, проклятая война, и разлучила Амура съ Психеей. Неисчислимыми массами двинулись къ границамъ защитники родины, сверкая штыками ружей, и туда-же направили свой полетъ вереницы чудесныхъ птицъ. И съ однимъ изъ бѣлыхъ лебедей улетѣлъ туда-же и возлюбленный бѣдной Маруси. Не про нее-ли писали газеты:

«Въ тылу арміи появилась молодая женщина, жена летчика, и тщетно ищетъ своего мужа, распрашивая солдатъ и офицеровъ, производя впечатлѣніе нервно-больнго человѣка. Она со слезами разсказываетъ всѣмъ, что бѣлая птица скрылась за лѣсомъ и болѣе не возвращалась. По цѣлымъ часамъ эта молодая женщина сидитъ неподвижно на горѣ, подъ лѣсомъ, неподвижно смотритъ на западъ, въ синюю мглу небесъ, и шепчетъ:

— Улетѣлъ!

МОЙ ЧЕМОДАНЪ.

Вчера я разбирался въ чемоданѣ, который сунули мнѣ родные, когда я садился на морской мрачный пароходъ, чтобы надолго, можетъ быть, — навсегда, покинуть милую несчастную родину и дорогихъ сердцу людей...

Старый, такой знакомый чемоданъ! Точно тоже родной мнѣ этотъ чемоданъ... Въ огромномъ городѣ, въ одинокой каморкѣ русскаго бродяги-пзгнаника, этотъ родной чемоданъ смотрѣлъ на меня съ такой ласковой немного печальной улыбкою, что я не вытерпѣлъ: припалъ къ нему на колѣни, дружески похлопалъ его по крышкѣ и спросилъ:

— Скучно, другъ?

И отъ тоски и одиночества я раскрылъ родной чемоданъ и сталъ въ немъ рыться. Это давало такую острую радость! Точно кусочекъ родного дома, кусочекъ родины, кусочекъ моей жизни на родинѣ, съ ея радостями и печалями!

Въ торопяхъ родные набили тебя, милый чемоданъ, чѣмъ попало: нужнымъ и ненужнымъ. И всетаки, ты весь пропитанъ любовью, которая осталась тамъ, далеко за морями, за горами за долами, за лѣсами! Отъ каждой вещи струится тайная нить былого счастія, заботливой ласки и вниманія дорогихъ, покинутыхъ надолго можетъ быть, — навсегда! — людей... Навсегда! О, какое

это страшное и жестокое слово! И тѣмъ дороже становится всякій пустякъ, всякая ненужная мелочь изъ родного дома...

Вотъ миніатюрный женскій носовой платочекъ, оглаженный рукою любимой женщины. Я прикладываю его къ щекѣ и онъ ласкаетъ меня и точно хочетъ отереть слезы, которыя прыгаютъ съ рѣсницъ въ раскрытый чемоданъ... Вотъ письма жены и дѣтей. Они написаны еще въ ту пору, когда... Нѣтъ, въ нихъ столько радости и улыбокъ, что лучше не читать... Вотъ подушечка «думка». Она молча говоритъ мнѣ: «будешь спать и видѣть меня во снѣ!...» Говоритъ такимъ дорогимъ, такимъ знакомымъ голосомъ, что я озираю свою одинокую каморку, словно надѣюсь кого-то увидать!...

Милый родной чемоданъ! Каждая вещица, каждая мелочь твоя — заставляетъ тоскливо и тревожно стучать мое сердце. Ты воскресаешь пережитыя радости, а теперь всѣ онѣ кажутся огромными, необъятными и неоцѣненными! А это что? Книга? Тургеневъ! Старый, дорогой переплетъ и истрепанныя страницы. Надпись: «Ученику 5 класса III-ей Казанской гимназіи, Чирикову Евгенію, удостоенному при переходѣ изъ 5-го въ 6-ой классъ за прилежаніе и успѣхи наградою второй степени». Знакомая закладочка вышитая «напамять» прекрасной дѣвушкой... Господи, какъ все это было давно! Вотъ и жизнь почти прожита, а между тѣмъ кажется, что все это было только вчера или позавчера! Съ трепетнымъ волненіемъ я беру въ руки старую книгу, перелистываю ее и вздрагиваю, пугаюсь отъ трепетной радости: я вижу засохшую вѣточку полевыхъ «Анютиныхъ глазокъ»!..

«Анютины глазки»! Они лежатъ въ повѣсти «Первая любовь»... Тамъ, гдѣ мы остановились, не

докончивъ чтенія... Анютины глазки! Ахъ это была такая маленькая повѣсть, какъ же она сохранилась на всю жизнь?.. До сѣдой головы!

Горькая правда жизни испугалась маленькой повѣсти высохшихъ «Анютиныхъ глазокъ». Нѣтъ больше у меня сѣдой головы, низко склонившейся отъ усталости и печали... Опять я на своей родинѣ, а не на чужой землѣ... И не въ одинокой каморкѣ чужого города я, а въ родномъ березовомъ лѣсу!...

Румяный в е ч е р ъ . Березовый лѣсъ, потомъ пестрые луга и рѣчка... Когда мы шли березовой рощей, я рѣшился, наконецъ, сказать гимназисткѣ Валѣ, что я не могу безъ нея жить. Она разсердилась. На что? Развѣ я виноватъ?.. Она вспыхнула и убѣжала впередъ... Тревожно шумѣли березы... Лѣсъ сдѣлался безрадостнымъ, угрюмымъ... Свѣтлое наивное платьице милой дѣвочки то мелькало яркимъ пятномъ въ угрюмомъ зеленомъ сумракѣ, то проподало въ золотисто-зеленыхъ кружевахъ листвы! О, какъ я одинокъ! какъ я несчастенъ. А вѣдь мнѣ казалось, что она... Что мнѣ дѣлать? За что такое униженіе? Отъ него горятъ щеки и уши... Теперь я никогда уже болѣе не встрѣчусь съ ея ласковыми глазами, съ ея улыбкой, отъ которой дрожитъ вся душа, въ которомъ мнѣ чудились огоньки отвѣтной любви!.. Значитъ, — все кончено.. Все кончено! Все кончено! Вѣдь я не посмѣю болѣе даже взглянуть въ ея лицо...

... Гдѣ она? Скрылась... Точно солнышко зашло за лѣсъ и никогда уже болѣе не выглянетъ на землю, на мою землю! Идти-ли мнѣ туда, впередъ Зачѣмъ?.. Вѣдь, все кончено? Такъ тяжело было идти впередъ, а всетаки шелъ. Тихо, нога за ногу, но шелъ. Шелъ, какъ побитая собака за своимъ разгнѣваннымъ хозяиномъ...

Порѣдѣлъ лѣсъ. Отодвинулись, разступились березы. Грустно улыбнулись березки и кустики надъ взгорьемъ и раскрылся голубой куполъ небесъ съ бѣлоснѣжно-румяными облачками надъ широкимъ зеленымъ просторомъ луговъ. Луга! Какъ ковры изъ цвѣтовъ. Сколько радостнаго шуму и трезвона! Тысячи насѣкомыхъ радостно носятся и жужжатъ надъ высокой сочной травою, а вдали змѣится зеркальная дорожка рѣчки... Кругомъ такая неизбывная радость жизни, а я такой одинокій и несчастный!.. Гдѣ она, моя любимая и жестокая? Вонъ она! Идетъ луговой тропинкой съ вѣнкомъ изъ синихъ колокольчиковъ на головѣ. Она и сама то похожа на какой то огромный цвѣтокъ! На Ромашку!

Я стоялъ и пугливо смотрѣлъ вслѣдъ дѣвушкѣ. Не оглядывается... Напѣваетъ беззаботную пѣсенку и ныряетъ въ травѣ: собираетъ цвѣты или землянику...

Какая-же ты, Валя, жестокая!

И вдругъ — чудо: выпрямилась, прикрыла глаза ладонью руки, засмѣялась и позвала:

— Идите-же! Что вы тамъ...?

Радость хлынула въ душу. Точно вешняя вода, прорвавшая мельничную плотину. Весь въ радостномъ огнѣ и трепетѣ! Она ждетъ, она заветъ, а я...

Какой-же я!

И, не разбирая тропокъ, я лечу на крыльяхъ радости туда, къ ней...

— Посмотрите, какой вѣнокъ я сплела изъ ромашекъ, колокольчиковъ и анютиныхъ глазокъ!

— Онъ такъ идетъ къ вамъ, Валя!

— Опять комплименты? — угрожающе спрашиваетъ Валя и смотритъ на меня прищуреннымъ взглядомъ побѣдителя.

— Нѣтъ, нѣтъ... Не буду, даю слово, что...

— То-то!.. Я не люблю, когда... Давайте лучше читать Тургенева!

— Да, да...

Мы пошли къ рѣчкѣ, выбрали уютное мѣстечко подъ нависшею надъ водой черемухой и стали читать вотъ эту самую книжку, которой я былъ награжденъ за успѣхи и прилежаніе. Читали «Первую любовь». Но такъ мѣшали комары и птицы! И такъ красивы были на золотисто-румяной поверхности рѣчки бѣлоснѣжныя кувшинки съ золотыми брошками въ сердцахъ!

Я часто обрывалъ чтеніе и смотрѣлъ на Валю. Она подымала строгіе взоры и говорила:

— Ну! Дальше!

А я уже не боялся больше встрѣчъ съ ея глазами: въ нихъ снова рождался прежній миражъ любви и счастія... Да, я снова былъ счастливъ... О, какъ я былъ счастливъ!

— Ну! Дальше!

— Комаръ кусается... Вы зачѣмъ сняли вѣнокъ? Валя вертитъ въ рукахъ вѣнокъ. Вынула вѣточку «Анютиныхъ глазокъ»:

— Заложите страницу, на которой остановились!. А теперь дайте мнѣ книгу!

Что она придумала?

— Скажите, какая страница и строчка? И всверху или снизу? Я загадала...

Я называю страницу и строчку. Поискала, нашла, покраснѣла и захлопнула книгу. Посмотрѣла искоса на меня и виновато какъ-то улыбнулась. Боже мой! Отъ этой улыбки у меня померкло въ глазахъ и закружилась голова: «она тебя любитъ, любитъ!» — шептало мнѣ сердце!

Не могу больше читать отъ радости. Смотрю на кувшинки, на коромысло, трепещущее крылышками

надъ осокой, на мошкару, толпой пляшущую надъ розовой водою, на Валину косу съ ленточкой...

— Надо идти... Солнышко садится... шепчетъ Валя, погрызывая бѣлыми зубами травинку.

Не дочитали. Пошли. Когда шли лугами, чувствовалось подъ ногами холодная влажность Надъ рѣчкой началъ уже струиться бѣлѣсоватый дымокъ тумана. Въ болотинѣ заверещали лягушки. На взгорьѣ пріостановились; въ черемухахъ, за рѣчкой, засвисталъ соловушекъ. Ни слова не говорили другъ другу, только слушали... Было и радостно и грустно.

— Ну, пойдем... те! — прошептала Валя и вздохнула...

Вошли въ лѣсъ. Сгустился зеленый сумракъ. Сѣло солнышко и дорожка пропадала въ таинственномъ лабиринтѣ березъ и кустарника...

— А вдругъ появится Лѣшій? — прошептала Валя и взяла меня подъ руку. Моментами она пугалась и прижималась къ моей рукѣ. А я... не боялся ничего на свѣтѣ. Развѣ я дамъ въ обиду любимую дѣвушку даже самому Лѣшему? . .

Вотъ и кончается лѣсъ... Валя вырвала руку и стала оправлять прическу, надѣвать вмѣсто вѣнка — соломенную шляпу!

— Валя! А вы всетаки скажите мнѣ... Я не могу такъ жить... Для меня это вопросъ жизни или смерти.

Валя захохотала и побѣжала... Словно крылья выросли вдругъ у меня за плечами. Я быстро настигъ милую дѣвушку и, какъ ястребъ, вцѣпился въ нее. Скатилась за спину и повисла на рѣзиночкѣ соломенная шляпа. Я не знаю, какъ я осмѣлился... Какъ я осмѣлился?! Я поцѣловалъ Валю... Я поцѣловалъ ее!... Разсердилась и убѣжала...

Много-много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Почти

вся жизнь прошла! А въ старой книгѣ въ чемоданѣ все по прежнему лежитъ сухая вѣточка «Анютиныхъ глазокъ»...

Я смотрѣлъ на эту засохшую вѣточку и слезы прыгали въ раскрытой чемоданъ, мой родной чемоданъ...

ОГЛАВЛЕНІЕ

	Стр.
Дѣвичьи слезы	5
Чудо воскресенья	13
Бѣлые грибы	30
Черная кошка	47
Троица	55
Въ родныхъ сугробахъ	64
Несчастный случай	80
Невѣста	88
Измѣна	103
Волки	110
Водолей	123
Снѣгурочка	146
Полковникъ	153
Маруся	167
Мой чемоданъ	179

Impr. de Navarre, 5, rue des Gobelins, Paris.